ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ

БЕСѢДЫ О РЕВОЛЮЦІИ

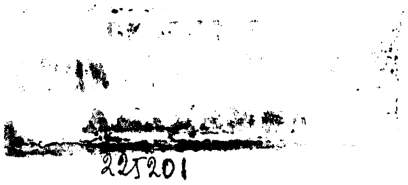
НАБРОСКИ И ОЧЕРКИ

ВЪ РАЗГОВОРАХЪ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ.

Варѳоломея Кочнева.

Моск. Гл. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ
Библіотека Кн. П. А. ГОЛИЦЫНА.
№ 102

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
1880.



Дозволено цензурой. Москва, 11 сентября 1880 года.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ

БЕСѢДЫ О РЕВОЛЮЦІИ

НАБРОСКИ И ОЧЕРКИ ВЪ РАЗГОВОРАХЪ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ.

РАЗГОВОРЪ ПЕРВЫЙ.

Пріятель *(читаетъ газеты)*. Читаю о празднествахъ въ Парижѣ 14 іюля нынѣшняго года. Любятъ Французы устраивать эти гражданскіе праздники—fêtes civiques. Какихъ чудесъ ни видалъ въ этомъ отношеніи старый Парижъ, особенно въ эпоху революціи!

Авторъ. Да развѣ теперешняя эпоха не есть эпоха революціи? Далеко еще не кончилась борьба со старымъ порядкомъ, какъ ни кажется онъ разрушеннымъ. Можетъ-быть только теперь борьба становится дѣйствительно роковою. Не берусь предсказать ея исходъ.

Пріятель *(пробѣгая газеты)*. Пишутъ что парижскій архіепископъ запретилъ духовенству въ день праздника показываться на улицѣ. И благоразумно сдѣлалъ. Не миновать бы скандаловъ... Полиція стушевалась... Впрочемъ народъ велъ себя самымъ приличнымъ образомъ, и день мирнаго торжества прошелъ какъ нельзя лучше...

Авторъ. Всегдашній прилѣвъ въ описаніи празднествъ. То же писалось, бывало, во время Второй Имперіи по случаю народныхъ гуляній 15 августа, въ Наполеоновъ день. Точно гуляющая толпа есть какой-то звѣрь спущенный съ цѣпи: слава Богу что прошелъ мимо не надѣлавъ бѣды. Не очень

лестное понятіе о народѣ-повелителѣ, именемъ котораго правится Франція!

Пріятель. А нигдѣ, кажется, обновленная реслубликанская Франція не встрѣчаетъ такого сочувствія какъ у насъ, если судить по газетамъ. Нѣкоторыя славятъ праздникъ 14 іюля какъ событіе долженствующее привести въ восхищеніе всю земную планету и говорятъ такъ что подумаешь и ихъ сердца исполнены радостными воспоминаніями о томъ какъ „народъ“ взялъ „твердыню Басталіи“ у не защищавшихся инвалидовъ.

Авторъ. У насъ очень силенъ культъ французской революціи, хотя нигдѣ, конечно, не распространены такъ мало какъ у насъ свѣдѣнія объ этомъ событіи. Можетъ-быть и культъ поддерживается главнымъ образомъ тѣмъ что о событіи этомъ имѣются у насъ лишь самыя неясныя, миѳическія представленія.

Пріятель. Это идетъ издалека. Помнишь, лѣтъ тридцать почти тому назадъ, въ наши студентскіе годы, подъ какимъ великимъ запретомъ и въ печати, и на каѳедрахъ было у насъ слово *революція*. Въ университетскихъ библіотекахъ книги гдѣ говорится о революціи были отставлены въ особые шкафы. На сочиненіяхъ авторы которыхъ болѣе или менѣе сочувственно относятся къ событію красовался ярлыкъ „запрещено безусловно“. Ихъ не давали даже профессорамъ, развѣ потихоньку. На простыхъ повѣствованіяхъ о происшествіяхъ запрещенной эпохи, мемуарахъ, сборникахъ, документахъ, значилось: „запрещено для публики“. Эти не выдавались студентамъ и постороннимъ читателямъ. И всѣ эти запреты не помѣшали революціоннымъ идеямъ чрезъ всѣ преграды проникать въ молодые умы.

Авторъ. Да. Какое бывало наслажденіе доставлялъ добытый отъ какого-нибудь обладателя запрещеннаго плода, профессора или иного счастливца, на самое короткое время опасный томъ какой-нибудь исторіи революціи, въ которомъ казалось и заключается самая-то скрываемая истина. Помнишь съ какою жадностью одолѣвали мы въ одну ночь томъ Мишле, Луи Блана, въ четыреста, пятьсотъ страницъ, понимаемый изъ пятаго въ десятое и по недостаточному знанію языка и по отсутствію свѣдѣній вообще. Чѣмъ сочиненіе запрещеннѣе тѣмъ казалось истиннѣе.

Пріятель. Надо признаться что нашимъ юношескимъ увлеченіямъ не мало содѣйствовало то обстоятельство что въ литературныхъ и профессорскихъ кружкахъ, имѣвшихъ наи-

болѣе вліянія на молодые умы, этотъ, какъ ты называешь, „культъ революціи“, если не въ подробностяхъ исполненія ея программы, то въ ея началахъ, идеяхъ,—неотразимо де имѣющихъ осуществиться и отдѣлить новый міръ отъ стараго—принадлежалъ къ числу основныхъ убѣжденій. Французскіе приверженцы революціоннаго культа не изъ крайнихъ называютъ эти начала бесмертными началами 89 года. Мы понимали ихъ менѣе опредѣленно, но шире, включая революцію какъ самую капитальную часть въ общее понятіе объ историческомъ прогрессѣ. Разумѣли подъ началами этими все стремящееся и обѣщающее передѣлать неудовлетворительный существующій порядокъ на новый, непремѣнно лучшій,—свободу во всѣхъ видахъ, борьбу со всякими притѣсненіями, изобличеніе злоупотребленій, уничтоженіе предразсудковъ, словомъ, цѣлый винегретъ прогресса, осуществить который мѣшаетъ только невѣжество массъ коснѣющихъ и удерживаемыхъ въ предразсудкахъ, а также своекорыстіе людей власть имѣющихъ. Въ какой мѣрѣ въ кружкахъ былъ силенъ этотъ широкій революціонный культъ о томъ свидѣтельствуютъ изъ нихъ вышедшія наши дилетанты всесвѣтной революціи: Герценъ, Огаревъ, съ ихъ изданіями, играющими не малую роль въ печатной исторіи русскаго сбиванья съ толку; наконецъ Бакунинъ, прямо пошедшій дѣлать чужія революціи.

Авторъ. Образованіе у насъ революціоннаго культа съ его оттѣнками—отъ поклоненія идеаламъ до поклоненія практикѣ,—чрезвычайно понятно. Наши литературные и научные руководители, при бо́льшихъ конечно познаніяхъ и большей опытности чѣмъ какія мы имѣли,—были по отношенію къ политическимъ вопросамъ, и къ дѣлу революціи въ томъ числѣ, такіе же неопытные новички какъ и мы юноши. Между практикой окружающей жизни и тѣмъ что̀ слагалось въ умахъ изъ книжнаго знакомства съ міромъ европейской цивилизаціи была тогда цѣлая пропасть. Чувствовалось внутреннее раздвоеніе. Съ одной стороны, непроглядная дѣйствительность съ явленіями невѣжества, грубаго стѣсненія всего что̀ дорого человѣку дорожащему свободой своей мысли; съ другой—фантастическій идеалъ свободнаго цивилизованнаго государства осуществляемый на Западѣ, и если не осуществленный еще, то лишь благодаря противодѣйствію именно тѣхъ же темныхъ силъ которыя такъ давали себя чувствовать вокругъ. Для серіозной оцѣнки явленій жизни требовалась степень зрѣло-

сти которою не обладали ни мы, ни наши руководители. Нѣкоторые спасались отъ раздвоенія идеаломъ древней Руси....

Пріятель. А какъ тяжело иногда чувствовалось это раздвоеніе! Въ эпоху Крымской войны, и великаго Севастопольскаго сидѣнья не мало было между нами почти радовавшихся нашимъ пораженіямъ какъ побѣдѣ цивилизаціи надъ зазнавшимся варварствомъ. Въ комъ не заглушены были здоровые инстинкты патріотизма, тѣ чувствовали чудовищность явленія. Въ біографіи Грановскаго можно видѣть какъ онъ съ испугомъ отклонился отъ космополитическихъ сужденій этого рода, почувствовавъ въ себѣ русскаго человѣка. Чрезъ нѣсколько лѣтъ наступила было минута когда печальное раздвоеніе о которомъ мы говоримъ, источникъ множества явленій со „скитальчествомъ“ включительно, о которомъ заговорили въ послѣднее время, — готово, казалось, было навсегда исчезнуть. Это минута нашего національнаго пробужденія въ 1863 году во время Польскаго возстанія. Вдругъ стало яснымъ что русскій патріотизмъ не грубость массъ, не чудачество кружка, не притворство желающихъ выслужиться у правительства, а сознаніе себя Русскимъ, не стыдящимся исторіи своего народа, не отрекающимся отъ нея со всею ея нравственною отвѣтственностію и трудными задачами указываемыми вѣчною справедливостью, по волѣ которой и возвышаются и падаютъ народы. Почувствовалось что разумный патріотизмъ есть истинный признакъ образованнаго народа, а пошлый космополитизмъ, такой же признакъ варварства какъ и китайщина. Но плохо воспользовались мы этою минутой. Остановились, какъ остановились потомъ предъ стѣнами Константинополя. Медленны шаги исторіи!

Авторъ. Исторія прошедшаго, фундаменты быта западныхъ народовъ для насъ были чужды. По отношенію къ ихъ историческимъ завѣтамъ мы чувствовали себя, совершенно налегкѣ, подобно тому какъ почувствовали себя Французы революціонной эпохи, сбросившіе съ себя или лучше сказать вообразившіе что сбросили всѣ тяготы своей исторіи. Тѣ силы которыя, какъ напримѣръ католицизмъ, имѣютъ такое существенное значеніе въ жизни Французской націи, для насъ непонятны. Мы еще можемъ представить себѣ крестьянина ревностнаго католика, рисуя его себѣ по образцу православнаго крестьянина, но не можемъ войти въ кожу образованнаго Француза-католика. Такъ же

мало понятенъ Французъ-легитимистъ. Мотивы одушевлявшіе людей къ борьбѣ съ революціей были для насъ вообще мало доступны; наиболѣе понятны были худшіе изъ нихъ,— своекорыстіе, нежеланіе отдать что имѣешь. Между тѣмъ, стремленіе къ обновленію во имя теоретическихъ началъ, простыхъ и привлекательныхъ съ виду, казалось чрезвычайно понятнымъ. У насъ сложилось политическое ученіе до наивности простое, которое и теперь въ полномъ ходу. Въ мятущемся человѣчествѣ двѣ стороны— темная сторона стараго порядка и свѣтлая сторона обновленія. Царство предразсудковъ и царство яснаго разума. Добродѣтель, честность, иныя хорошія качества, спеціальная принадлежность первой стороны—стороны либеральныхъ идей. Могутъ быть и въ ней заблужденія и даже заблужденія ужасныя, разыгрывающіяся кровавыми послѣдствіями, но и эти заблужденія проистекаютъ изъ чистаго въ началѣ своемъ источника. Могутъ, правда, быть явленія честности, добродѣтели, величія и на другой сторонѣ; но это честность и добродѣтель предразсудка, величіе паденія. Мотивы на этой сторонѣ или своекорыстные разчеты, или темные инстинкты духа, а не желаніе блага, не свѣтлое представленіе разума какъ тамъ. Обновленіе должно свершиться, препятствія къ нему должны быть убраны. Какъ—немедленно ли и всякими средствами, какъ требуютъ болѣе ретивые,—постепенно ли и безъ болѣзненныхъ операцій, какъ предлагаютъ болѣе спокойные: это можетъ быть предметомъ сомнѣнія, но сущности дѣла не измѣняетъ. При такой постановкѣ какое же можетъ быть колебаніе для ума свободно относящагося къ дѣлу куда примкнуть, на сторону ли враговъ или на сторону друзей революціи. А умомъ свободно относящимся къ дѣлу естественно чувствовалъ себя всякій изъ насъ, урывками и тайкомъ знакомясь съ событіями великой революціонной драмы.

Пріятель. Все это очень понятно, но отъ того не легче. Незрѣлость нашихъ политическихъ понятій въ эпоху зарожденія революціоннаго культа далеко не имѣла того важнаго значенія какое можетъ получить нынѣ. Тогда лежала цѣлая пропасть между практическою жизнью и теоретическими идеями, для самаго незначительнаго меньшинства имѣвшими сколько-нибудь серіозную цѣну. Для большинства причислявшихъ себя тогда къ современнообразованнымъ людямъ идеи эти проходили въ умѣ легкимъ и не яснымъ обликомъ. Культъ революціи являлся въ

формѣ отдаленнаго поклоненія и лишенъ былъ практическаго значенія и силы. Далеко не то теперь, когда такъ бродятъ въ обществѣ стремленія къ дѣятельной политической жизни, когда понятія такъ смутны, когда мы испытываемъ злоупотребленія свободы безъ самой свободы, тиранію не власти, а безвластія и противовластія, когда на практикѣ есть русская соціально-революціонная партія съ сектами и подраздѣленіями. Отъ революціи и революціонеровъ въ тѣсномъ смыслѣ у насъ нынѣ принято искренно или неискренно отрекаться самымъ рѣшительнымъ образомъ. Не только газета *Голосъ*, считающая себя выразителемъ идей „либеральной фракціи“ нашихъ правящихъ людей, отрекается отъ революціонеровъ; отъ нихъ во всеуслышаніе отреклись на судѣ сами участники „соціально-революціоннаго движенія“—ихъ собственные коноводы, докторъ Веймаръ и студентъ Михайловъ. Когда послѣ кинжаловъ и взрывовъ начались со стороны глаголемыхъ (терминъ какой митрополитъ Филаретъ ввелъ относительно старообрядцевъ) либераловъ усиленныя отреканія отъ революціонной партіи, доходившія до лаѳоса проклятій, партія въ заграничныхъ изданіяхъ посмѣивалась, говоря: „а все-таки вы наши и съ нами за одно“. Теперь и въ крайнемъ лагерѣ mot d'ordre отказываться отъ насильственныхъ мѣръ. Никакой насильственный переворотъ не желателенъ (благо и невозможенъ). Нашелся наконецъ успокоительный пунктъ на которомъ кажется всѣ согласились, и крайніе, и умѣренные, и просто либеральные. Переворотъ желателенъ и требуется постепенный, законный, путемъ „либеральнаго прогресса“. Мы хотимъ значитъ того что діаметрально противоположно революціи. Такъ ли? Вѣдь и первая французская революція до разогнанія палатъ 18 брюмера и захвата власти Наполеономъ подойдетъ подъ наше опредѣленіе. Переворотъ былъ, правда, быстрый, но быстрота не исключаетъ постепенности. Что могло быть законнѣе созванія королемъ представителей народа въ формѣ Генеральныхъ Штатовъ? Дальнѣйшая дѣятельность представителей націи организованныхъ въ Національное Собраніе хотя и шла съ первыхъ шаговъ противъ желаній и почина короля, но постоянно санкціонировалась его согласіемъ. Мятежи и неистовства толпы не считались необходимою частію революціи. Вожаки дѣла указывали на нихъ (а иногда подъ рукой ихъ возжигали) какъ на непререкаемый аргументъ ненормальнаго состоянія общества, исцѣленіе котораго зависитъ отъ уступокъ стремленіямъ неудовлетвореніе коимъ

производитъ болѣзнь. Всѣ акты и декреты Національнаго Собранія, опредѣлявшіе его власть и предѣлъ власти короля, признаны и утверждены королемъ и утверждены въ важнѣйшихъ моментахъ съ искреннимъ желаніемъ имъ подчиниться. Законно, актами верховной власти страны утверждались государственныя конституціи; по суду и закону отрубили голову королю, присягнувшему на званіе перваго чиновника государства, и въ такомъ отвѣтственномъ качествѣ преданнаго суду; по суду и закону Конвентъ казнилъ десятки тысячъ, обагряя кровью измученную страну. Законъ былъ написанъ на знамени всѣхъ самыхъ ужасающихъ дѣйствій. Самое слово *революція*,—такъ переворотъ былъ наименованъ съ самыхъ первыхъ шаговъ—не имѣло тогда значенія насильственнаго переворота. Никто не понималъ революцію какъ бунтъ или возмущеніе. Дѣйствіе революціонное значило энергическое исполненіе благаго закона. Незаконный и революціонный казались два понятія взаимно исключающія одно другое. Значитъ не постепенностію и законностію характеризуются дѣйствія противныя революціоннымъ, а чѣмъ-нибудь инымъ. Захватъ власти безъ боя, проникновеніе во власть можетъ точно также своимъ послѣдствіемъ революцію, какъ и уличное возстаніе съ баррикадами и кровію. Суть дѣла—во имя какихъ идей производится или долженъ быть произведенъ переворотъ, чѣмъ именно должно было обновлено человѣчество вообще, и каждая страна въ отдѣльности. Если есть въ самомъ дѣлѣ такой рецептъ который стоитъ только исполнить и человѣчество несомнѣнно обновится въ новый счастливый міръ, то можно ли не желать осуществленія этого рецепта и не призывать всѣмъ сердцемъ того дня когда осуществленіе это свершится? А если этотъ рецептъ заключается въ началахъ внесенныхъ въ міръ французскою революціей, то можно ли не раздѣлять культа революціи? Если цѣль ясна и извѣстна, то вопросъ только въ путяхъ для болѣе или менѣе удобнаго ея достиженія. Вся суть дѣла—ясна ли цѣль и не миражъ ли то что̀ указывается вдали. Цѣлое войско въ степи можетъ погибнуть принявъ миражъ за дѣйствительность. Отъ миража можетъ спасти или жизненный опытъ, сто́ящій иногда не малыхъ жертвъ, или научное знаніе достигнутое изученіемъ явленія.

Авторъ. Ты сказалъ слово. Нѣтъ у насъ зла бо́льшаго какъ безпомощность нашего знанія. Ею объясняется наше невѣроятное легкомысліе въ серіознѣйшихъ дѣлахъ и то какъ могутъ имѣть у насъ успѣхи обманы самаго грубаго

свойства. Нечего закрывать глаза. Современное состояніе нашего общества скрываетъ въ себѣ не мало опасностей. И главная изъ нихъ не въ томъ темномъ пятнѣ на которое направлено вниманіе: замажемъ, говорятъ, пятно и все пойдетъ по маслу,—а въ томъ сѣромъ фонѣ въ какомъ это пятно выступило. Мы до страсти любимъ обличать зло нашего положенія, но настоящее его зло легкомысленнѣйше просматриваемъ. Мы всѣ жалуемся, но на то ли что̀ насъ дѣйствительно разслабляетъ? Ты помнишь нашего товарища П*. Онъ прислалъ мнѣ на дняхъ на эту тему довольно длинное письмо, родъ статейки которую не прочь бы напечатать. Я прочту ее. Высказанное въ ней мнѣ кажется весьма вѣрно.

„Едва ли есть въ настоящее время на протяженіи Россійской Имперіи человѣкъ который бы не жаловался. Всѣ мы жалуемся и требуемъ улучшеній. Администраторъ жалуется что его не довольно уважаютъ и награждаютъ; общественный дѣятель что у него мало правъ и нѣтъ арены для краснорѣчія,—что̀ и мѣшаетъ ему исполнять обязанности; духовный пастырь жалуется что скудно содержаніе, крестьянинъ что мало землицы и лоборы велики; хозяинъ что мастеровые только льянствуютъ, а не работаютъ; жалуется собственникъ что собственность не приноситъ доходу, а обложена все возрастающими сборами; жалуется купецъ что очень ужь плутъ сталъ народъ; акціонеръ что его обворовываютъ; предприниматель что слишкомъ много требуется для „подмазки“ чтобы пустить въ ходъ какое-либо дѣло; судъ жалуется на администрацію, администрація на судъ; начальники жалуются что подчиненные ихъ не слушаютъ, подчиненные зачѣмъ еще есть у нихъ начальники, когда каждый самъ себя отлично чувствуетъ начальникомъ; общество жалуется что правительство все беретъ на себя, правительство что общество ничего взять на себя не хочетъ; публика жалуется на разнузданность журнальныхъ нравовъ и жадно читаетъ скандалы; журналисты жалуются что имъ недостаетъ свободы слова и съ азартомъ требуютъ „обузданія“ если кто заговоритъ не по камертону; раскольники жалуются что не признаютъ ихъ архіереевъ и что чиновники и литераторы, съ тѣхъ поръ какъ приняли роль защитниковъ „свободы совѣсти“, обходятся дороже прежняго; чиновники жалуются что у раскольниковъ туга стала мошна; профессора жалуются что у нихъ нѣтъ студентовъ въ аудиторіяхъ, студенты что у нихъ нѣтъ профессоровъ на каѳедрахъ, тѣ и другіе что не могутъ серіозно

заниматься дѣломъ—студенты потому что не имѣютъ кассъ и сходокъ, профессора потому что „автономіи грозитъ опасность“ и требуется прибавка жалованья; не жалуются кажется только лѣса и горы,—горы потому что ихъ нѣтъ, а лѣса потому что мы ихъ повырубили.

„Но странное дѣло! Во всемъ обширномъ и разноголосномъ хорѣ жалующихся и негодующихъ не слышится вовсе указанія и жалобъ на главное зло составляющее дѣйствительную язву нашего современнаго положенія. Послушать—мы всѣ находимся подъ гнетомъ какой-то тяжести и движемся въ сжатой и густой атмосферѣ. Но взглянувъ внимательнѣе не трудно убѣдиться что напротивъ всякая тяжесть сложена нами съ плечъ и мы идемъ налегкѣ; удушье, несомнѣнно чувствуемое, происходитъ не отъ того что воздухъ сжатъ, а оттого что разрѣженъ и мы взапуски стараемся лишить его живительнаго кислорода. Не въ томъ зло что трудно у насъ жить, а въ томъ что *слишкомъ легко у насъ живется.* Трудъ ослабъ на всѣхъ ступеняхъ. Мы проживаемъ капиталъ, слѣпо не замѣчая какъ легко этимъ могутъ воспользоваться наши враги. И не поблагодарятъ за это насъ наши потомки! Какая масса трудныхъ и серіозныхъ дѣлъ стоитъ безъ движенія и не потому чтобы руки были связаны—никогда онѣ не были такъ свободны какъ теперь, а потому что на всѣхъ путяхъ выгоднѣе оказывается бездѣлье. *Нѣтъ труда производительнаго, ибо въ выгодѣ и почетѣ трудъ кажущійся, непроизводительный.* Заслуга не замѣчается, не цѣнится, даже унижается, зато мнѣніе требуемой окраски, искреннее или фальшивое все равно, вмѣняется въ заслугу. Всѣ управленія кишатъ проектами, нѣтъ мало-мальски замѣтнаго чиновника который не былъ бы членомъ десяти коммиссій; все кажется изучается, взвѣшивается и здѣсь и во всѣхъ странахъ міра, и въ китайскомъ законодательствѣ, и въ англійскихъ архивахъ XIII или инаго вѣковъ, и въ исторіи, и въ теоріи, и въ прошедшемъ, и въ будущемъ, а колесница стоитъ на мѣстѣ. Такъ и останется, ибо весь этотъ парадъ есть только внѣшнее подобіе дѣла, а не самое дѣло. Дѣло есть вещь трудная, руководить имъ могутъ немногіе, ихъ надлежитъ искать и дорожить ими если найдены. Но трудиться и исполнять то что̀ предписываетъ обязанность олжны всѣ. Условія нашей дѣйствительности требуютъ возможно простыхъ формъ и строгаго исполненія. А между тѣмъ мы видимъ только кандидатовъ въ руководители и

набрасывателей проектовъ задающихся задачей о наисложнѣйшихъ и наименѣе примѣнимыхъ комбинаціяхъ. Иванъ Александровичъ Хлестаковъ ловѣтствуя о своей петербургской дѣятельности хвастался что онъ только заходитъ въ департаментъ взглянуть, распорядиться, дать указанія, а тамъ уже этакія крысы-чиновники сидятъ и пишутъ, пишутъ, самъ же просвѣщенный чиновникъ по вечерамъ играетъ въ вистъ: „Французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я;“ а въ минуты досуга пишетъ статьи для журналовъ. Создатель этого типа, великій изобразитель пошлости нашей жизни, самъ характеризовалъ Хлестакова какъ человѣка „безъ царя въ головѣ, изъ тѣхъ которыхъ въ канцеляріяхъ принято называть пустѣйшими.“ Какъ изумился бы авторъ *Ревизора*, увидѣвъ воочію что въ наше время Иваны Александровичи дѣйствительно играютъ въ вистъ съ французскимъ посланникомъ, даютъ направленіе дѣламъ и пишутъ передовыя статьи въ газетахъ, изобразуя собою общественное мнѣніе. За то племя крысъ-чиновниковъ исчезло, а „пустѣйшіе“, то-есть къ труду простому неспособные, и до труда высшаго, благодаря своему пустѣйшему воспитанію, не доросшіе, стали на первый планъ. Представь себѣ царство Гоголевскихъ городничахъ,—плутовъ, но по-своему не глупыхъ людей, какъ ихъ характеризуетъ авторъ *Ревизора*, замѣненнымъ царствомъ усовершенствованныхъ Хлестаковыхъ. Можно ли было бы счесть это значительнымъ прогрессомъ? Дѣло дѣлать некогда и на низшихъ и на высшихъ ступеняхъ. Время проводится въ обдѣлываніи своихъ дѣлишекъ, а для публики въ сборахъ къ дѣлу, въ хлопотахъ о томъ какъ бы намалевать такую декорацію подъ сѣнью которой дѣло само собою, въ нѣкоторомъ будущемъ, пошло бы наилучшимъ въ мірѣ образомъ. А пока пусть постоитъ. И легко и спокойно, а свои дѣла обдѣлать можно наилучшимъ образомъ. При такомъ настроеніи менѣе всего оцѣнивается дѣйствительный трудъ, выгоднѣе всего шарлатанство.

„Разгулъ бездѣлья много зависитъ отъ чрезвычайнаго въ наше время ослабленія понятія долга. Одинъ изъ основныхъ догматовъ нигилизма есть устраненіе понятія долга, обязанности. Никто ни къ чему не обязанъ, никто ни за что не отвѣтственъ. Но развѣ этотъ догматъ нигилизма не есть въ то же время догматъ огромной части нашей интеллигенціи? Развѣ не чувствуется на всѣхъ путяхъ нашей жизни самое легкомысленное презрѣніе къ обязанностямъ, развѣ не сви-

дѣтели мы почти повальнаго раслущенія, безнаказанности воліющихъ дѣяній и ожесточеннаго преслѣдованія, не по мѣрѣ вины и безъ вины, дѣяній, неписаннымъ кодексомъ отнесенныхъ къ разряду особо ненавистныхъ, по личности ли подсудимаго, по качеству ли поступковъ? Повидимому мы жаждемъ свободы. Но развѣ полущеніе и судьямъ и судимымъ, и правящимъ и правимымъ, избирающимъ и избираемымъ дѣлать кто что̀ хочетъ и можетъ, не подвергаясь отвѣтственности, если есть хоть малая снаровка ее обойти,— есть свобода? Развѣ замѣна патріархальнаго взяточничества усовершенствованнымъ казнокрадствомъ есть въ самомъ дѣлѣ прогрессъ? Развѣ возложеніе серіозныхъ дѣлъ на ребятъ разнаго возраста, на неспособности разнаго калибра, на бездарности разныхъ степеней, можетъ содѣйствовать успѣшному ихъ ходу? Развѣ призваніе всѣхъ и каждаго кому удѣлена большая или малая доля государственной власти къ исполненію обязанностей безъ произвола и самодурства, но съ серіозною отвѣтственностью, не есть настоятельная потребность минуты?....“

Пріятель. Совершенно справедливо. Вся бѣда наша въ томъ что задачи серіозны и трудны, а силы слабы. Но неужели же земля наша такъ оскудѣла силами? Имѣя какую-либо вѣру въ Провидѣніе или даже просто наблюдая событія нашего прошлаго, невозможно примириться съ этою мыслію. Если рынокъ заваленъ фальшивою монетой, принимаемою за настоящую, то золото утрачиваетъ свою цѣну. Нѣтъ резона его беречь и копить. До дня настоящаго разчета фальшивый капиталъ не разнится отъ дѣйствительнаго. Пагубная потеря оцѣнки достоинства вещей величайшее зло. Если человѣкъ не въ состояніи различить каменнаго дома отъ воздушнаго замка и подъ декораціей лѣса считаетъ себя въ дѣйствительномъ лѣсу, то чтобъ онъ могъ предпринять что-нибудь дѣльное необходимо прежде всего чтобы разсѣялась иллюзія. Возьми какую хочешь область и увидишь какимъ туманомъ обмана застланы всѣ ея очертанія. Вотъ хоть наука. Извѣстно что мы нынѣ ея великіе поклонники. И въ самомъ дѣлѣ кто не знаетъ что слабость у насъ этого великаго рычага всякой дѣятельности есть наша главная слабость. Всякій казалось бы долженъ также знать что рычагъ этотъ вырабатывается въ школѣ. Если нѣтъ науки въ школѣ, то не будетъ ея и въ

жизни. Что же между тѣмъ мы слышимъ и видимъ? Если идетъ дѣло о чемъ-нибудь внѣ школы, тутъ мы кажется минуты пробыть не можемъ безъ „науки“, безъ свободнаго изслѣдованія, смѣлаго построенія „на научныхъ началахъ“. Тутъ нѣчто именуемое „наукою“ идетъ на всѣхъ парахъ. Стоитъ вспомнить удивительные успѣхи и результаты „научной психіатріи“ въ нашихъ судахъ. Но коснется дѣло школы, тутъ со всѣхъ сторонъ слышимъ отчаянные крики что учиться не надо. Архимедъ говорилъ царственному ученику что въ наукѣ нѣтъ особаго пути для царей. Кто минуетъ этотъ единственный путь, тотъ останется недоучкою. Какой кажется ужасъ внушаетъ намъ это слово „недоучка“, и между тѣмъ всѣ усилія наши направляются къ тому чтобъ имѣть только недоучекъ, лишь бы съ дипломами. Мы придумали цѣлыя заведенія гдѣ дѣти знатныхъ особъ имѣютъ достигать „высшей науки“ минуя Архимедовъ путь. Нынѣ требуется окончательно обличить Архимеда, а для того дать каждому счастливому Россіянину возможность пройти къ цѣли по гладкой дорогѣ, вмѣсто труднаго подъема, а университетское бездѣлье профессоровъ и студентовъ взлелѣять еще къ вящему процвѣтанію „подъ охраною“,—какъ принято выражаться,—„устава 1863 года“, благополучно похоронивъ затѣю преобразованія. Насажденіе въ Россіи „высшаго образованія“, не по имени, а по сущности, есть очевидно дѣло неотложной потребности. Въ немъ наша будущность. По важности своей, это нынѣ нашъ первый государственный вопросъ. А въ какомъ онъ положеніи? Мы печалимся о недоучкахъ Да гдѣ же и житье недоучкамъ какъ не у насъ! Они насъ учатъ, они насъ судятъ, они рядятъ. И къ тому же во имя „науки“, которую изъ школы надлежитъ выгнать, за тѣмъ, быть-можетъ, чтобы тѣмъ съ бо́льшимъ почетомъ раскланяться съ ней на улицѣ.

Авторъ. Перестановка которую ты указываешь дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Это одно изъ тысячи свидѣтельствъ нашей умственной смуты. Декартъ положивъ въ основу научнаго изслѣдованія природы и духа сомнѣніе, какъ первый шагъ къ достиженію истины, вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ что въ практикѣ государственной и частной жизни должно господствовать другое начало: дѣйствовать такъ какъ еслибы принятыя и установленныя правила были абсолютно истинны, хотя бы для размышляющаго ума и

представляли поводъ къ колебаніямъ и сомнѣніямъ. Не такъ смотримъ мы на дѣло. Тамъ гдѣ для успѣха самостоятельнаго и плодотворнаго знанія требуется серіозный духъ пытливаго изслѣдованія, а именно на каѳедрѣ и въ ученыхъ трудахъ—предписывается, какъ нѣчто обязательное, несвободное поклоненіе каждой гипотезѣ, почему-либо почитаемой послѣднимъ словомъ науки, и ученическая передача чужихъ мнѣній съ правомъ свысока трактовать противниковъ гипотезы, какъ бы авторитетны они ни были, и завлять о своемъ вѣскомъ согласіи съ основателями „новѣйшаго ученія“. Тутъ сомнѣніе и самостоятельность не въ авантажѣ. За то въ практикѣ жизни рекомендуется свобода изслѣдованія и экспериментальный методъ во всемъ ихъ объемѣ.

Пріятель. Общественныя и государственныя построенія *по разуму*, съ забвеніемъ исторіи, съ пренебреженіемъ дѣйствительности, самое характеристическое явленіе революціонной эпохи. Различеніе посылокъ практическаго разума отъ посылокъ разума теоретическаго есть основаніе того что̀ зовется политическою мудростью. Тѣ и другія въ своей области серіозное и трудное дѣло. Ихъ перенесеніе и смѣшеніе—дѣло не серіозное въ положительномъ смыслѣ, но могущее быть весьма серіознымъ въ смыслѣ отрицательномъ, по производимому вреду. Изученіе революціонной эпохи, кажется мнѣ, способно доставить богатый запасъ уроковъ и предостереженій, которые въ нынѣшнюю эпоху нашей умственной смуты и путаницы понятій могли бы быть для насъ какъ нельзя болѣе полезны. Мы нуждаемся въ хорошихъ урокахъ всякаго рода, но теперь чуть ли не болѣе всего въ урокахъ политической мудрости, чтобы предохранить насъ отъ пагубнаго политическаго легкомыслія и недомыслія. Тысячи вліяній толкаютъ насъ на неправильный путь; направляющей нити нѣтъ, идемъ ощупью, не зная что̀ будетъ завтра. Аппетиты сильно возбуждены. Сознаться что музыка у насъ нейдетъ потому что мы не хотимъ трудиться чтобы научиться играть, а не потому что мало инструментовъ и не такъ сидимъ; никто не хочетъ. Крыловъ не досказалъ что̀ сдѣлали члены его *Квартета* послѣ замѣчанья соловья: „а вы друзья какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“. Полагать надо, соловья прогнали. Каждый политикующій у насъ думаетъ что если перенести его, съ фельетономъ въ карманѣ, въ нѣкоторое внушительное собраніе, то онъ чрезъ это самое удивительно бы поумнѣлъ и вѣщалъ бы одну мудрость. Одинъ

Англичанинъ говорилъ что еслибы въ Лондонѣ на улицѣ предлагали каждому встрѣчному принять въ свои руки завѣдываніе дѣлами страны, то изъ тысячи встрѣтившихся девятьсотъ девяносто девять отказались бы, а въ Парижѣ девятьсотъ девяносто девять приняли бы предложеніе. У насъ приняла бы вся тысяча.

Авторъ. Нашъ разговоръ наводитъ меня на мысль. Мы свободны теперь въ здѣшнемъ прекрасномъ уголкѣ Волынской губерніи. Въ твоемъ Ч—мъ отличная библіотека. Что еслибы мы перечитали какіе имѣемъ подъ рукой документы поучительной эпохи первой французской революціи и на досугѣ набросали бы свободный очеркъ главнѣйшихъ моментовъ событій, пользуясь такъ-сказать естественно-историческимъ методомъ, состоящимъ въ точномъ изученіи фактовъ и строгомъ выводѣ изъ нихъ заключеній. Можетъ-быть наброски наши и не были бы безполезны.

Пріятель. Ты читалъ конечно Тэна *Les origines de la France contemporaine* (T. I, 1876; T. II, 1878). Его сочиненіе мнѣ кажется есть именно приложеніе такого точнаго метода къ изученію великаго историческаго событія.

Авторъ. Сочиненіе Тэна заслуживаетъ всякаго вниманія. Его поспѣшили провозгласить односторонникъ, продиктованнымъ враждой къ революціи. У насъ оно, понятно, никакимъ кредитомъ не пользуется. Но это несомнѣнно самое правдивое изслѣдованіе революціи. Тэнъ, какъ ты замѣчаешь, слѣдовалъ естественно-историческому методу. Всѣ выводы сдѣланы правильно изъ фактовъ. Это чистая, научная правда, какъ ни является она непригляднюю. Это точная историческая патологія, въ которой изслѣдователь въ заключеніи своемъ не подобралъ лучшаго сравненія наблюдаемаго имъ явленія съ другими извѣстными какъ сравненіе революціи съ состояніемъ опьяненія, постепенно, отъ веселаго періода переходящаго къ бѣшенству, къ delirium tremens. Но признать такой выводъ было бы самоубійствомъ для друзей революціи. Между тѣмъ онъ сдѣланъ совершенно правильно. Фактическая сторона сочиненія совершенно безупречна. Тутъ не удалось ничего опровергнуть. Выборъ фактовъ сдѣланъ съ полнымъ безпристрастіемъ естествоиспытателя внимательно наблюдающаго явленіе. И тѣмъ не менѣе сочиненіе выставляютъ пристрастнымъ, продиктованнымъ враждой. Со стороны друзей революціи это совершенно естественно. Но замѣчательно

что нѣкоторое чувство неудовлетворенности испытывается многими читателями желающими безъ пристрастія относиться къ событіямъ. Чего-то не достаетъ. Напрашивается вопросъ: неужели исторія есть только патологія? Не представится ли такимъ же и всякое другое историческое событіе если изучать его тѣмъ же методомъ? Много ли останется здоровыхъ явленій? Не обратится ли вся исторія человѣчества въ исторію заблужденій, глупостей и безумствъ? Вѣдь этого можно ужаснуться. И оказывается что естественно-историческій методъ, съ точки зрѣнія котораго Тэнъ совершенно правъ, насъ не удовлетворяетъ. Методъ этотъ ограничиваетъ изслѣдователя изысканіемъ ближайшихъ, такъ-называемыхъ дѣйствующихъ причинъ (causae efficientes). Мы хотимъ *причинъ конечныхъ* (causae finales) и безъ указанія ихъ не удовлетворяемся. Мы требуемъ чтобы намъ непремѣнно показали что эта ступень безумства есть ступень прогресса. Мы хотимъ чтобы насъ утѣшили, успокоили, хотя бы обманули. Отъ врача требуемъ мы не научной только исторіи болѣзни, но непремѣннаго указанія врачующихъ средствъ, хотя бы таковыхъ медицина и не имѣла, и утѣшительныхъ видовъ на выздоровленіе. Тѣмъ болѣе отъ историка. Но ужь это не естествовѣдѣніе, которымъ въ то же время хотимъ мы исключительно обойтись. Дайте намъ естественно-историческую истину. Намъ даютъ ее. Мы неудовлетворены и требуемъ лучше обмана.

Пріятель. Но ты самъ удовлетворенъ ли книгою Тэна?

Авторъ. Со стороны исторической вѣрности картинъ вполнѣ. Но именно потому что это есть строго научное изслѣдованіе, книга не могла сдѣлаться популярною, тѣмъ болѣе что выводы ея идутъ въ разрѣзъ съ господствующими увлеченіями. У насъ книга ужь и совсѣмъ не популярна.

Пріятель. Какое значеніе можетъ имѣть у насъ такой серіозный трактатъ когда у насъ отсутствуютъ самыя элементарныя свѣдѣнія о событіяхъ. Это не мѣшаетъ,—а можетъ-быть именно это и помогаетъ,—испытывать къ нимъ нѣкоторое почтительное благоговѣніе. Прекрасное сочиненіе Зибеля и то не могло появиться въ русскомъ переводѣ не пройдя чрезъ цензуру этого благоговѣнія, выразившагося въ примѣчаніяхъ. Попробовалъ Зибель сказать о продажности Дантона. Переводчикъ слѣпитъ оговорить автора и указываетъ точно въ отместку на продажность Мирабо, государственнымъ талантамъ котораго Зибель отдаетъ справедливость. Мирабо,

какъ извѣстно, особымъ благоговѣніемъ у насъ не пользуется, какъ измѣнившій къ концу дѣлу революціи. Но возвратимся къ нашей затѣѣ. Полагаю мы не будемъ имѣть въ виду дать историческое изслѣдованіе о революціи.

Авторъ. Безъ сомнѣнія. Такой трудъ былъ бы намъ не по силамъ. Но мнѣ кажется будетъ очень не безполезнымъ коснуться нѣкоторыхъ событій и явленій, и именно въ ихъ подробностяхъ, не такъ какъ онѣ переданы тѣмъ или другимъ историкомъ, а какъ представляются въ первыхъ источникахъ. Заглянемъ не столько въ книги о революціи, сколько въ тѣ главные документы, какъ отчеты о собраніяхъ и подобные, на которыхъ основываются наши свѣдѣнія и должны основаться сужденія о событіяхъ эпохи. Страницы документовъ раскрываютъ любопытный міръ. Словомъ, сдѣлаемъ прогулку наблюдателя въ страну революціи, отмѣтимъ что бросается въ глаза и позволимъ себѣ нѣкоторыя размышленія по поводу видимаго. Вотъ вся наша претензія. Страна въ высокой степени заслуживаетъ вниманія. Прогулка наша не можетъ не быть поучительною.

Пріятель. Послѣднія празднества даютъ, мнѣ кажется, отличный поводъ начать нашъ очеркъ праздникомъ федераціи 14 іюля 1790 года. Событіе относится къ первой эпохѣ революціи, которую Тэнъ сравниваетъ съ первою веселою стадіей опьяненія, съ ея усиленнымъ энтузіазмомъ, раздраженною чрезъ мѣру чувствительностью, естественною театральностью, радостью когда нечему радоваться, ощущеніемъ себя милліонеромъ безъ гроша въ карманѣ.

Авторъ. Отличный планъ, и нечего откладывать его исполненіе. Завтра же приступимъ къ дѣлу.

РАЗГОВОРЪ ВТОРОЙ.

Авторъ. Праздникъ 14 іюля 1790 года, съ котораго мы рѣшили начать нашу прогулку въ міръ французской революціи, можно разсматривать какъ осуществленіе на практикѣ общественнаго контракта Руссо. Нація чрезъ представителей своихъ дала странѣ конституцію. Король и народъ клянутся ей въ вѣрности. Контрактъ заключенъ, оставалось счастливое его исполненіе. Въ первый разъ государство организовалось свободнымъ согласіемъ гражданъ на началахъ разума. Желаніе скорѣе заключить контрактъ было

настолько сильно что клялись въ вѣрности конституціи, которой собственно не было, ибо выражены и приняты были пока еще только общія ея начала. Будущее мелькнуло въ радужныхъ очертаніяхъ, зловѣщіе признаки на минуту были забыты.

Пріятель. Присягѣ на Марсовомъ Полѣ 14 іюля 1790 предшествовала присяга Національнаго Собранія въ засѣданіи 4 февраля. Съ этого засѣданія, въ началѣ котораго присутствовалъ король, слѣдуетъ, полагаю, начать наше описаніе.

Авторъ. Такъ и сдѣлаемъ.

Когда принесена была февральская клятва, уже не мало свершилось революціонныхъ событій.

Въ маѣ 1789 года произошло въ Версалѣ открытіе засѣданія государственныхъ чиновъ или сословій (Etats Généraux), изъ выборныхъ людей отъ дворянства, духовенства и средняго сословія (послѣдніе въ двойномъ числѣ), для обсужденія предложеній правительства въ отдѣльныхъ собраніяхъ по сословіямъ, согласно прежнему обычаю. Вопросъ объ образованіи одного общаго собранія безъ сословнаго раздѣленія былъ первымъ революціоннымъ вопросомъ. Одна противъ другой стали двѣ стороны: близоруко-колеблющееся правительство со слабымъ королемъ во главѣ и собраніе народныхъ представителей увлекаемыхъ революціоннымъ потокомъ. Побѣда осталась на сторонѣ собранія. День когда чины средняго сословія отказали въ повиновеніи королю, повелѣвшему 23 іюля 1789 года собранію раздѣлиться на три сословныя камеры. былъ послѣднимъ днемъ самодержавія французскихъ королей. Среди повсемѣстной анархіи, волна народнаго возстанія поднятая въ Парижѣ обезпечила побѣду, въ виду безсильныхъ, но раздражающихъ мѣръ правительства. 14 іюля 1789 года народомъ взята и разрушена Бастилія. Задачею Учредительнаго Національнаго Собранія, какъ оно себя наименовало, сдѣлалось измѣненіе формы правленія чрезъ дарованіе странѣ конституціи.

4 августа 1789 было знаменитое засѣданіе Собранія въ которомъ отмѣнены сословныя привилегіи,. разрушено феодальное устройство Франціи.

1 октября 1789 королю представленъ на утвержденіе первый параграфъ новой конституціи, озаглавленный „Права человѣка“.

5 и 6 октября волненія и неистовства толпы направив-

шейся въ Версаль съ разными требованіями къ королю; дни опасностей и бунта.

12 октября король, повинуясь народному требованію, переѣзжаетъ на жительство въ Парижъ, во дворецъ Тюилери, туда переносится и Собраніе.

Наступилъ 1790 годъ. Положеніе дѣлъ было весьма серіозно. Повсюду царствовалъ безпорядокъ. Власть согласно основной революціонной теоріи предполагалась въ отвлеченномъ существѣ, Націи. Дѣйствительной власти не было не только у короля, но и у Собранія. Декреты невидимаго и неощутимаго государя-націи приходили съ улицы, изъ клубовъ, изъ газетъ и брошюръ наводнявшихъ Парижъ; шли отъ честолюбцевъ обладавшихъ значеніемъ, но скрывавшихъ свои замыслы, и отъ честолюбцевъ темныхъ, которымъ нечего было терять, но все можно было пріобрѣсти. И между тѣмъ какъ на дѣлѣ власти не было, королевскій авторитетъ палъ и ничѣмъ не замѣненъ, — главнымъ мотивомъ возбужденія страстей оставалось изображеніе тиранства царей и ихъ клевретовъ и угнетеніе народа ищущаго „друзей“ (ami du peuple—любимое выраженіе). Заботы были направлены къ ограниченію королевской власти фактически упраздненной. Въ массахъ королевская власть сохраняла еще вѣками выработанное обаяніе. Форма правленія какою конституція должна была навѣки осчастливить Францію единогласно признана была монархическою. Въ умахъ недальновидныхъ,—а таковыхъ большинство,—складывались розовыя представленія о имѣющей наступить эрѣ свободы, если только король, порвавъ всякую связь съ партіей враговъ революціи, честно признаетъ верховенство націи и станетъ монархомъ свободнаго народа, имѣющимъ своимъ назначеніемъ быть защитникомъ и охранителемъ закона вмѣсто того чтобы быть тираномъ униженныхъ рабовъ. Замѣтные и скрытные вожди, изъ тысячи разнообразныхъ и разнородныхъ побужденій толкавшіе страну на путь революціоннаго разрушенія, стремились всячески подорвать довѣріе къ искренности принятія королевскою властію новаго порядка вещей. Никакая уступка не представлялась достаточною и только давала поводъ къ новымъ требованіямъ. Потокъ имѣвшій унести монархію шелъ неудержимо. Моментъ ознаменованный празднествомъ федераціи есть моментъ нѣкоторой остановки. Казалось заключенъ наконецъ съ обѣихъ сторонъ вполнѣ искренній союзъ короля и народа, честно подписанъ контрактъ. Явн-

лась на минуту вѣра въ возможность водворенія новаго порядка, немедленно разсѣянная послѣдовавшими событіями. Во всякомъ случаѣ была минута энтузіазма.

Пріятель. Авторъ *Исторіи Франціи съ революціи 1789 года*, Э. Тулонжонъ, сочиненіе котораго можно считать документомъ революціонной эпохи, такъ какъ Тулонжонъ самъ былъ членомъ Учредительнаго Собранія и писалъ какъ очевидецъ, такъ говоритъ о положеніи дѣлъ предшествовавшемъ сближенію короля съ Собраніемъ, послѣ засѣданія 4 февраля, въ которомъ была принесена присяга конституціи. „Каждый день умножались признаки общественнаго безпокойства, неопредѣленнаго въ своемъ предметѣ, но тѣмъ болѣе опаснаго.... Чѣмъ болѣе приносила жертвы, чѣмъ болѣе дѣлала уступокъ королевская власть, тѣмъ менѣе хотѣли вѣрить что жерты эти были искренни. Она сама, претерпѣвъ столько огорченій въ прошедшемъ, не знала на чемъ основать увѣренность относительно будущаго. Народъ, то-есть то что не стояло во главѣ партіи, былъ довольно расположенъ вѣрить лично королю; но вокругъ короля далеко не все могло внушить довѣріе. Королева часто обнаруживала знаки нетерпѣнія и раздраженія; все что осталось изъ придворныхъ, все что жило дворомъ, при малѣйшемъ просвѣтѣ фальшивой или дѣйствительной надежды начинало строить планы и даже грозить. Эти люди называли себя партіей короля, даже не будучи увѣрены что король на ихъ сторонѣ и не приписывая этому важности. Чѣмъ менѣе увѣрены были въ возможности располагать имъ, тѣмъ болѣе старались увлечь его на путь который, удаляя его отъ народа и собранія, принуждалъ броситься въ объятія партій противныхъ революціи. Онъ боролся противъ своей участи пока могъ еще привязать къ себѣ партію извѣстную и признанную. Когда потомъ оставленный всѣми, уединенный среди общественнаго дѣла, онъ отдался своей участи вмѣсто того чтобъ овладѣть ею, одного ложнаго шага было довольно дабы его погубить. Но тогда онъ еще имѣлъ поддержку. Въ этомъ состояніи общей тревоги, совѣтъ счелъ необходимымъ какой-либо знаменательный шагъ; требовалось чтобы король высказался, дабы придать увѣренность однимъ, отнять надежду у другихъ.“ Король принялъ рѣшеніе прибыть лично въ собраніе, что и исполнилъ 4 февраля.

Авторъ. Въ *Монитерѣ* находимъ подробности этого засѣданія. Открылось утреннее засѣданіе въ четвергъ, 4 февраля

1790 года. Читается докладъ по вопросу о раздѣленіи Франціи на департаменты. Одинъ изъ членовъ дѣлаетъ замѣчаніе. Въ эту минуту, какъ сказано въ протоколѣ засѣданія, предсѣдатель (въ этотъ разъ г. Бюро де-Пюзи, Bureau de Puzy) получилъ и читаетъ письмо короля: „Предупреждаю г. предсѣдателя что я располагаю сегодня утромъ около полудня прибыть въ Собраніе; желаю быть принятымъ безъ церемоній.“ Собраніе апплодируетъ.

Пріятель. Изъ описанія Тулонжона видно что это не было такою неожиданностію для Собранія какъ можно заключить изъ протокола *Монитера*. Уже нѣсколько дней ходили слухи что король лично явится въ Собраніе, и члены собравшіеся 4 февраля нашли въ залѣ засѣданія значительныя приготовленія. Столъ секретарей, стоявшій обыкновенно на эстрадѣ противъ и нѣсколько ниже кресла предсѣдателя, былъ снесенъ съ эстрады на полъ ближе къ рѣшеткѣ; кресло и ступени эстрады были покрыты ковромъ съ изображеніемъ лилій (le fauteuil et les gradins etaient couverts d'un tapis fleurdelisé). Предсѣдатель исполнялъ свою обязанность стоя, помѣстясь близь кресла. Мѣста для публики были биткомъ набиты.

Авторъ. Въ такомъ многолюдномъ и шумномъ собраніи какъ Учредительное, почти съ 1.200 членовъ, во всѣхъ важныхъ случаяхъ замѣтна значительная закулисная подготовка. И для уразумѣнія протоколовъ засѣданій весьма важно обращать вниманіе на то что заготовлялось за кулисами представленія, какимъ во многихъ отношеніяхъ были засѣданія Собранія. Вліянія шли изъ клубовъ, съ улицы, изъ Парижской думы, отъ двора, изъ разнузданной печати, и предъ ними склонялось Собраніе, захватившее, казалось, верховную власть въ странѣ. Чѣмъ были засѣданія Учредительнаго Собранія, о томъ Тэнъ написалъ замѣчательныя страницы. Ихъ стóитъ привести цѣликомъ. Всякое сокращеніе испортило бы картину. Не забудемъ что это первое революціонное собраніе, по достоинству своихъ силъ, было выше собраній за нимъ послѣдовавшихъ.

„Нѣтъ на свѣтѣ дѣла болѣе труднаго, какъ составленіе конституціи и въ особенности конституціи полной. Замѣнить старыя рамки, въ которыхъ проживала великая нація, другими, приспособленными и прочными, наложить форму во

сто тысячъ отдѣленій на жизнь двадцати шести милліоновъ людей, устроить ее столь гармонически, приложить ее такъ тщательно, такъ равномѣрно, съ такою аккуратною оцѣнкой потребностей и способностей, чтобъ они сами въ нее вошли, могли двигаться безъ столкновеній, и чтобы тотчасъ же ихъ импровизованное дѣйствіе пріобрѣло свободу старой рутины,—подобное предпріятіе громадно и вѣроятно выше ума человѣческаго. Во всякомъ случаѣ, для исполненія его, уму человѣческому не излишни всѣ его силы и всяческое стараніе избѣгать поводовъ къ замѣшательствамъ и ошибкамъ. Собранію и въ особенности учредительному необходимы, помимо безопасности, независимости извнѣ, тишины и порядка внутри, во всѣхъ случаяхъ, хладнокровіе, здравый смыслъ, практическій умъ, дисциплина подъ руководствомъ водителей компетентныхъ и признанныхъ. Было ли все это въ Учредительномъ Собраніи?

„Стоило взглянуть на его наружность чтобъ усомниться въ этомъ. Въ Версалѣ, потомъ въ Парижѣ *, они засѣдаютъ въ громадной залѣ, могущей вмѣстить двѣ тысячи человѣкъ, гдѣ самый сильный голосъ долженъ напрягаться чтобъ его услышали. Здѣсь нѣтъ мѣста для умѣреннаго тона, приличнаго обсужденія дѣлъ; необходимо кричать, и напряженіе органа сообщается душѣ: мѣсто вызываетъ декламацію. Тѣмъ болѣе, что ихъ около 1.200, то-есть толпа, почти торговая площадь; и теперь въ нашихъ палатахъ съ 500 или 600 депутатами перерывы не прекращаются ни на минуту и стоитъ постоянный гулъ; нѣтъ ничего рѣже, какъ власть надъ самимъ собою и твердая рѣшимость выслушать въ продолженіе часа рѣчь, противную своимъ мнѣніямъ. Какъ тутъ быть чтобы добиться молчанія и терпѣнія? Артуръ Йонгъ видѣлъ „до сотни членовъ встающихъ разомъ“, жестикулирующихъ и дѣлающихъ запросы. „Вы убиваете меня господа,“ сказалъ однажды Бальйи, „падая отъ изнеможенія. Другой президентъ восклицаетъ въ отчаяніи: „Нельзя слушать двѣсти человѣкъ, говорящихъ разомъ: ужели невозможно возстановить порядокъ въ собраніи?“ Шумный и нестройный ропотъ увеличивается еще отъ стукотни въ помѣщеніи для публики. „Въ британскомъ парламентѣ, пишетъ Малле Дюпанъ, я видѣлъ какъ разомъ были очищены галлереи вслѣдствіе невольно вырвавшагося смѣха у герцогини Гордонъ.“ Здѣсь суетливая толпа зрителей, уличныхъ вѣстовщиковъ, делегатовъ Пале-Ройяля, солдатъ переодѣтыхъ въ горожанъ, уличныхъ женщинъ, навербованныхъ и ловинующихся командѣ, руколлещетъ, толпаетъ ногами и реветъ на свободѣ. Это захо-

* Въ Парижѣ Собраніе помѣщалось въ Тюилери, въ залѣ передѣланной изъ манежа. Въ первый мѣсяцъ по перенесеніи въ Парижъ засѣданія имѣли мѣсто въ залѣ Парижскаго архіепископства на островѣ Сены, между предмѣстьями Saint-Antoine и Saint-Marcel.

дитъ такъ далеко что г. Монлозье предлагаетъ иронически „предоставить совѣщательный голосъ трибунамъ“. Другой спрашиваетъ о представителяхъ, не комедіанты ли они, присланные націей, чтобы подвергаться свисткамъ парижской публики. Дѣло въ томъ что ихъ прерываютъ, какъ въ театрѣ, и что по временамъ, если кто не нравится, заставляютъ замолчать. Съ другой стороны, предъ этою публикой, дѣятельною и подающею совѣты, популярные депутаты какъ актеры на сценѣ; невольно они подчиняются ея вліянію, и мысли ихъ, какъ и слова, впадаютъ въ преувеличенія, чтобы быть въ унисонѣ съ нею. При подобныхъ обстоятельствахъ, шумъ и насиліе становятся дѣломъ обычнымъ, и собраніе теряетъ половину своихъ шансовъ на благоразуміе, ибо обращаяся въ клубъ людей проводящихъ предложенія, перестаетъ быть конклавомъ законодателей.

„Подойдемъ ближе и посмотримъ какъ Собраніе дѣйствуетъ. Переполненное такимъ образомъ, окруженное, волнуемое, принимаетъ ли оно по крайней мѣрѣ предосторожности, безъ которыхъ никакое собраніе людей не можетъ управляться само собою? Очевидно, когда нѣсколько сотъ человѣкъ разсуждаютъ вмѣстѣ, то имъ необходимо предварительно нѣчто въ родѣ внутренней полиціи, кодекса принятыхъ обычаевъ или записанныхъ прецедентовъ для приготовленія, раздѣленія, ограниченія, разрѣшенія и руководства въ ихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. Лучшій изъ этихъ кодексовъ готовъ, достуленъ: по требованію Мирабо, Ромильи прислалъ регламентъ полаты англійскихъ общинъ. Но при своемъ высокомѣріи новичковъ, они не обращаютъ на него вниманія, они полагаютъ что могутъ обойтись безъ него не желаютъ ничего заимствовать у иностранцевъ; они не признаютъ никакого авторитета за опытностью, и нѣ довольствуясь отверженіемъ предписываемыхъ ею формъ, едва слѣдуютъ какому-нибудь правилу. Они предоставляютъ полную свободу добровольному порыву отдѣльныхъ лицъ; всякое вліяніе, даже вліяніе депутата, ихъ избранника, они считаютъ подозрительнымъ; поэтому каждыя двѣ недѣли избираютъ новаго президента. Ничто не сдерживаетъ и не направляетъ ихъ, ни законный авторитетъ парламентскаго кодекса, ни нравственный авторитетъ парламентскихъ вождей. Ихъ нѣтъ у нихъ, они не организованы въ партіи; ни съ той ни съ другой стороны нѣтъ признаннаго *лидера*, который бы избиралъ минуту, подготовлялъ пренія, редижировалъ предложенія, раздавалъ роли, пускалъ въ битву или сдерживалъ свое войско. Мирабо одинъ былъ бы способенъ пріобрѣсти такое вліяніе, но въ началѣ его лишала уваженія слава его пороковъ, а къ концу онъ былъ скомпрометтированъ своими связями со Дворомъ. Никто другой недостаточно знаменитъ чтобъ имѣть авторитетъ; среднихъ дарованій слишкомъ много, а высокихъ дарованій слишкомъ мало. Къ тому же самолюбія еще слишкомъ задорны, чтобы подчиниться. Каж-

дый изъ этихъ импровизованныхъ законодателей прибылъ убѣжденный въ своей системѣ: чтобы подчинить его вождю, которому бы онъ передалъ свою политическую совѣсть, чтобы сдѣлать изъ него то чѣмъ должны быть три депутата изъ четырехъ, то-есть машину для подачи голосовъ, необходимо было бы сознаніе опасности, печальная опытность, вынужденное самоотверженіе, которыхъ онъ далеко не имѣлъ. Вотъ почему, кромѣ партіи насилія, каждый дѣйствуетъ по своему, подъ вліяніемъ минуты, и не трудно представить себѣ какая выходитъ сумятица. Очевидцы ея изъ иностранцевъ поднимаютъ руки къ небу съ удивленіемъ и жалостью. „Они ничего не обсуждаютъ въ своемъ собраніи, пишетъ Моррисъ: болѣе половины времени проходитъ тамъ въ восклицаніяхъ и въ шумѣ изъ-за пустяковъ.“ Каждый членъ излагаетъ результатъ своихъ эдукубрацій посреди шума, когда наступаетъ его очередь, не отвѣчая предшествующему, не получая отвѣта отъ слѣдующаго, не ожидая чтобъ аргументы столкнулись между собою, такъ что перестрѣлка „безконечна и тысяча ударовъ противъ одного дѣлаютъ на вѣтеръ“. Прежде чѣмъ записывать „эту странную болтовню“, современныя газеты должны были производить всевозможныя ампутаціи, урѣзывать „нелѣпости“, облегчать „водянистый и налыщенный слогъ“. Разглагольствія и возгласы,—вотъ на что сводится большая часть пресловутыхъ засѣданій. „Тамъ слышались, говоритъ одинъ журналистъ, гораздо болѣе крики чѣмъ рѣчи; казалось засѣданія должны были кончиться скорѣе побоищами чѣмъ декретами.... Двадцать разъ, выходя, я сознавался себѣ что если что̀ могло бы остановить и двинуть назадъ революцію, такъ это картина этихъ засѣданій, начертанная безъ предосторожностей и безъ церемоній.... Усилія мои были направлены къ тому чтобы представить истину не дѣлая ея ужасающею. Изъ сумятицы я дѣлалъ картину.... Я передавалъ чувства, но не въ точныхъ выраженіяхъ. Изъ ихъ криковъ я дѣлалъ слова, изъ ихъ яростныхъ жестовъ положенія, и когда не могъ внушить уваженія, старался по крайней мѣрѣ произвести впечатлѣніе.“

„Противъ этого зла нѣтъ лѣкарства, ибо, кромѣ недостатка дисциплины, есть еще причина безпорядка внутренняя и глубокая. Всѣ эти люди *слишкомъ чувствительны*. Они Французы и Французы XVIII вѣка, воспитанные въ пріятностяхъ самой утонченной вѣжливости, привыкшіе къ обязательнымъ поступкамъ, къ постоянной предупредительности, къ обоюдному снисхожденію, такъ проникнутые чувствомъ свѣтскихъ приличій что ихъ бесѣда казалась приторною иностранцамъ. И вдругъ они переносятся на тернистую почву дѣлъ, посреди оскорбительныхъ преній, рѣзкихъ противорѣчій, полныхъ ненависти доносовъ, настойчивыхъ дифамацій, открытыхъ ругательствъ, въ эту борьбу всякимъ оружіемъ, которая составляетъ парламентскую жизнь, гдѣ закоренѣлые ветераны съ трудомъ сохраняютъ свое хладнокровіе. Посудите о дѣйствіи на нервы неопытные и изнѣженные, на свѣтскихъ

людей, привыкшихъ къ снисходительности и общей вѣжливости. Они тотчасъ выходятъ изъ себя. Тѣмъ болѣе что они готовились не къ битвѣ, а къ празднеству, къ какой-нибудь грандіозной и прелестной идиллій, гдѣ всѣ рука въ руку умилились бы вокругъ престола и спасли бы отечество обнимая другъ друга. Самъ Неккеръ убралъ ихъ залу засѣданій театральнымъ образомъ: „онъ не желалъ представить себѣ собраніе государственныхъ чиновъ иначе какъ зрѣлищемъ мирнымъ, величественнымъ, торжественнымъ, священнымъ, которымъ народъ долженъ наслаждаться“; и когда вдругъ пастораль обращается въ драму, то онъ такъ встревоженъ что ему чудится обвалъ могущій низринуть въ одну ночь весь каркассъ зданія. Въ минуту, когда собрались Генеральные Штаты, всѣ довольны; всѣ полагаютъ что вступаютъ въ обѣтованную землю. Во время процессіи 4го мая, „слезы радости, говоритъ маркизъ де-Ферьеръ, лились изъ глазъ моихъ... Погруженный въ самый сладкій восторгъ... я видѣлъ, какъ Франція, опираясь на религію, увѣщевала насъ соблюдать согласіе. Эти священныя церемоніи, эти гимны, эти священники въ облаченіи, эти благоуханія, этотъ балдахинъ, это солнце блистающихъ драгоцѣнностей... Я вспомнилъ слова пророка... Мой Богъ, мое отечество, мои сограждане стали мною самимъ“. Двадцать разъ въ теченіи засѣданій эта чувствительность вспыхиваетъ и выноситъ на свѣтъ декретъ, о которомъ и не думали. „Иногда, пишетъ американскій посланникъ, посреди обсужденія, поднимается ораторъ, произноситъ прекрасную рѣчь о предметѣ совершенно нейдущемъ къ дѣлу и заключаетъ доброю маленькою моціей, которая принимается съ криками *ура!* Напримѣръ, въ то время когда обсуждался проектъ о національномъ банкѣ, представленный г. Неккеромъ, одному делутату пришло въ голову предложить чтобы каждый членъ отдалъ свои серебряныя пряжки, что и было принято тотчасъ же, послѣ того какъ досточтимый делутатъ положилъ свои пряжки на столъ, послѣ чего возвратились къ дѣламъ. Возбужденные такимъ образомъ, они не знаютъ утромъ что будутъ дѣлать вечеромъ и являются жертвою всяческихъ неожиданностей. Когда восторгъ охватываетъ ихъ, то по скамьямъ пробѣгаетъ какое-то ольянѣніе; всякое благоразуміе исчезаетъ, всякая осторожность умолкаетъ и всякое возраженіе подавляется. Въ ночь на 4е августа—„никто болѣе не владѣетъ собою... Собраніе представляетъ толпу льяныхъ людей, которые въ магазинѣ дорогой мебели бьютъ и ломаютъ все что попадетъ имъ подъ руку“. „То что потребовало бы цѣлаго года заботъ и размышленій“, говоритъ компетентный иностранецъ, было предложено, обсуждено и принято общею аккламаціей. Отмѣна феодальныхъ правъ, десятиннаго налога, провинціальныхъ привилегій, трехъ предметовъ, которые одни обнимали цѣлую систему юриспруденціи и политики, была рѣшена вмѣстѣ съ десятью или двѣнадцатью другими дѣлами въ болѣе короткое

время, чѣмъ бы потребовалось англійскому парламенту для перваго чтенія сколько-нибудь важнаго билля.“

„Узнаю нашихъ Французовъ, говорилъ Мирабо, они цѣлый мѣсяцъ занимаются споромъ о слогахъ и въ одну ночь ниспровергаютъ весь древній порядокъ монархіи.“ По правдѣ сказать, они нервныя женщины, и отъ одного конца революціи до другаго, возбужденіе ихъ будетъ все усиливаться.

„Они не только экзальтированы, но они еще нуждаются въ экзальтаціи, и подобно льяницѣ, который разгорѣвшись отыскиваетъ крѣпкіе напитки, можно сказать что они стараются изгнать изъ своего мозга послѣдніе остатки хладнокровія и здраваго смысла. Они любятъ напыщенность, риторику съ большимъ оркестромъ, образцы чувствительнаго и декламаторскаго краснорѣчія: таковъ слогъ почти всѣхъ ихъ рѣчей, и въ этомъ отношеніи вкусъ у нихъ такъ живъ, что имъ не достаточно ихъ собственныхъ разглагольствій. Такъ какъ Лялли и Неккеръ произнесли въ Городской Думѣ рѣчи „трогательныя и высокія“, то Собраніе желаетъ чтобы ему повторили оныя: оно сердце Франціи, и ему надлежитъ прочувствовать сильныя впечатлѣнія всѣхъ Французовъ. Сердце это должно биться всегда и какъ можно сильнѣе: въ этомъ его должность,—и день за днемъ ему доставляютъ потрясенія. Почти всѣ засѣданія начинаются публичнымъ чтеніемъ похвальныхъ адресовъ или угрожающихъ доносовъ. Часто петиціонеры являются лично читать свои восторженныя привѣтствія, свои повелительные совѣты, свои разлагающія доктрины. Сегодня Дантонъ, отъ имени Парижа, съ своимъ бычачьимъ лицомъ и голосомъ похожимъ на набатъ мятежа; завтра побѣдители Бастиліи или какой-нибудь другой отрядъ съ хоромъ музыки, играющей даже въ залѣ. Засѣданіе становится уже не дѣловымъ совѣщаніемъ, но патріотическою оперой, гдѣ эклога, мелодрама, а иногда маскарадъ сопровождаются рукоплесканіями и криками: *браво!* Представляютъ собранію раба съ Юры, которому сто двадцать лѣтъ отъ роду, и одинъ изъ членовъ кортежа, г. Гурдонъ де-Лакроньеръ, директоръ Патріотической Школы, проситъ ввѣрить ему досточтимаго старца: онъ поручитъ прислуживать старцу молодымъ людямъ всѣхъ сословій и въ особенности дѣтямъ отцы коихъ были убиты при взятіи Бастиліи.“ Восторгъ и шумныя восклицанія: сцена какъ будто списана съ Беркена съ прибавленіемъ торговой рекламы. Но въ дѣло не всматриваются такъ тщательно, и собраніе подъ давленіемъ присутствующей публики снисходитъ до ярмарочныхъ представленій. Шестьдесятъ бродягъ съ платой по 12 франковъ на человѣка, одѣтые Испанцами, Голландцами, Турками, Арабами, Трипольцами, Персами, Индусами, Монголами, Китайцами и предводимые Прусакомъ Анахарсисомъ Клотцемъ, являются подъ названіемъ пословъ рода человѣческаго разглагольствовать противъ тирановъ, и ихъ допускаютъ въ засѣданія. На этотъ разъ по крайней мѣрѣ маскарадъ

есть преднамѣренное представленіе чтобъ ускорить и вырвать упраздненіе дворянства. (Одинъ изъ фигурантовъ на другой день пришелъ за платой къ герцогу Биллянкуру котораго принялъ за герцога Ліанкура. „Г. герцогъ, сказалъ онъ, это я вчера представлялъ Халдея“.) Въ другихъ случаяхъ представленіе бывало почти совсѣмъ даровымъ; фарсъ тѣмъ болѣе смѣшной что разыгрывался, какъ при раздачѣ наградъ въ деревнѣ, самымъ серіознымъ образомъ и съ видомъ убѣжденія. Въ продолженіе трехъ дней возили по Парижу дѣтей принявшихъ въ первый разъ причастіе предъ конституціоннымъ епископомъ; они говорили предъ Якобинцами заученный вздоръ, а на четвертый день допущенный къ рѣшеткѣ собранія ихъ ораторъ двѣнадцатилѣтній мальчуганъ полугаемъ повторилъ свою тираду. Онъ окончилъ обычною клятвой, и послѣ того всѣ другіе воскликнули своими тонкими голосками: „Клянемся!“ Къ довершенію всего президентъ, важный юрисконсультъ Трейларъ, отвѣчаетъ этимъ мальчишкамъ безъ смѣха, такимъ же слогомъ, съ метафорами, прозополеями, и со всею обстановкой леданта на своей эстрадѣ: „Вы заслуживаете раздѣлять славу основателей свободы, потому что готовы проливать кровь за нее.“ Рукоплесканія лѣвой и галлерей; декретъ, предписывающій налечатаніе рѣчей президента и дѣтей; вѣроятно они желали бы вырваться и поиграть, но волей-неволей имъ дозволяютъ, или лучше сказать ихъ заставляютъ воспользоваться почестью засѣданія“....

Таковъ былъ первый опытъ конституціоннаго собранія въ странѣ которая между тѣмъ была такъ богата умственными силами.

Въ этой картинѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Она строго вѣрна исторически. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Тулонжонъ, самъ членъ Собранія. „Декреты вырывались послѣ борьбы часто скандальной; столкновеніе противныхъ интересовъ производило частыя сцены и бурныя выходки. Одинъ членъ, молодой, военный, занесся разъ до того что закричалъ: „такъ какъ меньшинство и большинство въ открытой войнѣ, то бросимся же на этихъ людей съ саблею въ рукахъ“... Призываніе къ порядку, занесеніе выговора съ именемъ провинившагося въ протоколъ никогда не были наказаніемъ сколько-нибудь чувствительнымъ.“

Невѣроятная сцена со статистами по найму изображавшими народы міра произошла въ засѣданіи 19 іюня 1790 года. Имя Анахарсиса Клотца, приведшаго делутацію, должно быть дорого нашимъ нигилистамъ. Въ 1794 году, будучи членомъ комитета народнаго просвѣщенія, онъ говорилъ въ докладѣ Конвенту: „Республика правъ человѣка не есть собственно

говоря ни деистка, ни атеистка,—она *нигилистка*". La république des droits de l'homme n'est pas, à proprement, déiste, ni athée,—*elle est nihiliste. (Un séjour en France de 1792 a 1795*, lettres, trad. par H. Taine, Paris 1872, стр. 160). Въ рѣчи обращенной къ собранію 19 іюня 1790 года онъ говорилъ: „Труба прозвучавшая воскресеніе великаго народа раздалась на четырехъ концахъ міра, и радостное лѣніе хора двадцати пяти милліоновъ свободныхъ людей пробудило народы погруженные въ продолжительное рабство... Намъ пришла великая мысль, и осмѣлимся ли сказать что осуществленіе ея было бы дополненіемъ великаго національнаго празднества? Группа иностранцевъ изо всѣхъ странъ земли просить позволенія помѣститься на Марсовомъ Полѣ. Шапка свободы (le bonnet de la liberté), которую они поднимутъ съ восхищеніемъ, будетъ залогомъ близкаго освобожденія ихъ несчастныхъ согражданъ." Собраніе разрѣшило, съ условіемъ, прибавилъ предсѣдатель, чтобъ иностранцы вернувшись въ свои страны разказали что̀ видѣли. Затѣмъ говорилъ Турокъ. „Онъ съ трудомъ выражался по-французски и это не позволило записать его рѣчь", сказано въ протоколѣ засѣданія.

Изъ описаній торжества 14 іюля 1790 года не видно впрочемъ чтобы такая группа иностранцевъ присутствовала на праздникѣ. Сцена засѣданія, какъ можно заключить изъ словъ Тулонжона, была разчитана не столько на членовъ Собранія, сколько на публику, какъ на присутствовавшую въ засѣданіи, такъ и на читавшую потомъ его описаніе.

Пріятель. Любопытно какъ Тьеръ въ своей столь популярной во Франціи *Исторіи Революціи* относится къ этому эпизоду. Вотъ его описаніе:

„Взоры націй давно уже были обращены на Францію. Государи начинали насъ ненавидѣть и бояться, народы—насъ уважать. Нѣкоторое число энтузіастовъ-иностранцевъ предстало въ Собраніе, каждый въ своемъ костюмѣ. Ихъ ораторъ, Анахарсисъ Клотцъ, родомъ Прусакъ, одаренный безумнымъ воображеніемъ (d'une imagination folle), просилъ отъ имени человѣческаго рода допустить ихъ на праздникъ федераціи. Такія сцены, кажущіяся смѣшными тѣмъ кто ихъ не видалъ, глубоко потрясаютъ присутствующихъ." Была ли сцена подстроена, Тьеръ не касается; передаетъ фактъ, украшая его строчкой умиленія. Это довольно обычный пріемъ въ его исторіи. Стараясь быть точнымъ въ фактической ча-

сти и являться простымъ повѣствователемъ, онъ вставленнымъ эпитетомъ, прибавленною строчкой даетъ оттѣнокъ, тамъ умиленія, здѣсь возвышенности, невѣрный исторически, но дѣлающій разказъ льстящимъ народному самолюбію.

РАЗГОВОРЪ ТРЕТІЙ.

Авторъ. Возвратимся къ засѣданію 4го февраля. Получивъ королевское письмо, предсѣдатель предложилъ: „Не было ли бы непочтительно не послать на встрѣчу его величества депутацію?“ Послѣ небольшаго совѣщанія, о числѣ и характерѣ членовъ депутаціи, постановлено составить ее изъ двадцати четырехъ членовъ по выбору предсѣдателя.

Пріятель. Не излишне отмѣтить куріозную подробность занесенную въ протоколъ: „Съ удовольствіемъ замѣчено что въ число депутатовъ попалъ г. Жераръ, земледѣлецъ (laboureur), депутатъ изъ Бретани.“

Авторъ. Этотъ примитивный депутатъ былъ нѣкоторымъ куріозомъ собранія. „Скромный въ обращеніи и словахъ, слылъ за человѣка хорошаго, съ прямымъ здравымъ смысломъ“ (такъ выражается г. Галлуа, снабдившій примѣчаніями перепечатку стараго *Монитера*). Попросту полагать надо, дядюшка Жераръ, père Gérard, какъ его звали, молчалъ или поддакивалъ. Имя его было взято въ заглавіе одного изъ безчисленныхъ журналовъ того времени, озаглавленнаго *Père Gérard*; а это дало потомъ мысль назвать извѣстный крайній революціонный листокъ *Père Duchesne*.

Король прибылъ въ предшествіи нѣсколькихъ лакей, двадцати четырехъ депутатовъ и министровъ.

Пріятель. Тулонжонъ говоритъ что кортежъ былъ довольно многочисленный, но безъ всякой военной стражи.

Авторъ. „Король показался, и раздались оживленныя рукоплесканія и крики: да здравствуетъ король, *во всѣхъ почти* частяхъ залы (курсивъ поставленъ въ бюллетенѣ засѣданій какъ онъ приведенъ въ *Монитерѣ*). Собраніе встало; его величество также стоя произнесъ рѣчь.“

Пріятель. Сколько перемѣнилось въ теченіе менѣе нежели года, если сравнить засѣданіе 4 февраля 1790 съ пышнымъ открытіемъ собранія чиновъ въ маѣ и съ королевскимъ засѣданіемъ 23 іюня 1789 года, когда король явился

въ собраніе трехъ сословій объявить свою волю, чтобы вопросы обсуждались отдѣльно по сословіямъ, намекалъ что если указанія его не произведутъ дѣйствія, онъ „одинъ сдѣлаетъ благо своихъ народовъ“, то-есть распуститъ представителей, и въ заключеніе приказалъ собранію разойтись чтобы со слѣдующаго дня начать засѣданія каждому сословію въ отдѣльномъ помѣщеніи. „Я повелѣваю вамъ, господа, сказалъ онъ, немедленно раздѣлиться и завтра прибыть каждому въ помѣщеніе назначенное для его сословія, дабы продолжить засѣданіе. Посему повелѣваю оберъ-церемоніймейстеру (grand-maitre de cérémonies) распорядиться приготовленіемъ залъ.“ Памятное засѣданіе въ которомъ, по удаленіи короля, Мирабо произнесъ: „Насъ удалятъ отсюда развѣ штыками“. Тогда на улицахъ вокругъ собранія были разставлены войска и протянуты канаты. Въ залу допускались только депутаты и при этомъ депутатамъ средняго сословія пришлось болѣе часу пробыть подъ дождемъ пока въ залѣ размѣщались члены дворянства и духовенства. Въ залѣ на эстрадѣ стоялъ королевскій тронъ, а не кресло для невидимаго государя-націи. Короля конвоировалъ многочисленный отрядъ тѣлохранителей; король вошелъ въ сопровожденіи принцевъ крови, герцоговъ, леровъ, офицеровъ королевской стражи (capitaines des gardes-du-corps). Эти внѣшнія подробности и мелочи обстановки имѣютъ значеніе, характеризуя положеніе дѣлъ. При самомъ открытіи собранія государственныхъ чиновъ, было не мало мелкихъ знаменій новаго небывалаго настроенія. Предъ открытіемъ происходило торжественное молебствіе въ Версалѣ, въ церкви Св. Духа, въ присутствіи короля. Во время кортежа всѣми было замѣчено что Филиппъ Орлеанскій, жадно искавшій популярности, идя по церемоніалу во главѣ дворянства, нарочно вмѣшивался въ ряды предшествовавшаго дворянству средняго сословія. Во храмѣ проповѣдь говорилъ епископъ города Нанси. При фразахъ о преданности общественному благу и политической свободѣ своды храма много разъ были потрясены аплодисментами и кликами одобренія. До того времени никогда еще не хлопали на проповѣдяхъ, и даже въ спектакляхъ въ присутствіи короля было принято не хлопать. Это нарушеніе церковнаго благочинія и законовъ этикета ясно свидѣтельствовало о томъ зерно какихъ увлеченій присутствовало въ массѣ представителей страны.

Въ засѣданіи 23го іюня роковая рѣчь была выслушана въ молчаніи.

Авторъ. По истинѣ роковая. Съ этого дня для всѣхъ стала ясна слабость власти. Король выронилъ ее изъ рукъ. Торжественно дано повелѣніе, въ отвѣтъ послѣдовалъ отказъ въ повиновеніи. Начались уже не прекращавшіяся устулки. По видимости хотѣли дѣйствовать, стягивали войска, приближали ихъ къ Парижу. „Сдѣлано, говоритъ Тулонжонъ, слишкомъ много демонстрацій, если хотѣли дѣйствовать, и слишкомъ мало, если желали ими только произвести впечатлѣніе. При дворѣ продолжалъ господствовать тотъ же духъ: слѣпая непредусмотрительность, наружная увѣренность и слабость исполненія. Король допускалъ дѣлать приготовленія и постоянно отказывался ими пользоваться.“ Сила перешла на сторону противную королевской власти. Послѣдовали волненія въ Парижѣ, взятіе Бастиліи. 16 іюля король безъ свиты явился просителемъ въ Собраніе, уже называетъ его Національнымъ, проситъ помощи и заявляетъ что войскамъ велѣно удалиться отъ Парижа и Версаля. Съ королевскою властью было покончено. Слово респубдика еще не было произнесено, конституція объявляла Францію монархіею, еще клялись въ вѣрности королю, но на дѣлѣ вся дальнѣйшая исторія есть исторія неудержимаго паденія королевской власти.

Пріятель. Но мы уклоняемся въ сторону. Возвратимся къ засѣданію 4 февраля 1790 года.

Авторъ. Король обратился къ Собранію съ такою рѣчью: „Господа, сказалъ онъ, крайняя серіозность обстоятельствъ въ какихъ находится Франція призываетъ меня въ среду васъ. Постепенное разслабленіе всѣхъ связей порядка и подчиненія, прекращеніе или недѣятельность судовъ, недовольство раждаемое частными лишеніями, всякаго рода противодѣйствіе, печальныя явленія ненависти, — неизбѣжное слѣдствіе продолжительныхъ раздоровъ, — критическое положеніе финансовъ, неувѣренность въ будущемъ, наконецъ общее броженіе умовъ,—все повидимому соединилось чтобы поддерживать безпокойство истинныхъ друзей процвѣтанія и благоденствія королевства.... И въ то время какъ спокойствіе начало возраждаться, по какому-то року новыя безпокойства распространились по провинціямъ и тамъ вновь начались неистовства!..“

Высказавъ надежду что собраніе окончивъ трудъ составленія конституціи „мудро займется мѣрами къ утвержденію исполнительной (т.-е. королевской) власти“, Людовикъ XVI заключилъ рѣчь словами: „Да не будетъ же у насъ съ нынѣшняго дня,—и я даю вамъ въ томъ примѣръ,—иного мнѣнія, иного интереса, иной воли, какъ преданность новой конституціи и горячее желаніе мира, счастія и процвѣтанія Франціи!“

Когда король удалился, собраніе постановило отправить къ нему благодарственную депутацію. Въ это время одинъ изъ мало замѣтныхъ членовъ собранія, г. Гупиль де-Префельнъ (M. Goupil de-Préfeln), сказалъ: „предлагаю сейчасъ же принести гражданскую присягу“.

Пріятель. Вторженіе въ важные моменты мало замѣтныхъ членовъ одно изъ свидѣтельствъ подготовленности такихъ моментовъ. То же случилось напримѣръ по вопросу объ уничтоженіи титуловъ. Послѣ пріема депутаціи отъ человѣческаго рода, о которой мы говорили, и предложенія Ламета снять съ памятника Людовика XIV четыре фигуры у его ногъ представляющія четыре побѣжденныя націи, депутатъ Ламбель возгласилъ: „Сегодня могила суетности: предлагаю чтобы было воспрещено именоваться графомъ, барономъ, маркизомъ и проч.“

Авторъ. Собраніе рѣшило принести немедленно присягу.

Пріятель. Большаго вниманія заслуживаетъ формула присяги, на ней стóитъ остановиться. Вотъ какъ давалась присяга: „Клянусь быть вѣрнымъ націи, закону и королю и поддерживать всѣми силами моими конституцію декретированную Національнымъ Собраніемъ и принятую королемъ.“ На первомъ мѣстѣ поставлено понятіе Націи. Въ этомъ выражается одно изъ главныхъ началъ того государственнаго ученія въ силу котораго производилась революція. Верховенство въ государствѣ принадлежитъ Націи, она есть верховная власть, истинный государь и законодатель. Монархъ есть только глава исполнительной власти, высшее полицейское лицо націей назначенное. *Права человѣка* и *верховенство націи* главные догматы въ ряду великихъ началъ 89 года, какъ выражаются Французы. Это то самое ученіе какое развито Жанъ-Жакомъ Руссо. Революціонные дѣятели на практикѣ осуществляли его теорію. Всенародную клятву на праздникѣ федераціи 14 іюля 1790 можно разсматривать именно какъ заключеніе его общественнаго контракта о которомъ трактуетъ

етъ Руссо въ сочиненіи этого имени. Еслибы счастіе людей зависѣло отъ осуществленія революціонной теоріи философа, Франція давно была бы счастливѣйшею страной въ мірѣ.

Авторъ. Для уразумѣнія революціонныхъ явленій вообще полезно развертывать страницы Руссо. Онъ былъ наиболѣе вліятельнымъ популяризаторомъ политической системы французскихъ философовъ средины прошлаго вѣка (построеніе государственнаго тѣла на началахъ разума), которую можно назвать теоріей революціи. Въ чемъ состоитъ это революціонное ученіе? Оно характеризуется слѣдующими главными чертами: отрицаніе исторіи и, въ связи съ нимъ, отрицаніе религіи какъ фактора государственной и общественной жизни и построеніе государственнаго и общественнаго идеала на началахъ разума, какъ единственнаго источника истины какимъ обладаетъ человѣкъ. Исторія есть лишь удаленіе человѣчества отъ его естественнаго типа. Что касается религіи, то допущеніе что разумъ есть единственный источникъ истины, лишая религію значенія откровенія, оставляло ее лишь въ значеніи свободнаго убѣжденія или просто фантазіи отдѣльнаго лица, способныхъ скорѣе раздѣлять чѣмъ соединять людей. И это исключеніе религіи представлялось какъ побѣда надъ предразсудками, побѣда свѣтлая, такъ какъ она погребла на вѣкъ въ прошедшемъ раздоры и войны изъ-за религіозныхъ вопросовъ, внушила ненависть къ религіознымъ преслѣдованіямъ и окончательно потушила костры по Европѣ.

Пріятель. Это дѣйствительная заслуга французскихъ философовъ XVIII вѣка. Она не мало содѣйствовала усиленію кредита революціи какъ событія предпринятаго къ осуществленію на практикѣ идей этихъ философовъ и водворившаго будто бы свободу мысли и вѣрованій.

Авторъ. Забывалось что мнѣнія могутъ раздѣлять людей и поселять раздоры столько же какъ и религіозныя вѣрованія и что міръ не видалъ нетерпимости больше той какая была въ эпоху наибольшаго разгара революціи.

РАЗГОВОРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Авторъ. Послѣ вчерашней бесѣды нашей я перелистовалъ два сочиненія Руссо гдѣ изложены его политическія идеи. Одно изъ нихъ есть разсужденіе на тему Дижонской Академіи. Академія эта предложила на премію вопросъ: „Какъ

произошло неравенство между людьми и уполномочиваетъ ли къ нему естественный законъ?“ (Quelle est l'origine de l'inégalité parmi les hommes et si elle est autorisée par la loi naturelle). Руссо отвѣчалъ *Разсужденіемъ о происхожденіи и основаніяхъ неравенства между людьми* (Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes). Дѣло идетъ о происхожденіи явленія; казалось бы авторъ прежде всего обратится къ исторіи, къ фактамъ прошедшаго. Ничуть не бывало. Исторія и факты совершенно устраняются. „Начнемъ съ того, говоритъ Руссо, что устранимъ всѣ факты, такъ какъ они не касаются вопроса. Не надо принимать изслѣдованія въ какія войдемъ относительно занимающаго насъ вопроса за историческія истины, ихъ надлежитъ разсматривать только какъ разсужденія гипотетическія и условныя, болѣе способныя освѣтить природу вещей, чѣмъ показать ихъ дѣйствительное происхожденіе; совершенно подобныя тѣмъ какія физики ежедневно дѣлаютъ относительно образованія міра.“

Пріятель. Послѣдняя фраза, мнѣ кажется, показываетъ что Руссо хотѣлъ по отношенію къ исторіи человѣчества явиться своего рода Декартомъ. Осторожный философъ, обращаясь къ исторіи міровозданія, выразилъ гипотезу о которой послѣшилъ заявить что она не есть истинная исторія міра, который былъ созданъ разомъ, но исторія гипотетическая, возможная, какая имѣла бы мѣсто еслибы Создатель избралъ путь постепенности, и польза которой именно въ томъ что она способна „освѣтить натуру вещей“.

Авторъ. Твоя догадка совершенно подтверждается словами слѣдующими за приведенною фразой. „Религія, говоритъ Руссо, предписываетъ намъ вѣрить что Богъ непосредственно послѣ созданія вывелъ уже людей изъ естественнаго состоянія и они не равны потому что такова Его воля; но религія не воспрещаетъ намъ дѣлать предположенія выведенныя единственно изъ природы человѣка и существъ его окружающихъ, относительно того чѣмъ могъ бы сдѣлаться родъ человѣческій еслибы былъ предоставленъ самому себѣ.“ Предметъ свой, „интересующій человѣка вообще“, авторъ сбирается изложить „забывая о мѣстѣ и времени“ и какъ бы имѣя „слушателемъ родъ человѣческій“. „О человѣкъ, восклицаетъ онъ, къ какой бы странѣ ты ни принадлежалъ, какія бы ни были твои мнѣнія,—слушай! Вотъ твоя исторія какъ мнилъ я ее читать не въ книгахъ писанныхъ подобными

тебѣ,—они лжецы, а въ природѣ, никогда не лгущей.“ Итакъ исторія отброшена, разбирается нѣкоторый отвлеченный *человѣкъ* въ его естественномъ состояніи, которое получается если отъ современнаго человѣка отвлечь все что можно считать въ немъ искусственно порожденнымъ общественною жизнью и тою же отброшенною исторіей. Требуется, выходя отъ основныхъ, якобы естественныхъ качествъ этого отвлеченнаго *человѣка*, построить общественную и государственную жизнь на началахъ разума.

Построеніемъ этимъ Руссо занимается въ *Общественномъ Контрактѣ* (*Du Contrat social ou principes du droit politique*, par J. J. Rousseau, citoyen de Genève). Трактатъ этотъ долженъ былъ составить часть еще обширнѣйшаго сочиненія, отъ исполненія котораго авторъ отказался. Прочтемъ нѣкоторыя мѣста *Контракта*. Вотъ напримѣръ начало первой главы: „Человѣкъ рожденъ свободнымъ, и повсюду находится въ цѣпяхъ. Кто мнитъ себя быть господиномъ другихъ, тотъ бываетъ столько же рабомъ какъ и они. Какъ сдѣлалась такая перемѣна? Не знаю. Что можетъ сдѣлать ее законною? Полагаю, могу разрѣшить этотъ вопросъ. Еслибъ я разсматривалъ только силу и производимое ею дѣйствіе, я сказалъ бы: когда народъ вынужденъ повиноваться и повинуется, онъ поступаетъ хорошо. Какъ скоро можетъ стряхнуть съ себя иго и сбрасываетъ его—поступаетъ еще лучше. Ибо возвращая себѣ свободу тѣмъ же правомъ какимъ она у него отнята, онъ имѣетъ основаніе возвратить ее себѣ, или не было основанія ее отнять у него. Но общественный порядокъ есть святое право, служащее основаніемъ всѣмъ другимъ. Между тѣмъ право это не проистекаетъ изъ природы; оно основано на условіяхъ. Требуется знать какія это условія“.

„Повинуйтесь властямъ (obéissez aux puissances). Если это значитъ уступайте силѣ, предписаніе хорошо, но излишне: можно ручаться что оно нарушено не будетъ. Всякая власть исходитъ отъ Бога. Согласенъ, но и всякая болѣзнь оттуда же исходитъ. Значитъ ли что запрещено призывать врача? Разбойникъ нападаетъ на меня въ лѣсу; мало что я вынужденъ силою отдать кошелекъ, но если могу его укрыть, обязанъ ли я по совѣсти его отдать? Ибо и пистолетъ наконецъ есть власть. (Ch. III).

„Требуется найти такую форму ассоціаціи которая бы защищала и охраняла всею общею силой личность и имуще-

ство каждаго ея члена, и чрезъ которую каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы между тѣмъ только самому себѣ и оставался бы столько же свободенъ какъ прежде. (Ch. VI).“

Когда *прежде?* авторъ не говоритъ; очевидно не въ историческомъ прошедшемъ. Требовалось почувствовать себя примитивно свободнымъ человѣкомъ, а для этого отказаться отъ всего что̀ наложила исторія, и затѣмъ выходя отъ такого естественно свободнаго состоянія составить конституцію удовлетворяющую сказанному условію. Такую именно задачу приняли на себя составители конституціи 1789 года.

Въ ассоціаціи есть государь, и государь неограниченный. Онъ называется *Souverain.* Кто же это? Это общая воля гражданъ. „Актъ союза, вмѣсто отдѣльной личности каждаго участника, производитъ нравственное коллективное тѣло составленное изъ столькихъ членовъ сколько голосовъ имѣетъ собраніе (заключающее ассоціацію) и которое отъ этого самаго акта получаетъ свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю.“ Это „политическое тѣло“ именуется его членами *государствомъ* (état), когда оно пассивно, *государемъ* (souverain), когда оно активно. Этотъ-то государь и разумѣется въ клятвѣ 4 февраля подъ наименованіемъ Націи (прямо употребить, какъ Руссо, терминъ—*souverain* при наличности *roi*, очевидно считалъ неудобнымъ). Это тотъ *peuple-souverain* во имя котораго нынѣ управляется Франція. Это принципъ народнаго верховенства чрезъ общую подачу голосовъ.

Государь этотъ не только неограниченный, но и деспотическій. „Противно природѣ политическаго тѣла чтобы государь наложилъ на себя законъ который никогда не могъ бы нарушить“... „Право измѣнять (формы конституціи) есть первая гарантія всѣхъ другихъ правъ... Нѣтъ никакого обязательнаго закона для народнаго тѣла.“ Что̀ сегодня хочетъ Нація, то есть законъ на сегодня, что̀ захочетъ завтра, будетъ завтра закономъ. Вопросъ лишь въ томъ какъ эту волю узнать.

Злоупотреблять властію государь чудеснымъ образомъ не можетъ. „Великую услугу какую гражданинъ можетъ оказать государству онъ обязанъ оказать какъ скоро государь того потребуетъ. Но государь съ своей стороны не можетъ обременять своихъ подданныхъ никакою цѣлью безполезною для всей общины (à la communauté). Онъ не можетъ даже желать этого, ибо подъ закономъ разума ничто не

можетъ дѣлаться безъ причины, какъ и подъ закономъ природы."

Король, при монархической формѣ, и вообще государственныя власти суть не болѣе какъ слуги государя. Отъ времени до времени народъ—т.-е. члены союза, — имѣетъ собранія. Когда народъ собрался, „всякая юрисдикція правительства прекращается, исполнительная власть пріостановлена". На собраніи рѣшается „угодно ли государю сохранить настоящую форму правленія" и „угодно ли оставить администрацію въ рукахъ тѣхъ кому теперь она поручена". Подробности устройства такихъ народныхъ собраній Руссо не указываетъ. Противъ „представительства" онъ высказывается съ рѣзкостію. „Идея представительства, говоритъ онъ, новая; она пришла отъ феодальнаго правительства, этого несправедливаго и нелѣпаго правительства, въ которомъ униженъ родъ человѣческій и имя человѣка въ поношеніи". Несравненно болѣе привлекательными кажутся Руссо политическія формы древней Греціи. Тамъ народъ все что̀ имѣлъ дѣлать дѣлалъ чрезъ самого себя (ce que le peuple avait à faire il le faisait par lui-même); онъ всегда былъ собранъ на площади; обиталъ въ мягкомъ климатѣ, не былъ жаденъ, рабы исполняли его работы, а его великимъ дѣломъ была свобода". Какъ устроить нѣчто подобное въ новомъ, притомъ обширномъ государствѣ Руссо обѣщаетъ разъяснить въ продолженіи сочиненій, „когда говоря о внѣшнихъ сношеніяхъ дойдетъ до конфедерацій". Но продолженія такъ и не послѣдовало.

Таковъ знаменитый *Контрактъ*. Трудно представить себѣ сочиненіе болѣе скучное, съ бо́льшими претензіями. Оно утомляетъ читателя господствомъ фразы надъ мыслію, антитезами въ родѣ нынѣшнихъ Виктора Гюго. Если такое сочиненіе могло казаться кодексомъ политической мудрости, то это лучшій признакъ на какой невысокой ступени стояла эта мудрость.

Пріятель. Основная идея оказалась тѣмъ не менѣе весьма живучею. Идея народнаго верховенства, народной воли какъ источника всякаго закона и всякой власти многими считается и нынѣ какъ основная политическая истина. Она есть фундаментъ нынѣшней французской республики. Въ самомъ дѣлѣ, если строить общественное тѣло исключительно по разуму, то какое можетъ быть болѣе простое и очевидное начало?

Авторъ. О, еслибы политическія тѣла строились исключительно на началахъ разума, или, говоря согласно современной терминологіи, на началахъ науки, къ какимъ бы трагическимъ послѣдствіямъ вели столкновенія теоретическаго разума съ практическимъ!

Когда событія французской революціи обозрѣваются съ высоты историческаго наблюденія какъ моментъ всемірной исторіи, разсматриваемой въ видѣ восходящей лѣстницы, то нерѣдко въ нихъ видятъ переломъ отдѣляющій эпоху *авторитета* отъ эпохи *свободы*, если и не наступившей еще, то имѣющей наступить. Подъ признаніемъ авторитета разумѣется признаніе нѣкоторыхъ нормъ высшаго порядка, не добытыхъ работой сознанія, но данныхъ сознанію, имѣющихъ, какъ говорится, откровенное, божественное происхожденіе, возникшихъ не по условію, держащихся не соглашеніемъ живущаго поколѣнія, но для живущаго поколѣнія обязательныхъ. Начало авторитета въ государственной жизни знаменательно выражается формулой: „Божіею милостію“. Подъ свободой, какъ еще только имѣющею наступить, разумѣется нѣчто значительно менѣе опредѣленное. Въ событіяхъ революціоннаго движенія отражается общее движеніе человѣческаго разумѣнія къ установленію единовластія разума съ исключеніемъ идеи авторитета.

Идея этого единовластія состоитъ въ томъ что разумъ, то-есть человѣческое размышленіе, будучи источникомъ научныхъ раскрытій, есть источникъ, и притомъ исключительный, истины вообще. Онъ не только орудіе приращенія знаній,—вся человѣческая дѣйствительность, общественная и государственная жизнь, исторія, должны быть его приложеніемъ, развитіемъ указываемыхъ имъ началъ. Царство человѣка должно быть царствомъ разума. Тогда оно будетъ и царствомъ счастія. Когда революціонное движеніе достигло наисильнѣйшаго разгара, была прямо объявлена религія Разума, и въ храмѣ Парижской Божіей Матери было поклоненіе полураздѣтой женщинѣ изображавшей Богиню Разума. Кощунственное оскорбленіе того что вѣками чтилось какъ святыня оттолкнуло даже увлеченныхъ. Между тѣмъ это было, въ шутовской формѣ, символическое представленіе того именно начала въ которомъ выражается суть революціоннаго движенія. Это послѣдовательный выводъ изъ посылокъ.

Признаніе единовластія разума въ теоретической области мышленія есть только одностороній выводъ изъ великаго начала свободнаго исканія истины лежащаго въ основѣ новой философіи. Основатель новой философіи (говорю о Декартѣ) поставилъ задачей искать истину помощью естественнаго свѣта разума направляемаго правильною методой. При этомъ, онъ поставилъ *очевидность* критеріемъ разума. Если положеніе не представляетъ для здраваго ума никакого повода къ сомнѣнію, имѣетъ степень очевидности геометрической аксіомы— его надлежитъ признать истиннымъ. Выходя изъ него можно строить науку какъ строится геометрія изъ ея аксіомъ. Первымъ такимъ положеніемъ для Декарта было знаменитое: *я мыслю, слѣдовательно я есмь, cogito ergo sum.* Разумъ становится не орудіемъ только пониманія, но орудіемъ открытія истины, ея источникомъ. Декартъ признавалъ и другой источникъ, откровенный, и въ согласіи своихъ выводовъ съ истинами откровенія видѣлъ оправданіе своей методы. Онъ допускалъ такимъ образомъ двоевластіе—разумъ и откровеніе. Успѣхи положительнаго знанія, свободная критика данныхъ религіи склонили затѣмъ многіе умы считавшіе себя свободными отъ предразсудковъ къ единовластію, а именно единовластію разума. Но какимъ образомъ разумъ становится источникомъ истины? Когда Декартъ сталъ прилагать методъ очевидности, на первыхъ же шагахъ методъ этотъ оказался недостаточнымъ, и чтобы двинуться впередъ философъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ идеѣ Бога какъ готовой, найденной въ сознаніи, а не доставленной философскою очевидностью. Столь же мало имѣли успѣха новые философы замѣнившіе методу Декарта новою методой и ласкавшіе себя надеждой вывести все существующее діалектическимъ путемъ изъ первыхъ началъ. Теоретическія системы построенныя на „началахъ разума“ оказались односторонними и шаткими, именно потому что безконечно далеки отъ полноты дѣйствительности. Забывалось что движеніе разума внѣ готоваго, даннаго, въ обширномъ смыслѣ эмпирическаго матеріала, невозможно какъ полетъ въ пустотѣ. Когда въ отдѣльномъ человѣкѣ пробуждается размышляющая дѣятельность, которую можно назвать научнымъ сознаніемъ (главная форма его доказательство чрезъ приведеніе къ очевидности), когда пробудилась она и во всемъ человѣчествѣ, разумъ уже находитъ и находилъ

предъ собою и въ себѣ безконечную массу данныхъ, доставленныхъ природою, окружающимъ бытомъ, преданіями, наслѣдственными предрасположеніями, наконецъ, прирожденною творческою дѣятельностію, необъяснимою и чудесною. Въ этомъ смыслѣ откровеніе предшествуетъ сознанію. Не даромъ въ новѣйшихъ системахъ такое значеніе приписывается „безсознательному“. Если такъ въ теоріи, то что же сказать о построеніяхъ такого рода въ жизни, долженствующей болѣзненною операціей быть втиснутою въ рамки неполныя и произвольныя?

Размышляя для себя о вопросахъ этого рода, я прибѣгаю къ сравненію, которое для меня по крайней мѣрѣ кажется довольно наглядным выраженіемъ состоянія человѣческаго разумѣнія. Ньютонъ сравнивалъ ученаго познающаго природу съ человѣкомъ стоящимъ на берегу безграничнаго моря, собирающимъ и разсматривающимъ ракушки выбрасываемыя волной и по этимъ скуднымъ даннымъ судящаго о раскинутой предъ нимъ неизмѣримости. Что такое всѣ наши знанія? Ихъ совокупность можно математически выразить формулой $X+a$, гдѣ a извѣстная величина, X неизвѣстная, въ сущности равная безконечности. Мы стараемся болѣе и болѣе увеличивать величину a, то-есть сумму нашихъ положительныхъ знаній. Въ выкладкахъ и соображеніяхъ служащихъ для этой цѣли мы всѣми силами должны обѣгать величину X, ибо ея введеніе сейчасъ нарушитъ всѣ наши вычисленія. Предъ безконечностію X всякая конечная величина a, какъ бы велика она ни была, равна нулю. Въ этомъ смыслѣ говорилъ Ньютонъ: физика бойся метафизики. Методою изслѣдованія оказавшеюся по преимуществу плодовитою, увеличившею a, обнаружила себя именно та гдѣ X устраняется изъ вычисленія. Но нѣтъ ошибки грубѣе той которая признала бы что X не существуетъ, равенъ нулю. Именно въ этой ошибкѣ и есть сущность такъ-называемой позитивной философіи. Если въ точной наукѣ X устраняется, то это есть пріемъ изслѣдованія, ибо введеніе этого X, повторяю, своею безконечностію нарушаетъ всѣ формулы. Но это не значитъ что X не существуетъ или не имѣетъ значенія. Въ положительной наукѣ великія открытія не разъ дѣлались чрезъ геніальное обращеніе къ X. По философіи очевидности казалось нелѣпостію допустить какую-либо иную причину приводящую

тѣло въ движеніе кромѣ толчка сосѣдняго тѣла. Таинственное тяготѣніе матеріальныхъ частицъ, дѣйствіе на разстояніи, составляющее основу современной механики,—допускается ли оно между тѣлами или только между частицами, какъ центрами силъ,— есть въ сущности приписаніе матеріальнымъ частицамъ свойства не матеріальнаго порядка, введеніе *X* въ истолкованіе физическихъ явленій. *X* устраняемъ мы лишь тѣмъ, что признавая притяженіе какъ фактъ считаемъ его необъясненнымъ со стороны причины.

Если, говорю опять, въ работѣ пріобрѣтенія точныхъ знаній надлежитъ оставаться исключительно въ области *a*, то это никакъ не значитъ не признавать *X*. Мыслить *X* непремѣнная потребность и великая задача разумѣнія. Это область философскихъ и религіозныхъ идей.

Если отъ теоріи перейдемъ къ практикѣ жизни, гдѣ имѣемъ дѣло съ вещами, а не съ понятіями и отвлеченіями, то здѣсь окажемся со всѣхъ сторонъ облеченными таинственнымъ *X*, и забвеніе этого фактора можетъ вести только къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Жизнь не можетъ быть иначе какъ въ своей полнотѣ. Фантазію можно населить отвлеченіями, но въ городахъ живутъ люди. На бумагѣ можно по произволу устранять тотъ или другой факторъ, составить тысячу проектовъ летать по воздуху, съ забвеніемъ тѣхъ или другихъ условій, но на практикѣ забвеніе одного необходимо поведетъ къ тому что свалишься и поломаешь себѣ ребра. Вотъ почему такъ трудна практическая мудрость. Старый порядокъ стоялъ на началахъ авторитета; новый, открытый революціей, долженъ, говорятъ, стать на началахъ науки. Это предполагаетъ что есть такія „начала“ наукой указанныя, которыя слѣдуетъ лишь приложить; есть въ чьемъ-то обладаніи ларецъ съ готовыми рецептами, которые стóитъ достать и исполнить чтобы дѣло устроилось на началахъ разума какъ говорили въ 1789 году, на „научныхъ основаніяхъ“ какъ говорятъ нынѣ. Люди стоящіе на высотахъ человѣческаго разумѣнія имѣютъ самое скромное понятіе объ этомъ ларцѣ. Говорить о богатствахъ его обыкновенно считаютъ себя наиболѣе уполномоченными тѣ которые не только въ наполненіи его не участвовали, но и о содержаніи имѣютъ извѣстіе изъ третьихъ устъ.

Пріятель. Перебью тебя. „Научныя основанія“ напоминаютъ мнѣ куріозъ. Извѣстно въ какой чести у насъ на

словахъ педагогика и школьная гигіена. Была недавно выставка педагогическихъ пособій. Одинъ газетный репортеръ,— повидимому молодой врачъ, — со значительнымъ запасомъ ученыхъ словъ сѣтовалъ на пробѣлъ на выставкѣ по вопросу объ устройствѣ нервной системы, тогда какъ нынѣшняя педагогика должна де вся основываться на данныхъ физіологіи нервной системы. То обстоятельство что данныхъ этихъ еще слишкомъ мало, до приложеній еще крайне далеко, не смущаетъ ученаго популяризатора. Изъ статьи прямо слѣдуетъ заключить что есть такая наука въ которой вся тайна психо-физіологическаго процесса разъяснена. Послѣднія изслѣдованія доктора N., профессора М., ассистента Р. о мозговыхъ клѣточкахъ все, повидимому, раскрыли. Можно подумать что уже извѣстно наркотическое или иное средство которое стоитъ дать, и клѣточки связанныя съ проявленіями воли укрѣпятся, и школьники выйдутъ съ сильною волею. Кажется просто, а старые рутинеры-педагоги не хотятъ де послать въ аптеку за такимъ средствомъ и бьются попусту...

Авторъ. Составители конституціи 1789 года надѣялись приложить къ практикѣ начала выработанныя философіей той эпохи. Нашли даже нужнымъ государственному законодательному акту предпослать родъ философскаго введенія подъ заглавіемъ: „Объявленіе правъ человѣка.“ Это объявленіе должно было заключать положенія считавшіяся тогда аксіомами политической науки.

„Люди родятся свободными и равными.... Цѣль каждаго политическаго союза есть сохраненіе естественныхъ правъ человѣка. Права сіи суть: свобода, *собственность*, безопасность и сопротивленіе притѣсненію“. Включеніе *собственности* въ число естественныхъ правъ весьма знаменательно. Какъ ни были составители конституціи преданы теоріи, они поняли къ какимъ колебаніямъ должно вести потрясеніе права собственности въ обществѣ построенномъ на началѣ собственности и включили это право въ число естественныхъ правъ, хотя въ теоріяхъ изъ которыхъ выходили этого не заключалось и послѣдовательность требовала это право отрицать.

Другое положеніе также казавшееся аксіомой гласило такъ: „Принципъ верховенства существенно пребываетъ въ націи; никакое общественное тѣло и никакое лицо не можетъ обнаруживать власть, которая не исходила бы отъ націи... За-

конъ есть выраженіе общей воли.“ Но какимъ образомъ нація можетъ проявлять свое верховенство и какъ узнать ея волю? Это такъ и до нынѣ остается въ большомъ туманѣ. Собрать всѣхъ, предложить вопросъ, и рѣшить по большинству голосовъ? Осуществимо ли это практически? Даже Руссо на бумагѣ остановился предъ такою практикой. Очевидно въ этомъ оракулѣ долженъ быть жрецъ дающій за него прорицанія. Не ясно ли что истиннымъ дѣятелемъ окажется не воля націи, никому неизвѣстная,—кто можетъ сказать чего въ данную минуту хочетъ Франція,—а воля партіи успѣвшей захватить власть имѣющимися на лицо средствами.

Пріятель. Вмѣсто слова нація стали потомъ употреблять болѣе тѣсное обозначеніе *народъ*, peuple; государь-народъ, peuple-souverain, какъ весьма часто употребляютъ нынѣ во Франціи. Замѣчательно что поклоненіе этому государю обыкновенно соединяется съ крайнимъ презрѣніемъ къ его качествамъ. Его все сбираются воспитывать, но не смущаются вопросомъ какъ же онъ будетъ править пока не воспитанъ: управимся, говорятъ, за него. Одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ нынѣ политическихъ дѣятелей во Франціи, членъ палаты, профессоръ физіологіи, Поль Бэръ, въ отчетѣ о предполагаемомъ устройствѣ народнаго образованія въ странѣ на самыхъ широкихъ основаніяхъ (но съ полнымъ устраненіемъ религіознаго обученія), говоритъ что нынѣшнее состояніе народнаго образованіе во Франціи самое жалкое, народъ невѣжественъ; внушительно поясняетъ какое де правленіе можетъ быть въ странѣ гдѣ монархъ не знаетъ ни своихъ правъ, ни обязанностей, и не замѣчаетъ что тѣмъ высказываетъ самую ѣдкую критику на современную конституцію Франціи, управляемой въ имя этого неграмотнаго peuple-souverain. И наши благодѣтели народа на дѣлѣ весьма не высокаго о немъ мнѣнія, особенно послѣ неудачи „хожденія“ въ народную массу. Судившаяся недавно Колѣнкина, сопротивляясь аресту и встрѣтя полицейскихъ градомъ брани, съ особеннымъ уязвленіемъ обзывала ихъ „мужиками“. Газета *Страна* подсмѣивается надъ „мужичкомъ“, „простодушнымъ, вѣрующимъ, преданнымъ“ и поясняетъ что „народный вопросъ“, заботящій газету, „былъ и есть у насъ вопросъ интеллигенціи, вопросъ о всеоружіи правъ и свободной мысли свободной интеллигенціи.“ Вотъ сколько свободы! „Вѣдь не изъ *деревни* же, прибавляетъ газета, мы получимъ разрѣшеніе вопроса о

свободной интеллигенціи и добудемъ для нее всеоружіе правъ.“ По крайней мѣрѣ твердо сказано. Интеллигенція свободная и во всеоружіи. А народъ-то? Народъ *быдло*, какъ говорили паны.

Но опять мы ушли въ сторону. Насъ ждетъ *Монитеръ* съ окончаніемъ засѣданія 4 февраля.

Авторъ. По окончаніи присяги, предсѣдатель объявилъ что со стороны присутствующей при засѣданіи публики заявлено желаніе присоединиться къ присягѣ. „Всѣ члены обратились къ трибунѣ гдѣ ломѣцалась публика. Публика встала и принесла присягу, при громкихъ рукоплесканіяхъ законодателей націи.“ „Такъ кончился, заключаетъ отчетъ *Монитера*, этотъ навѣкъ знаменитый день, подробности о которомъ переданныя потомству должны всегда быть предъ глазами нашихъ королей.“

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ засѣданіи представителей Парижской Общины (по-нашему гласныхъ—Парижъ раздѣлялся на 60 округовъ или дистриктовъ, каждый съ своимъ комитетомъ и собраніемъ, центральное же управленіе было въ Парижской Общинѣ, Commune de Paris), одинъ изъ членовъ при началѣ засѣданія сообщилъ о происшедшемъ утромъ въ Національномъ Собраніи. Рѣшено изъявить королю благодарность и принести немедленно присягу, что тотчасъ и исполнено. Одинъ изъ членовъ предложилъ было поднести королю гражданскій вѣнецъ (couronne civique), но предложеніе отклонено.

Въ слѣдующіе дни присяга повторялась въ разныхъ собраніяхъ и учрежденіяхъ, между прочимъ въ школьномъ мірѣ.

5 февраля были собраны ученики изъ разныхъ школъ, въ сопровожденіи наставниковъ, окружныхъ начальствъ (autorités de district) и гренадеровъ (grenadiers de l'état major), отправились процессіей по горѣ Sainte-Génévière на площадь, гдѣ и принесли присягу. „Жители изъ оконъ смотрѣли на процессію, восхищенные новизной патріотическаго праздника достойнаго древней республики“. (Jourdain, *Histoire de l'Université*, 482).

10 февраля четыре университетскіе факультета собрались въ коляскѣ Людовика Великаго и принесли присягу. Ректоръ произнесъ рѣчь, пѣли *Te Deum*.

Пріятель. Наступившее, казалось, согласіе короля и собранія не возстановило власти въ странѣ. Явленія анархіи продолжали разыгрываться повсюду.

Авторъ. Появленіе анархіи во всѣхъ членахъ государственнаго тѣла было первымъ симптомомъ революціи. Симптомъ этотъ замѣчательно діагностированъ Тэномъ (anarchie spontanée). Всѣ силы были отведены отъ соотвѣтствующихъ имъ точекъ приложенія; ихъ можно было приложить куда угодно. Что же заправляло этими приложеніями? Явно заправляло ими *общественное мнѣніе*, какъ выраженіе неуловимыхъ желаній націи. Оно высказывалось въ газетахъ и рѣчахъ, ими создавалось и ихъ создавало. Внушительное значеніе оно получало выходя на площадь, оправдываясь и подкрѣпляясь уличными волненіями и мятежами. Скрыто— направляла эти бродящія силы *невидимая рука*, дѣйствіе которой несомнѣнно замѣчается во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ, но которой истинное значеніе остается тайною и для историковъ. Она-то направляетъ и уличную сволочь, и журнальныя перья. Ее ощущаютъ, хотятъ уловить и не могутъ очевидцы и участники событій. Въ эпоху революціи ее звали то лондонскимъ золотомъ, то деньгами Орлеанскаго принца и другихъ честолюбцевъ, то заговоромъ аристократовъ, то происками эмигрантовъ; уловить ее оказывалась безсильна власть законная, ее потомъ въ свою очередь подозрительно разыскивала власть революціонная, всюду видя или указывая заговоръ и измѣну, практикуя и поощряя доносъ въ никогда небывалыхъ размѣрахъ. Событія разыгрываются предъ глазами, но главные вожаки такъ и остаются обыкновенно въ тайнѣ. Явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ что *одной руки* направляющей дѣло по сознательно опредѣленному плану обыкновенно нѣтъ въ революціонныхъ движеніяхъ. При общемъ смятеніи силъ, ихъ захватываютъ въ свое распоряженіе весьма разные интересы, сегодня одни, завтра другіе, съ цѣлями разными, иногда противоположными, но сходящимися въ произведеніи смуты, которою пользуются обыкновенно третьи лица. Все явленіе фальшиво въ существѣ своемъ. Маріонетки скачутъ потому что ихъ дергаютъ за нити. Когда представленіе удалось, наивныхъ людей увѣряютъ что маріонетки сами выскакивали или что двигали ихъ не грязныя руки, а нѣкая благодѣтельная и спасительная длань.

РАЗГОВОРЪ ПЯТЫЙ.

Пріятель. Короля въ особенности тревожило паденіе дисциплины въ арміи. Съ деморализаціей арміи изчезалъ всякій оплотъ власти. Въ *Монитерѣ* читаемъ что въ засѣданіе собранія 4 іюня 1790 года былъ допущенъ, явившійся отъ имени короля, военный министръ г. де-ла Туръ-дю-Пенъ (de la Tour-du-Pin). Привѣтствованный рукоплесканіями, онъ прочиталъ слѣдующую записку:

„Я уже имѣлъ честь вручить военному комитету новый трудъ о положеніи арміи, который королю угодно было возложить на меня. Его величество поручилъ мнѣ сообщить вамъ о прискорбныхъ и опасныхъ для общественнаго спокойствія безпорядкахъ. Военные корпуса въ настоящее время преданы самой буйной анархіи; многіе полки нарушили ваши законы и преступили клятву данную ими торжественнымъ образомъ. Мое сердце сжимается при мысли что я вынужденъ принести жалобу на солдатъ, которыхъ всегда видѣлъ доблестными, съ которыми въ теченіе 50ти лѣтъ жилъ какъ товарищъ и другъ. Во многихъ корпусахъ дисциплина не только ослабѣла, но вовсе исчезла, приказанія не исполняются, кассы и знамена похищаются, офицеры въ презрѣніи и оскорбляемы, и къ довершенію ужаса начальники зарѣзываются на глазахъ своихъ солдатъ. Общественное спокойствіе и счастіе родины взываютъ о вашемъ вмѣшательствѣ. Военное сословіе только единица предъ политическимъ цѣлымъ: все потеряно если оно предоставлено личнымъ страстямъ.

„Оно должно быть только орудіемъ: если оно обратится въ обсуждающій корпусъ, правительство ниспадетъ до военной демократіи. Кто не вздрогнетъ при мысли о комитетахъ составляемыхъ въ полкахъ изъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, безъ вѣдома начальства или вопреки ему? Присоедините силу законодательной власти къ общественному мнѣнію. Присоедините ваши усилія къ усиліямъ короля чтобы придать прокламаціи монарха внушительный характеръ всеобщаго требованія. Обезопасьте честь и жизнь великодушныхъ офицеровъ, столь же покорныхъ вашимъ декретамъ сколь они были отважны противъ враговъ въ послѣднюю войну. Союзъ всѣхъ сердецъ, глубокое уваженіе къ законамъ, одни могутъ упрочить революцію: это предметъ всѣхъ заботъ нашего короля, объявившаго себя ея вождемъ. Нѣсколько полковъ выказали уваженіе къ законамъ, нѣсколько муниципалитетовъ выразили сочувствіе къ стоящимъ въ ихъ городахъ гарнизонамъ. Утѣшительно для насъ заявить что

число этихъ полковъ, истинныхъ гражданъ, составляетъ большинство. Администрація не можетъ возстановить дисциплину пока будутъ муниципалитеты нагло присвоивающіе себѣ надъ войсками права исполнительной власти: кругъ дѣйствія гражданской власти долженъ ограничиваться правомъ протестовать и требовать разбирательства и никогда не долженъ доходить до смѣщенія начальниковъ, до отмѣны или измѣненія передвиженій назначенныхъ королемъ. Всѣ добрые граждане понимаютъ какъ такое поведеніе расшатываетъ исполнительную власть и какой ущербъ можетъ нанести конституціи (*рукоплесканія*). Король поручилъ мнѣ еще увѣдомить васъ что онъ одобряетъ участіе какое значительное число полковъ приняли въ федераціяхъ между линейными войсками и національной гвардіей, для возобновленія гражданской присяги. Онъ поручилъ мнѣ написать циркуляръ въ армію чтобы побудить ее къ тому. Онъ съ удовольствіемъ принялъ выраженныя ему при этихъ случаяхъ чувства уваженія къ конституціи и къ законамъ и любви къ его особѣ. Онъ полагаетъ что каждому изъ полковъ надлежитъ принять участіе въ этихъ гражданскихъ празднествахъ чтобы скрѣпить союзъ всѣхъ гражданъ страны."

Авторъ. Федераціи о которыхъ упоминаетъ военный министръ начались въ провинціяхъ.

Въ ноябрѣ 1789 года, на берегахъ Роны, близъ Валанса, двѣнадцать тысячъ національ-гардовъ дали клятву „остаться навсегда соединенными и поддерживать законы выходящіе отъ Національнаго Собранія". Въ январѣ 1790 года около шести тысячъ національ-гардовъ принесли федеральную присягу въ Бретани; 7го марта была федерація гардистовъ и гарнизона въ Элиналѣ. То же повторялось во множествѣ другихъ мѣстъ. 30го мая въ Ліонѣ до полутораста тысячъ человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ принесли гражданскую присягу предъ громадною искусственною скалой на которой воздвигнутъ былъ „храмъ согласія" и поставлена колоссальная статуя Свободы. За мѣсяцъ до Парижской федераціи была въ Страсбургѣ федерація Рейнскаго департамента. Праздникъ начался богослуженіемъ которое совершалось на „алтарѣ отечества" послѣдовательно католическимъ священникомъ, лютеранскимъ ласторомъ и реформатскимъ ласторомъ, каждымъ по обряду своего исповѣданія; а чрезъ три дня послѣ праздника, на алтарѣ отечества, въ присутствіи всей арміи, были крещены ребенокъ католическій и ребенокъ протестантскій. Послѣ церемоніи священникъ и ласторъ бросились въ объятія одинъ другому и горячо разцѣловались.

Въ другихъ мѣстахъ вѣнчались на алтарѣ отечества. Пасторъ присутствовалъ на почетномъ мѣстѣ при католическомъ богослуженіи, священникъ при протестантскомъ. Религія мирилась съ философіей, и въ Мандрѣ, въ Изерскомъ департаментѣ, священникъ съ церковной каѳедры произнесъ восторженное похвальное слово Жанъ-Жаку Руссо.

Вызываемыя отчасти страстію Французовъ къ публичнымъ демонстраціямъ, празднества федераціи имѣли впрочемъ и дѣйствительно важное значеніе. Есть черта рѣзко отдѣляющая французское революціонное движеніе отъ попытокъ нашихъ доморощенныхъ революціонеровъ. Черта эта спасла Францію въ критическое время ея существованія. Черта эта патріотизмъ. Революціонный французскій кличъ былъ къ единству Франціи. Кличъ этотъ: *отечество*, *la patrie*, то-есть единое и могущественное политическое тѣло. Движеніе поднималось во имя правъ *человѣка* вообще, должно казалось бы имѣть космополитическій характеръ, но на дѣлѣ оно было тѣсно французскимъ. Для каждаго Француза внѣ спора стояло что его страна первая и самая образованная нація въ мірѣ. Что въ ней совершается, то совершается въ человѣчествѣ. Революціонное движеніе стерло еще значительныя при старомъ порядкѣ мѣстныя особенности разныхъ провинцій. На школьномъ праздникѣ (la Fête des Ecoles), въ залѣ Трокадеро, 13го іюля нынѣшняго года (наканунѣ празднества 14го іюля), г. Рамбо, профессоръ въ Нанси, исправляющій должность директора департамента министерства просвѣщенія (chef du cabinet du ministre), такъ говорилъ въ своей рѣчи о значеніи федераціи въ эпоху революціи: „На сѣверѣ еще были Фламандцы, на югѣ Испанцы, Бретонцы въ Бретани; въ пограничныхъ мѣстностяхъ говорили на иностранныхъ языкахъ, и когда изъ этихъ провинцій отправлялись къ центру говорили: ѣду во Францію. Сдѣлать изъ всѣхъ этихъ соперничающихъ Францій, часто враждебныхъ между собою по преданіямъ и воспоминаніямъ, единую Францію, соединенную на свѣтлый и черный день, нераздѣльную, неразрушимую, вотъ въ чемъ дѣло федераціи. Онѣ, по выраженію Анри Мартена, въ его рѣчи къ Сенату, раскрыли для Франціи ея собственную душу.“

Пріятель. Если и не праздниками создается единство, во всякомъ случаѣ нельзя дѣйствительно не признать что

федераціи были знаменіемъ значительной патріотической закваски въ странѣ.

Авторъ. Патріотизмъ можетъ вывести страну и изъ революціонной бури. Революція исключающая патріотизмъ можетъ принести только гибель. А именно такова обѣщаемая намъ русская революція. Эта русская революція есть попросту русское разложеніе. Мы присутствовали при одномъ ея актѣ. О чемъ была забота въ эпоху смуты ознаменованной польскимъ возстаніемъ 1863 года, такъ привѣтствованномъ нашими революціонерами, какъ не о раздробленіи Россіи, искорененіи русскаго патріотизма и всяческомъ противодѣйствіи національной политикѣ? Русская революція по существу своему можетъ быть только *центробѣжною*, затѣваетъ ли она разбить всю страну на мелкія независимыя волости или задается болѣе близкимъ вопросомъ о всеоружіи правъ и конституціонномъ устройствѣ страны.

Пріятель. Не отстать же было Парижу отъ провинцій. Надо было устроить что-нибудь грандіозное. Починъ приняла на себя Парижская Община. Особому комитету было поручено озаботиться надлежащими приготовленіями, и былъ составленъ „адресъ гражданъ Парижа ко всѣмъ Французамъ“. 5 іюня делутація Общины была представлена Парижскимъ меромъ Бальйи Собранію. Въ прочитанномъ предъ Собраніемъ адресѣ говорилось между прочимъ:

„Протекло только десять мѣсяцевъ съ той достопамятной эпохи когда со стѣнъ завоеванной Бастиліи пронесся внезапный крикъ: *Французы! мы свободны!* пусть въ тотъ же день нынѣ раздастся крикъ еще болѣе трогательный: *Французы, мы братья!*

„Да, мы братья, мы свободны, мы имѣемъ отечество; слишкомъ долго согбенные подъ ярмомъ, мы снова принимаемъ положеніе народа сознающаго свое достоинство.

„Мы не Бретонцы, не Анжуйцы, сказали наши братья въ Бретани и Анжу. Какъ они, говоримъ и мы: „мы болѣе не Парижане, мы всѣ Французы“.

„Вы клялись соединиться неразрывными узами святаго братства, защищать до послѣдняго издыханія конституцію государства, декреты Національнаго Собранія и законный авторитетъ нашихъ королей. Какъ вы и мы принесли эту возвышенную присягу. Сдѣлаемъ,—пришло къ тому время,—изъ этихъ федерацій общую конфедерацію.

„Какъ прекрасенъ будетъ этотъ день союза Французовъ! Народъ братьевъ, возродители государства, и король-гражданинъ, соединенные общею клятвой, предъ алтаремъ отечества,

какое величественное и невиданное доныне зрѣлище для прочихъ націй!

„14 іюля мы завоевали свободу, и 14 же іюля мы принесемъ клятву ее охранять; пусть въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, общій единогласный кликъ раздастся во всѣхъ частяхъ страны: *Да здравствуютъ нація, законъ и король!* Пусть эти слова навсегда останутся соединительнымъ кликомъ друзей отечества, и ужасомъ его враговъ.“

Депутація просила чтобы Собраніе назначило число лицъ которыя должны быть присланы изъ департаментовъ для участія въ праздникѣ. Собраніе, одобривъ предложеніе города Парижа, поручило выработку подробностей призыва конституціонному комитету. Немедленно составленный въ коммиссіи проектъ былъ доложенъ въ засѣданіе 7 іюня. Докладчикомъ былъ епископъ Отэнскій.

Пріятель. Это знаменитый въ послѣдствіи Талейранъ, всегда принаравливавшійся къ обстоятельствамъ и въ эту эпоху являвшій собою либеральнѣйшаго изъ представителей высшаго духовенства. Не задолго предъ тѣмъ онъ не присоединился къ протесту епископовъ и нѣкоторыхъ членовъ Собранія по вопросу о признаніи католической религіи государственною или національною. Отэнскій капитулъ прислалъ къ нему по этому поводу укорительное письмо, гдѣ иронически высказываетъ что епископъ не присоединилъ своего имени къ подписавшимся для того чтобы сдѣлать заявленіе свое еще болѣе торжественнымъ, представивъ его отъ лица всего духовенства своей паствы, которое его о томъ и проситъ. Талейранъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ со свойственною ему сдержанностію тонко доказывалъ что собраніе признало католическую религію національною, дѣло было только въ редакціи, и протестъ части законодателей противъ принятаго декрета былъ совершенно несвоевременнымъ; отъ передачи заявленій отказался (*Монитеръ*. 1790, 11 іюня, № 162).

Авторъ. Въ проектѣ декрета значились три статьи. Въ первой указывался порядокъ выбора по округамъ національгардами своихъ представителей для участія въ торжествѣ федераціи, имѣющемъ произойти въ Парижѣ 14 іюля.

„II. Управленія округовъ, или гдѣ еще нѣтъ ихъ, муниципальные корпуса опредѣлятъ самымъ экономическимъ образомъ трату на означенную поѣздку, издержка коей имѣетъ власть на округъ.

„Ш. Почтительнѣйше просить короля дать необходимое приказаніе чтобы всѣ полки арміи назначили изъ среды своей по офицеру, унтеръ-офицеру и солдату для таковаго же участія въ федераціи.“

Послѣднее предложеніе о выборѣ депутатовъ полками, вызванное стремленіемъ все приводить къ выборамъ, встрѣтило сильное возраженіе въ депутатѣ де-Мюрине, указавшемъ что праздники могутъ въ такомъ случаѣ сдѣлаться источникомъ нарушеній дисциплины: полки не совѣщательныя собранія и не могутъ посылать депутатовъ. Вызваны должны быть старшіе по службѣ. Собраніе въ слѣдующемъ засѣданіи имѣло благоразуміе согласиться съ этимъ предложеніемъ.

Пріятель. Засѣданіе 7 іюня ознаменовалось выходкой Лафайета. Начальникъ Парижской національной гвардіи, онъ былъ въ эту эпоху на верху своей популярности. Распускали слухи что на празднествѣ 14 іюля онъ будетъ избранъ командиромъ всей національной гвардіи во Франціи и явится такимъ образомъ во главѣ значительной силы, которою можетъ де злоупотребить. Опасеніе было пустое, можетъ-быть даже нарочно распущенное приверженцами генерала чтобъ еще усилить его значеніе. Лафайетъ воспользовался случаемъ показать себя рыцаремъ революціи, какимъ желалъ постоянно являться въ глазахъ толпы. Онъ предложилъ собранію издать декретъ продписывавшій что никто не можетъ быть начальникомъ національной гвардіи болѣе какъ въ одномъ департаментѣ и даже округѣ. Это не помѣшало ему быть героемъ дня 14го іюля, стоять во главѣ прибывшихъ депутацій и принять командованіе на праздникѣ.

Авторъ. Лафайетъ на бѣлой лошади! Одна изъ замѣчательныхъ, типичныхъ фигуръ революціоннаго движенія. Не имѣю я къ нему большой симпатіи. Онъ былъ, представляется мнѣ, интриганъ и эгоистъ во глубинѣ, для котораго популярность была божествомъ, но умѣлъ всегда являться въ ореолѣ неподкупной чистоты реслубликанскихъ убѣжденій, умѣлъ даже сохранить до нѣкоторой степени ореолъ этотъ въ исторіи. Поступалъ всегда соображаясь не съ дѣломъ, а съ тѣмъ какъ бы установить свои отношенія къ дѣлу такими чтобы каждый долженъ былъ сказать: какой это честный человѣкъ. Въ сущности онъ поддѣлывался къ силѣ, но такъ чтобъ являться дѣйствующимъ изъ неподкупнаго убѣжденія. Въ мятежѣ 5го

и 6го октября 1789 года онъ допуститъ неистовства, выдастъ короля, но за то на балконѣ поцѣлуетъ руку королевы и вызоветъ рукоплесканія рыцарскимъ поступкомъ.

Пріятель. Аффектированная скромность не мѣшала ему выслушивать самыя льстивыя рѣчи въ родѣ произнесенной его адъютантомъ (*Monit.* № 38) въ августѣ 1789 на освященіи знаменъ, на которомъ онъ присутствовалъ съ женою и дѣтьми.

Авторъ. Мѣстомъ празднества 14 іюля 1790 года было назначено Марсово Поле, то самое гдѣ въ нынѣшнемъ году праздновался тотъ же день. Предположено было обратить Поле въ обширный циркъ, окруженный громаднымъ амфитеатромъ. Амфитеатръ рѣшено сдѣлать ступенями въ насыпи образованной землей снесенною со средины Поля. Издержка работъ высчитана городскимъ архитекторомъ въ 550.000 ливровъ. Въ городѣ ходили слухи что издержки будутъ простираться до шести милліоновъ ливровъ. Архитекторъ счелъ нужнымъ опровергнуть этотъ слухъ въ *Монитерѣ*. Мѣстъ опредѣлено въ амфитеатрѣ на 160.000 сидящихъ и 100.000 стоящихъ. Въ срединѣ устраивалась арена для помѣщенія 50.000 военныхъ участниковъ федераціи.

На сторонѣ зданій Военной Школы устроена была обширная крытая, украшенная голубою драпировкой съ золотомъ галлерея, въ срединѣ которой былъ особый павильйонъ для помѣщенія короля. Въ павильйонѣ стоялъ тронъ и рядомъ съ трономъ кресло для президента Національнаго Собранія. Позади трона особая трибуна для королевскаго семейства. По срединѣ цирка возвышался *алтарь отечества* на эстрадѣ въ 25 футовъ вышины, къ нему восходили по четыремъ лѣстницамъ оканчивавшимся каждая платформою. На платформахъ были поставлены античныя курильницы. Чрезъ Сену былъ перекинутъ барочный мостъ, который велъ къ тріумфальной аркѣ при входѣ на Марсово Поле. Въ аркѣ трое воротъ. На фасадѣ арки и по бокамъ эстрады гдѣ помѣщался алтарь отечества были многочисленныя надписи въ родѣ: „Только отечество и законъ могутъ вложить въ наши руки оружіе, умремъ для ихъ защиты, будемъ жить чтобъ ихъ любить“; „не будемъ болѣе страшиться васъ, мелкіе тираны, угнетавшіе насъ подъ разными наименованіями“; „дорожите свободой, вы обладаете ею теперь“ и т. д.

Пріятель. Заслуживаетъ вниманія надпись на сѣверномъ фасадѣ эстрады: „Нація, законъ, король. Нація—это вы, *за-*

конъ — опять вы, ваша воля; король — стражъ закона". Такъ передана надпись въ *Монитеръ*; нѣкоторые историки, приводя надписи, выкидываютъ выраженіе *опять вы*, вѣроятно, для приличія (напримѣръ, *Mémoires pour servir à la vie du général Lafayette*, par Regnault-Warin, 1824, стр. 142).

Авторъ. На сторонѣ эстрады обращенной къ Сенѣ красовалось изображеніе Свободы съ атрибутами изобилія и земледѣлія, на противоположной сторонѣ геній парящій въ воздухѣ и надпись *конституція*.

Во время приготовительныхъ работъ случился любопытный эпизодъ, сдѣлавшій хожденіе для работъ на Марсовомъ Полѣ модною прогулкой Парижанъ. *Монитеръ* отъ 8 іюля такъ описываетъ событіе.

„На прошлой недѣлѣ одинъ изъ распорядителей работами на Марсовомъ Полѣ предложилъ рабочимъ продлить занятія долѣе семи часовъ вечера. Рабочіе отказались съ неудовольствіемъ, хотя имъ было предложено увеличеніе платы. Такъ какъ чрезвычайно важно чтобъ эти работы были окончены къ назначенному сроку, граждане всѣхъ званій и всѣхъ возрастовъ предложили свои услуги чтобы продолжать работы. Усердіе съ какимъ эти добрые патріоты работаютъ заступомъ, лопатой и тачкой достойны удивленія. Вчера число ихъ было несмѣтно, и они выказывали живое нетерпѣніе смѣнить трудящихся за плату. Когда грянулъ выстрѣлъ изъ пушки возвѣщающій конецъ рабочаго дня, раздались общія рукоплесканія. Тотчасъ граждане набросились на инструменты, и работы продолжались съ такою дѣятельностью и съ такимъ умѣньемъ что зрители въ числѣ болѣе ста тысячъ громко выражали свое сочувствіе. Распространившійся слухъ что работы на Марсовомъ Полѣ не будутъ окончены къ сроку возбуждалъ общее рвеніе. Не можетъ быть ничего трогательнѣе какъ усердіе этихъ работниковъ послѣдняго часа. Сегодня граждане направляются туда толпами, дѣти слѣдуютъ за родителями и родными. Вотъ нѣжная женщина работаетъ рядомъ со здоровеннымъ лоденщикомъ; вотъ колаетъ землю заступомъ національ-гардъ, пока другой національ-гардъ лопатой накладываетъ эту землю на тачку, которую сейчасъ ловезетъ на себѣ священникъ. Ночью работы продолжаются при свѣтѣ фонарей которые дѣти держатъ предъ рабочими. Среди этихъ кучъ земли долженствующихъ образовать амфитеатръ вокругъ арены федераціи, каждый съ величайшею радостью выбивается изъ силъ, и никто не почитаетъ себя утомленнымъ. Враги республики, свободы, равенства, не ходите на это зрѣлище! или нѣтъ, лучше идите чтобъ убѣдиться какъ мужество патріотизма усугубляетъ силы истинныхъ гражданъ и можетъ-быть при видѣ его вы сами станете таковыми. Рвеніе этихъ безплатныхъ тружениковъ

такъ велико что его принуждены сдерживать; число ихъ безконечно, и въ самый проливной дождь работы продолжались безостановочно. Иностранцы изумляются и спрашиваютъ себя: что это за нація? какая энергія! какой патріотизмъ! Это ли представленіе имѣли мы о французскомъ народѣ по невѣрнымъ описаніямъ?“

Пріѣзжалъ на работы и Лафайетъ со штабомъ; былъ и король въ сопровожденіи дофина. Изъ подгородныхъ мѣстъ приходили поселяне съ мерами и священниками. Корпораціи городскихъ ремесленниковъ являлись имѣя во главѣ музыкантовъ или барабанщиковъ; у каждой было знамя съ надписью: *для отечества ничто мнѣ не трудно! жить свободнымъ или умереть!* Появился и красный якобинскій колпакъ. Нѣкоторыя группы являлись неся его на шестѣ. Въ *Монитерѣ* помѣщались трогательныя описанія въ родѣ слѣдующаго „письма къ издателю“:

„Милостивый государь,—Въ воскресенье я прогуливался съ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ порицателей революціи. Наши споры по этому поводу не только не вразумляли его, но еще болѣе раздражали. Приходимъ на Марсово Поле. Граждане всѣхъ классовъ съ горячностью трудились надъ приготовленіями къ трогательной церемоніи, которой предстоитъ сдѣлать изъ великаго народа великое семейство. „Вотъ, говорю я, взгляните! ужели это рвеніе не доказываетъ вамъ на чьей сторонѣ истина?“ Въ это время женщины молодыя, прекрасныя, нѣжныя, нарядно одѣтыя проходили мимо насъ, толкая тачки полныя земли... Мой товарищъ вглядывается въ нихъ, черты его лица проясняются, слезы текутъ изъ его глазъ. Онъ бросается на тачку, я дѣлаю то же. Послѣ нѣкотораго молчанія: „А! говоритъ онъ, вотъ первая минута сча„стія во весь этотъ годъ! Прочь безумная гордость! клянусь, „и я хочу принадлежать этой большой семьѣ.“ О, восхитительный полъ! эта побѣда есть ваше дѣло... Пусть ваше рвеніе просвѣтитъ, умягчитъ, увлечетъ тѣхъ изъ Французовъ которымъ самолюбіе внушаетъ опасные замыслы и возвратитъ ихъ въ нѣдра братьевъ сожалѣющихъ ихъ и любящихъ.“

Пріятель. И школьный міръ не остался внѣ общаго потока. Въ коллежѣ Лудовика Великаго (нынѣ Licée Louis le Grand) послѣ рекреаціи когда зазвонили къ ученью...

Авторъ. Кстати. Во Франціи до революціи къ классамъ призывали звонкомъ, а затѣмъ звонокъ былъ замѣненъ барабаномъ. Такъ было при Наполеонѣ I. Послѣ реставраціи звонокъ возстановленъ. Во вторую имперію опять били въ барабанъ; не знаю какъ теперь.

Пріятель... Ученики бросились толпою по лѣстницѣ для экстерновъ съ криками „au Champ Mars“. Надзиратели вынуждены были послѣдовать за ними. Школьники по пути заходили въ другія заведенія, увлекая учащихся. Кортежъ направляется на Марсово Поле и школьники смѣшиваются съ работавшими. Директоръ лицеи (principal) ждетъ между тѣмъ въ безпокойствѣ. Становится темно. Послѣ десяти часовъ компанія наконецъ вернулась, голодная, усталая, одежда въ безпорядкѣ; большіе несли маленькихъ на рукахъ. Примѣръ въ слѣдующіе дни нашелъ подражаніе и въ другихъ школахъ. Въ Наваррскомъ коллежѣ (Collège de Navarre) ученики были задержаны годичнымъ сочиненіемъ, опоздали и въ маломъ лишь числѣ явились на Марсово Поле. Это произвело цѣлое возмущеніе въ школьномъ мірѣ. Въ тотъ же вечеръ ученики разныхъ заведеній съ лопатами и шпагами въ рукахъ (armés de pelles et d'épées) направились къ Наварскому коллежу, съ криками требовали директора, ругая его и обвиняя въ аристократизмѣ. На другой день въ околоточное управленіе мѣстности являлись уполномоченные отъ разныхъ учебныхъ заведеній округа съ заявленіемъ что считаютъ и учениковъ и начальство Наваррскаго коллежа добрыми гражданами.

Въ коллежѣ Св. Варвары (Sainte Barbe) инспекторъ классовъ г. Николь (Nicolle) хотѣлъ было наказать учениковъ отправившихся, несмотря на запрещеніе, на Марсово Поле. Произошло школьное волненіе. Ученики другой школы подбивали Барбистовъ „подвергнуть ихъ тирана позорящему наказанію“. Чтобъ усмирить возстаніе вынуждены были четырехъ воспитанниковъ исключить. Но волненіе все продолжалось, и чтобъ умиротворить воспитанниковъ директоръ уговорилъ ретиваго инспектора выйти въ оставку. *

Авторъ. Когда на всѣхъ путяхъ водворяется анархія и всюду гдѣ должна проявляться власть никто во власть не вѣритъ и сама она въ себя не вѣритъ, нечего удивляться паденію и школьной дисциплины. Тѣмъ не менѣе вопросъ о роли школы въ революціи заслуживаетъ большаго вниманія. Замѣчательно что школа во французской революціи далеко не игра-

* Есть весьма основательныя исторіи Парижскихъ коллежей: Quicherat—*Hist. du Coll. Sainte-Barbe;* Emond—*Hist. du Coll. Louis le Grand;* Chapotin *Hist. du Coll. Dormans-Beauvoir.*

етъ той роли какую готовы дать ей ждущіе нашего революціоннаго движенія. Извѣстно что на школу возлагаются у насъ всѣ надежды таковыхъ; овладѣть школой ими справедливо считается главною цѣлью. У историковъ французской революціи вы не встрѣтите ничего о вліяніи школьнаго воспитанія на разныхъ его ступеняхъ на революціонное направленіе умовъ поколѣнія произведшаго революцію. Тамъ главнѣйшее вліяніе принадлежало литературѣ, и вопервыхъ, въ произведеніяхъ философскаго и политическаго содержанія доступныхъ „свѣтскимъ людямъ“, gens du monde, и затѣмъ въ ея журнальномъ элементѣ, получившемъ въ революціонную эпоху чрезвычайное развитіе, — газетахъ, брошюрахъ и т. п. Политическое легкомысліе, въ изящныхъ формахъ съ тонкостями ума играющаго серіознымъ содержаніемъ, выходило главнымъ образомъ изъ салоновъ высшаго круга и какъ мода распространялось въ странѣ. Честолюбіе интеллигентнаго, но не привилегированнаго класса дѣлало игру опасною.

О положеніи науки и ученыхъ въ эпоху революціи есть любопытная книжка знаменитаго ученаго Біо, изданная въ 1803 году, подъ заглавіемъ *Essai sur l'histoire générale des sciences pendant la révolution française*, par J. B. Biot.

„Когда началась революція, читаемъ тамъ, всѣ умы обратились къ политикѣ. Науки были внезапно оставлены; онѣ не могли имѣть никакого вѣса въ начавшейся борьбѣ, занимавшей всѣ головы. Скоро совсѣмъ забыли о ихъ существованіи. Свобода сдѣлалась темой всѣхъ писаній и рѣчей. Казалось одни ораторы могутъ ей служить, и эта ошибка была отчасти причиной нашихъ золъ. Большинство ученыхъ остались простыми зрителями подготовляемыхъ событій; ни одинъ открыто не выступилъ противъ революціи, нѣкоторые приняли ея сторону. Именно тѣ кого волновали обширные взгляды и кто видѣли въ общественномъ обновленіи средство приложить и осуществить свои теоріи. Они хотѣли господствовать надъ революціей и были увлечены ею. Но тогда еще были полны надежды.... Общее броженіе, порожденное революціей, простерлось и на учебный міръ. Набатъ раздался и въ этихъ тихихъ убѣжищахъ; каждую минуту мятежныя шайки изъ женщинъ, дѣтей, людей всякаго званія, нарушали ученье и принуждали юношество становиться подъ ихъ грязныя знамена, являя ему зрѣлище всякаго рода неистовствъ.... Коллежи

опустѣли, бо́льшая часть закрылись. Пустота грозившая наступить въ дѣлѣ общественнаго образованія, съ пагубными послѣдствіями долженствовавшими отъ того произойти, поразила Учредительное Собраніе. Оно опредѣлило что преподаваніе не должно ни на минуту быть прервано и просило короля повелѣть возобновить ученье въ коллежахъ какъ всегда. Но было уже поздно. Толчокъ былъ данъ. Никто не въ силахъ былъ его остановить. Повсюду ученье или прекратилось или тянулось кое-какъ. Скоро стали считать его безполезнымъ.

„Среди общаго потрясенія, паденіе университетовъ прошло незамѣченнымъ. Но вліяніе этого событія на воспитывающееся поколѣніе отъ того не сдѣлалось менѣе чувствительнымъ. Нынѣшнее устройство общества основано на прогрессѣ цивилизаціи. Общее образованіе одна изъ его основъ. Причиняя ему ущербъ, разрываемъ часть пружинъ движущихъ общественное тѣло. Зло въ началѣ нечувствительно, жизнь не разрушена, но поражены органы воспроизведенія. Когда новое поколѣніе современемъ вступитъ въ политическую систему, люди окажутся малыми и слабыми; государство, которое они не въ силахъ поддержать, опустится въ ихъ рукахъ. Да охранятъ возстановительныя мѣры страну нашу отъ этой печальной участи!“

Сколько правды въ этихъ словахъ, и какъ должны были бы и мы ихъ памятовать!

РАЗГОВОРЪ ШЕСТОЙ.

Авторъ. Въ прочитанныхъ нами вчера въ сборникѣ Бюшеса и Ру (*Hist. parl. de la Révol.* par Buchez et Roux, VI, Paris, 1834) газетныхъ описаніяхъ работъ и празднествъ на Марсовомъ Полѣ, одинъ эпизодъ напомнилъ мнѣ какъ во всѣ времена одинаковъ пріемъ въ безсовѣстной части журналистики для развращенія молодежи. Пріемъ этотъ лесть. Школьная молодежь, повторяю, не была фокусомъ на который направлялось дѣйствіе, но по временамъ и ее не забывали. Крайнія республиканскія газеты не особенно привѣтствовали празднество 14 іюля. Такъ или иначе, это былъ праздникъ согласія, а таковое желательно не было. Въ журналѣ Камиля Демулена, *Révolutions de France et de Brabant*, говорится впро-

чемъ о работахъ на Марсовомъ Полѣ. „Народу“ конечно подносится лесть, растворенная сожалѣніемъ. „Какъ обманываютъ эту націю, восклицаетъ журналистъ, какъ заблуждается этотъ превосходный народъ думающій что онъ свободенъ! Но прекрасно быть обманутымъ, прекрасно судить о своихъ представителяхъ, министрахъ, судьяхъ по своей собственной добродѣтели и неподкупности!“ Затѣмъ лесть обращается къ молодежи, подбиваемой въ желательномъ направленіи. Разказывается трогательная исторія.

„Мальчикъ изъ одного лансіона въ Венсеннѣ тоже работалъ; его спрашиваютъ: нравится ли ему этотъ трудъ? и онъ отвѣчаетъ: *пока могу предложить отечеству только мой потъ, но отдаю его съ великимъ удовольствіемъ.* Вотъ поколѣніе которое обѣщаетъ намъ лучшее законодательное сословіе и лучшіе клубы нежели въ 1789 году... Я замѣтилъ между дѣтьми—дѣти всегда друзья равенства—что ни одинъ изъ нихъ не прокричалъ: „да здравствуетъ король“, не прокричавъ прежде девяносто девять разъ: „да здравствуетъ нація“, т.-е. уже охрипши и когда голосъ уже не былъ достаточно звученъ чтобы славить французскій народъ...“

Пріятель. Къ анекдоту о краснорѣчивомъ ребенкѣ присоединяется анекдотъ о довѣрчивомъ молодомъ человѣкѣ. „Является молодой человѣкъ, сбрасываетъ съ себя верхнее платье, кидаетъ на него двое своихъ часовъ, беретъ застулъ и удаляется съ нимъ на мѣсто работы.—Но ваши часы? кричатъ ему.—О! можно ли подозрѣвать братьевъ!—И часы на лескѣ и на щебнѣ остаются такъ же неприкосновенными какъ делутатъ въ Національномъ Собраніи.“

Авторъ. Въ дни ликованій была и оборотная сторона. Распускались тревожные слухи побуждавшіе многихъ выѣзжать изъ Парижа. Утверждали что во всю недѣлю федераціи ни одинъ возъ съ провизіей не будетъ пропущенъ на рынокъ, толковали будто подъ зданіемъ Военной Школы и подъ всѣмъ Марсовымъ Полемъ сдѣланъ обширный подкопъ и будетъ взрывъ. Меръ города Парижа, Бальйи, получалъ угрожающія анонимныя письма. По настоянію Лафайета, отъ городскаго управленія была издана успокоительная прокламація, гдѣ было между прочимъ сказано: „Пусть предающіеся страху удаляются: значитъ они этого хотятъ; пусть бѣгутъ праздника свободы подъ предлогомъ химерической опасно-

сти; но друзья революціи да останутся. Пусть подумаютъ что такого дня дважды не увидимъ."

Пріятель. И Собраніе заботилось о предстоящемъ торжествѣ. За нѣсколько дней до праздника въ засѣданіи 9го іюля, въ Собраніи обсуждался церемоніалъ принесенія присяги. Конституціонный комитетъ представилъ проектъ декрета изъ слѣдующихъ четырехъ статей:

Статья I. Король благоволитъ принять на себя начальствованіе надъ національными гвардейцами и войсками имѣющими прибыть на общую конфедерацію 14 іюля, и назначить офицеровъ для командованія его именемъ и по его приказаніямъ.

Статья II. Во всѣхъ публичныхъ церемоніяхъ предсѣдатель Національнаго Собранія будетъ занимать мѣсто помѣщаясь непосредственно рядомъ съ королемъ по правую сторону. Депутаты будутъ помѣщаться частію по лѣвую сторону отъ короля и частію по правую отъ предсѣдателя.

Статья III. Послѣ того какъ принесутъ присягу депутаты отъ національной гвардіи и другихъ частей войскъ королевства, предсѣдатель Національнаго Собранія повторитъ присягу принесенную имъ минувшаго 4го февраля, послѣ чего каждый изъ членовъ Собранія, стоя, и съ поднятою рукой, произнесетъ: *клянусь*.

Статья IV. Затѣмъ принесетъ присягу король, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я, первый гражданинъ и король Французовъ, клянусь націи употреблять всю власть ввѣренную мнѣ конституціоннымъ закономъ государства, на соблюденіе конституціи установленной Національнымъ Собраніемъ и мною принятой, и блюсти за исполненіемъ законовъ."

Авторъ. Эти подробности церемоніала имѣли важное значеніе какъ указаніе на новое положеніе королевской власти во Франціи. И по новой конституціи Франція оставалась монархіей, но Собраніе ревниво заботилось не дать королю какого-либо шага предъ собою и стремилось поставить его въ положеніе перваго чиновника государства, исполнителя декретовъ Націи, имѣющей Собраніе истиннымъ органомъ своихъ велѣній. Роялисты, которыхъ было еще довольно въ Собраніи и для которыхъ идея монархіи являлась еще въ прежнемъ обаяніи, не могли не видѣть въ новомъ положеніи какое давалось королю великое униженіе королевской власти. Въ настоящемъ случаѣ наибольшее впечатлѣніе произвело порученіе королю,—естественному вождю военныхъ силъ страны, признанному такимъ и конституціей,—началь-

ствованія надъ собранными представителями арміи и національной гвардіи, особымъ декретомъ Собранія. Въ рядахъ монархистовъ послышался ропотъ. Когда же водворилось молчаніе, аббатъ Мори потребовалъ слова.

Онъ сказалъ: „Какъ ни опасно высказывать свое мнѣніе въ конституціонныхъ вопросахъ, столь щекотливыхъ по своей сущности и еще болѣе щекотливыхъ по обстоятельствамъ, и которые невозможно было вполнѣ и строго обдумать, я полагаю что достоинство представителя французскаго народа требуетъ отъ него сообщенія Собранію размышленій внушенныхъ ему хотя бы и бѣглымъ прочтеніемъ декрета подобной важности. Въ природѣ нашего правленія и особенно нашихъ сердецъ лежитъ основаніемъ убѣжденіе что Франція есть монархія: главный же принципъ монархіи состоитъ въ томъ что вождь государства есть единственный распорядитель общественной силы. Еслибы во Франціи явилась вооруженная сила независимая отъ короля, Франція перестала бы быть монархіей. Поэтому меня чувствительно огорчило когда я услышалъ сдѣланное вамъ комитетомъ конституціи предложеніе просить короля принять командованіе надъ войсками и національною гвардіей. Подобное предложеніе показалось мнѣ несовмѣстнымъ съ величіемъ короля Французовъ. Фактомъ этого предложенія какъ будто дается понять что было бы возможно, подъ глазами короля, предложить другому гражданину принять командованіе надъ 50 или 60 тысячами людей. Въ минуту когда бы такое полномочіе состоялось, у насъ было бы два короля, какъ въ Спартѣ. Это политическое манихейство, двуначаліе, опрокинуло бы монархію. Поэтому, въ исправленіи статьи I я требую чтобы Собраніе объявило что всѣ войска собранныя на Марсовомъ Полѣ не будутъ имѣть иного вождя, кромѣ верховнаго вождя націи, объявленнаго конституціей верховнымъ вождемъ арміи.“

Аббату Мори, съ увертками, отвѣчалъ адвокатъ Барнавъ. „Я полагаю, сказалъ онъ, какъ и говорившій прежде меня, что никто кромѣ короля не можетъ быть главою федераціи, но раздѣляю мнѣніе комитета конституціи что король долженъ быть признанъ таковымъ особымъ актомъ законодательнаго корпуса имъ утвержденнымъ. Первая тому причина въ томъ что нѣтъ никакого отношенія между этимъ качествомъ главы

конфедераціи и качествомъ главы исполнительной власти; это одинъ изъ тѣхъ актовъ которые имѣютъ мѣсто только въ моментъ когда конституція составляется и слѣдовательно не могли быть ею предусмотрѣны.“ „Это одинъ изъ тѣхъ актовъ когда всѣ власти восходятъ къ своему источнику, и когда власть націи есть единственная могущая предписывать законы и правила. Значитъ рѣшеніе, кому предоставить начальствованіе, подлежитъ верховенству властей (à la souveraineté des pouvoirs). Слѣдовательно необходимъ спеціальный актъ. Вы признали декретомъ что король непосредственный глава арміи; но конституція еще не объявила что онъ непосредственный глава національной гвардіи. (*Поднимается ропотъ.*) Я не говорю что король не долженъ быть главою конфедераціи, я говорю что нельзя въ настоящую минуту признать его таковымъ вслѣдствіе несуществованія декрета и что необходимъ предварительный декретъ.“

Аргументація Барнава вызвала горячее возраженіе со стороны молодаго Казалеса (Cazalès). „Не безъ удивленія услышалъ я, произнесъ онъ, что верховный глава исполнительной власти, что правитель націи, что король, власть котораго предшествовала вашей... (*Сильный ропотъ: раздаются требованія чтобы ораторъ былъ призванъ къ порядку*). Я не понимаю такой немилости къ словамъ столь простымъ и правдивымъ. Повторяю, не безъ удивленія услышалъ я что верховный глава исполнительной власти, что правитель націи, что король, чья власть предшествовала вашей.... (*опять ропотъ*) Конечно, я не хочу этимъ сказать что власть короля предшествовала власти націи, отъ которой истекаетъ всякая власть; но я сказалъ, и это несомнѣнная истина, что власть короля предшествовала власти представителей націи; онъ далъ вамъ движеніе и жизнь, безъ него вы бы не существовали: и потому, говорю я, непостижимо чтобы вашъ король, тотъ кто васъ создалъ, наслѣдственный представитель французскаго народа, нуждался въ декретѣ отъ васъ чтобы быть верховнымъ главою военныхъ силъ королевства! Трудно представить себѣ монархію гдѣ король не былъ бы главою арміи; онъ глава ея по закону королевства, а не по вашему произволенію, онъ глава ея по волѣ націи, а вы не нація; онъ глава ея по праву короны, какъ наслѣдственный вождь страны; онъ глава ея по нашей конституціи, потому что вы приняли вер-

ховное указаніе націи выразившей свою волю чтобы онъ былъ признаваемъ таковымъ."

Пріятель. Достойно вниманія что и Казалесъ, съ рыцарскою отвагаю отстаивавшій монархію, о верховенствѣ націи не рѣшается говорить иначе какъ о политической аксіомѣ.

Авторъ. Другой пунктъ возбудившій возраженія былъ пропускъ въ декретѣ какого-либо упоминанія о мѣстѣ для королевскаго семейства. „Я принимаю, сказалъ аббатъ Мори, что предсѣдатель Національнаго Собранія долженъ помѣщаться по правую сторону короля непосредственно, а депутаты по правую и по лѣвую предсѣдателя и короля, который конечно не можетъ имѣть болѣе благороднаго кортежа. Но въ монархіи наслѣдственной, гдѣ по конституціонному принципу королевская власть должна переходить преемственно въ мужскомъ потомствѣ по праву первородства, не подобаетъ ли питать особое почтеніе къ принцамъ могущимъ наслѣдовать корону? Не слѣдуетъ ли удѣлить почетное мѣсто принцамъ крови которые будутъ сопутствовать его величеству? *(Слышенъ ропотъ.)* Я очень дурно выразился если изъ словъ моихъ заключаютъ что я требую посредника между королемъ и націей: его не можетъ быть.... Еслибы рѣчь шла о томъ чтобъ установить іерархію власти, я конечно сказалъ бы что ничто не стоитъ и не должно стоять между королемъ и націей. Но рѣчь о томъ чтобы почтить націю и короля воздаяніемъ почтенія семейству короля, рѣчь идетъ о церемоніи на которую король явится не для проявленія своей власти. Онъ въ первый разъ будетъ находиться въ нѣдрахъ своего великаго семейства. Къ ощущеніямъ которыхъ онъ будетъ исполненъ присоедините отраду быть въ средѣ и своей собственной семьи, которая есть также семья государства. Патріотизмъ призываетъ насъ преисполнить душу нашего короля тѣми чудными волненіями которыя онъ самъ такъ способенъ внушать. Умножимъ его радость и утѣшенія; не будемъ отдѣлять его отъ сына, отъ подруги, въ минуту когда онъ будетъ ощущать такое высокое благо и приметъ на себя столько обязательствъ. Великодушные представители народа, свободнаго народа прославившагося любовью къ своимъ королямъ! не подражайте тѣмъ деспотамъ Востока которые содержатъ въ заключеніи свое семейство, которые наслѣдника трона подвергаютъ

рабству, и выпускаютъ изъ заключенія лишь наканунѣ того дня когда ему предстоитъ превратиться въ самаго неограниченнаго деспота. Тронъ объявленъ наслѣдственнымъ, это основное правило государства, и нація не можетъ достаточно оказать почета тѣмъ кто имѣютъ на него права; преизбыткомъ почтенія вы можете только наградить короля за возстановленіе націи во всѣхъ ея правахъ. Вы не захотите чтобы въ этотъ, на вѣки памятный день, изъ всѣхъ присутствующихъ только королевское семейство чувствовало себя неудовлетвореннымъ въ своихъ желаніяхъ."

Собраніе въ заключеніе приняло первую статью въ редакціи коммиссіи безъ измѣненія; ко второй прибавлены были слова: „къ его величеству обратятся съ просьбой отдать приказаніе чтобы королевское семейство было помѣщено приличнымъ образомъ." Третья принята безъ возраженій. Въ четвертой вылущены слова *первый гражданинъ*.

Около 10 іюля депутаты изъ провинцій собрались уже въ Парижѣ. Въ этотъ день Лафайетъ избранъ былъ стать во главѣ всей депутаціи отъ національной гвардіи во Франціи. Въ сопровожденіи представителей депутаціи онъ явился съ адресомъ въ Собраніе и затѣмъ къ королю. Адресъ къ Собранію значительно полнѣе и знаменательнѣе адреса къ королю. Вотъ изъ него отрывокъ:

„Нація пожелавъ стать свободною, вамъ поручила дать ей конституцію... Да, милостивые государи, вы познали нужды и желанія Французовъ когда *разрушили* готическое зданіе нашего правительства и нашихъ законовъ, лощадивъ лишь монархическій принцилъ, и внимательная Европа узнала что добрый король можетъ быть опорой свободнаго народа, какъ онъ былъ утѣшителемъ народа угнетеннаго. Окончите ваше дѣло!...

„Пусть торжество этого дня будетъ сигналомъ примиренія партій, забвенія неудовольствій, мира и общественнаго благополучія! И не бойтись чтобы сей святой энтузіазмъ увлекъ насъ за предѣлы предписываемые общественнымъ порядкомъ. Подъ покровомъ закона знамя свободы никогда не сдѣлается знаменемъ своеволія. Клянемся честью свободныхъ людей: Французы не даютъ тщетныхъ обѣщаній."

Гораздо короче, со значительно меньшею торжественностію составленъ адресъ королю. „Въ потокѣ памятныхъ событій, возвратившихъ намъ неотъемлемыя права, когда энер-

гія народа и добродѣтели короля дали другимъ народамъ и ихъ вождямъ такіе великіе примѣры, намъ пріятно почтить въ вашемъ величествѣ прикраснѣйшій изъ всѣхъ титуловъ— титулъ главы Французовъ и короля свободнаго народа.... Французскіе національ-гарды клянутся вашему величеству въ повиновеніи, которое не знаетъ другихъ границъ кромѣ закона, и въ любви, которая кончится лишь съ нашею жизнію."

Король отвѣчалъ: „Передайте вашимъ согражданамъ то что я хотѣлъ бы сказать имъ всѣмъ какъ скажу вамъ. Передайте что ихъ король есть ихъ отецъ, братъ, другъ, что онъ можетъ быть счастливъ только ихъ счастіемъ, великъ только ихъ славой, могущественъ только ихъ свободою, страждетъ только ихъ несчастіями."

Наступилъ день празднества. Въ изданіи *Mémoires pour servir à la vie du gen. Lafayette* въ числѣ *pièces justificatives* помѣщено описаніе этого дня сдѣланное очевидцемъ, членомъ Національнаго Собранія, и весьма живо рисующее событія праздника, которому сильно мѣшалъ проливной дождь. Не будетъ, думаю, лишнимъ привести это описаніе вполнѣ. Оно весьма характеристично и по изложенію, и по мыслямъ, и переноситъ насъ въ эту странную эпоху сбитыхъ мыслей и раздраженной чувствительности. Описаніе составлено въ формѣ письма къ пріятелю.

„Какое обязательство я принялъ на себя! Я обѣщалъ написать тебѣ тотчасъ послѣ окончанія праздника который столица дала націи. Но знаешь ли ты въ какомъ положеніи я былъ послѣ этого великолѣпнаго торжества? Я умиралъ отъ голода и холода, я падалъ отъ изнеможенія.

„Великія впечатлѣнія воспринятыя мною, какъ всегда бываетъ, еще болѣе меня подавили и лишили меня силы, необходимой чтобы ихъ достойно передать.

„Около Національнаго Собранія назначено было собираться его членамъ, что и было ими исполнено около девяти часовъ. Полтора часа спустя, главнымъ начальникомъ парижской гвардіи г. де-Лафайетомъ былъ данъ сигналъ къ началію шествія. Для этого выбранъ былъ тотъ моментъ когда войска, тронувшіяся отъ городской ратуши, передовыми рядами приближались къ площади Людовика XIV, гдѣ должно было къ нимъ присоединиться Національное Собраніе. Г. де-Бонней, по своей рѣдкой способности къ предсѣдательству столь достойный стоять во главѣ Національнаго Собранія въ подобный день, вручилъ намъ распредѣленіе шествія.

„Выступивъ изъ залы нашихъ засѣданій, мы направились къ самой большой аллеѣ въ Тюилери. Мы должны были идти двумя линіями, по двое въ каждой, и слѣдовательно

всего по четыре въ рядъ, что̀ очень затруднилось слѣдующимъ обстоятельствомъ: нѣсколько дней шелъ дождь; сегодня, въ день—столь достойный самой великолѣпной погоды, дождь лилъ ливнемъ. Еще не установившись для шествія, еще не сдѣлавъ ни шагу, представители націи были всѣ мокрые; однимъ зонтикомъ часто прикрывались трое и четверо,—слѣдовательно никто. Мы были буквально въ водѣ, было отъ чего прійти въ отчаяніе: но мы поступили лучше; когда на душѣ радостно, все легко обращается въ радость: рѣшились смѣяться надъ своимъ злополучіемъ.

„На всемъ протяженіи дороги мы встрѣтили то же настроеніе въ рядахъ зрителей стоявшихъ шпалерами съ обѣихъ сторонъ; они насквозь промокли и лѣли. Въ Куръ-ла-Ренъ нельзя сказать гдѣ больше было любопытныхъ: подъ деревьями или на деревьяхъ.

„Около моста Pont-Tournant, насъ привѣтствовалъ Лафайетъ; возлѣ этого генерала, такъ прекрасно оправдывающаго надежды которыя подавала его первая юность, мы видѣли цѣлый баталіонъ героевъ не выше ихъ сабель и ихъ гренадерскихъ шапокъ; это двѣнадцати и тринадцатилѣтніе солдаты; ихъ баталіонъ носилъ названіе *Надежды Отечества*. Недалеко отъ нихъ стоялъ баталіонъ ветерановъ. Такимъ образомъ, мы переходили отъ сладкаго волненія къ волненію глубокому, и можно было однимъ взглядомъ окинуть конецъ жизни и ея начало, посвѣщенные отечеству.

„Ты знаешь, мой другъ, сколько разъ мы были тронуты до слезъ, восхищаясь въ Плутархѣ картинами которыя, быть-можетъ, служили образцомъ и для этой, но которыя донынѣ можно было встрѣтить только въ исторіи древности; ты увидишь сколь правдоподобною сдѣлали мы эту исторію древнихъ.

„Отъ конца Куръ-ла-Ренъ до заставы Конферансъ на одной сторонѣ, какъ тебѣ извѣстно, всюду дома: вообрази что мы почти ни одного не видали; они всѣ сверху до низу были скрыты подъ любопытными, которые, такъ-сказать, выпирались изъ оконъ. Крыши всѣ были покрыты людьми.

„Очень широкій и очень прочный мостъ былъ въ нѣсколько дней установленъ на баркахъ противъ Марсова Поля,—постройка его была совершена такъ скоро что казалась волшебствомъ. Переходя черезъ этотъ мостъ, мы имѣли предъ глазами тріумфальную арку, съ тремя большими проходами подъ ней. Барельефы, надписи этой тріумфальной арки, гласили не о лобѣдахъ и кровавыхъ битвахъ, но о свободѣ, о конституціи, о правахъ народа.

„Когда мы прошли подъ этими сводами арки, мы казалось вступили въ иной міръ, а не на знакомое намъ Поле. Вообрази себѣ огромное пространство окруженное земляным возвышеніемъ, на которомъ въ тридцать рядовъ были поставлены скамейки, между ними тамъ и самъ оставлены проходы для свободнаго движенія и выхода.

„Напротивъ тріумфальной арки и на противоположной око-

нечности Марсова Поля, возвышалась крытая галлерея изящнаго рисунка; въ серединѣ ея и приблизительно на половинѣ ея высоты, являлся глазамъ тронъ короля Французовъ, тронъ Лудовика XVI; направо и налѣво отъ трона поднимались ряды скамеекъ предназначенные, верхніе для представителей народа, прочіе—членамъ муниципалитета, избирателямъ Парижа и чрезвычайнымъ депутатамъ всего королевства.

„Надъ тропомъ, въ самой возвышенной части галлереи, было устроено особое помѣщеніе для королевы, дофина, королевской фамиліи и ихъ свиты. Посреди Марсова Поля, казавшагося еще несравненно обширнѣе, съ тѣхъ поръ какъ столько предметовъ дѣлали эту обширность еще замѣтнѣе, возвышался алтарь отечества. Съ четырехъ сторонъ его спускались отлогіе скаты по своей ширинѣ какъ будто предназначенныя для шествія цѣлаго народа. На ступеняхъ ихъ были разсѣяны священники, одѣтые всѣ въ бѣломъ и въ этомъ одѣяніи напоминавшіе воображенію левитовъ и гіерофантовъ.

„Когда это зрѣлище предстало глазамъ Національнаго Собранія, ступени алтаря были покрыты національ-гардами подъ ружьемъ, и мирные служители религіи, предъ алтаремъ, самымъ возвышеннымъ быть-можетъ изо всѣхъ когда-либо воздвигнутыхъ человѣкомъ, казалось стояли на этой высотѣ уже не для того чтобы возвыситься надъ остальными смертными, но чтобы быть ближе къ небу.

„Дождь въ это время пошелъ еще сильнѣе, зрители на террасахъ раскрыли свои зонтики и надъ ихъ головами образовалась какъ бы разноцвѣтная крыша. Но вскорѣ дождь пересталъ, зонтики сложены и глазамъ является болѣе ста тысячъ зрителей.

„Внутри цирка, на своихъ мѣстахъ уже строились рядами прибывавшіе національ-гарды.

„Скамейки нижней части галлереи уже были заняты лицами которымъ предназначались; въ помѣщеніи для королевской фамиліи еще были видны только нѣсколько министровъ его величества и нѣсколько особъ его свиты.

„Когда мы помѣстились на своихъ мѣстахъ, пришлось ждать еще болѣе трехъ часовъ прежде нежели всѣ федераты собрались, и прежде нежели были принесены на Марсово Поле всѣ знамена отъ департаментовъ.

„Дождь былъ точно въ заговорѣ противъ праздника, ливень возобновлялся поминутно, словно нарочно чтобъ опечалить всѣхъ; но это ему не удалось: въ самый разгаръ проливнаго дождя нѣкоторые изъ федератовъ взялись за руки и начали танцовать образуя кругъ; они нашли подражателей; круги соединялись, раздѣлялись, ихъ было то больше, то меньше; воздухъ огласился кликами радости и лѣснями; видны были только солдаты и гренадеры бѣгущіе и прыгающіе держа другъ друга за руку; никогда не было зрѣлища болѣе пріятнаго и въ то же время болѣе внушительнаго какъ видъ этой арміи,

которая за нѣсколько минутъ до того какъ ей предстояло присягнуть что она, когда понадобится, прольетъ всю свою кровь до послѣдней капли за свободу, танцовала вокругъ алтаря отечества подъ глазами своихъ законодателей.

„Другое чувство, которое эти солдаты націи проявляли каждую минуту, было нетерпѣніе увидать короля: было мгновеніе когда тронъ прикрыли чтобъ обезопасить его отъ дождя. При этомъ движеніи, о которомъ нельзя было судить на далекомъ разстояніи, тысячи голосовъ огласили воздухъ кликомъ: *да здравствуетъ король!* и тысячи рукъ и сабель поднялись кверху, влекомые неудержимымъ порывомъ радости.

„Присутствіе королевы вызвало тѣ же восторги; и они еще удвоились когда нѣсколько разъ поднявъ на рукахъ своихъ юнаго наслѣдника трона, она словно призывала на него любовь и священное чувство націи. Въ этихъ неумолкавшихъ кликахъ, наполнявшихъ все обширное пространство, слышно было волненіе которымъ переполнены были груди этихъ представителей защитниковъ націи столь же крѣпкой, сколь доблестной. Въ этомъ случаѣ ты увидалъ бы, мой другъ, то чему душа твоя должна вѣрить, что величіе никогда не можетъ быть болѣе могущественнымъ и особенно болѣе священнымъ какъ когда оно оза рено нѣжными чувствами природы.

„Когда показался монархъ и сѣлъ на свой тронъ, не скрываемый болѣе въ глубинѣ дворца, ты увидѣлъ бы какъ со всѣхъ концовъ Марсова Поля сбѣжались національ-гарды и солдаты, ты увидѣлъ бы ихъ тѣснящимися толпами вокругъ стуленей галлереи, почти спрятанными другъ за другомъ, изъ всего тѣла выказывавшими только лицо на которомъ выражалось все ихъ душевное волненіе. Гдѣ эти низкіе рабы, гдѣ эти обманщики которые заставляли королей бояться свободы народа какъ разрушительницы монархіи? Какой король когда воспринялъ выраженія болѣе искренней и нѣжной любви? Какой тронъ когда-либо слышалъ болѣе высокія, болѣе блестящія привѣтствія? Видѣлъ ли когда Лудовикъ XIV въ своихъ азіятскихъ галлереяхъ или въ унылыхъ садахъ Версаля свой тронъ почтеннымъ такимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ?

„Когда всѣ знамена были собраны, ихъ всѣ обнесли вокругъ алтаря для благословенія во имя Всевышняго Существа. Да! нѣтъ сомнѣнія, благословеніе неба должно низойти на знамена народа поистинѣ доблестнаго, и который въ своихъ законахъ далъ обѣщаніе никогда не пятнать себя преступною славой завоеваній. Послѣ благословенія департаменты пронесли свои знамена мимо его величества, и тогда изъ этихъ гражданъ-воиновъ образовались два ряда, изъ коихъ одинъ съ одного конца касался стуленей трона, съ другаго стуленей алтаря.

„Г. де-Лафайетъ, которому и делегатами Національнаго Собранія и королемъ было ввѣрено соблюденіе порядка въ этотъ великій день, появился между этихъ двухъ рядовъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ галлереи, сойдя съ своего бѣлаго коня,

приблизился къ трону его величества чтобы принять его приказанія. Не знаю, кажется Тацитъ сказалъ насчетъ Агриколы что ничто не можетъ придать столько блеска трону какъ видъ склоненнаго предъ нимъ чела человѣка гордаго и благороднаго, который, не старый годами, уже считаетъ въ своемъ прошедшемъ тріумфы. Я не увѣренъ что это сказалъ Тацитъ, но я это почувствовалъ сегодня.

„Обѣдню служилъ епископъ Отёнскій, и только священнослужитель какъ онъ чувствующій что Господь не желаетъ обожанія рабовъ могъ отслужить подобную обѣдню. Есть случаи когда таинства которымъ всегда должно вѣрить кажутся менѣе сверхестественными: сегодня, напримѣръ, присутствуя при этой литургіи какъ-то сердечнѣе вѣрилось что Господь низшелъ на сей алтарь, вокругъ котораго нація счастливая клянется исполнять непрестанно самую священную изъ обязанностей.

„Ты знаешь, мой другъ, формулу клятвы федератовъ, клятву представителей націи, клятву короля Французовъ; всѣ онѣ были произнесены съ глазами переполненными слезъ, и эти слезы тоже залогъ что онѣ не будутъ тщетными!

„Наконецъ, другъ мой, что тебѣ еще сказать? Не думаю чтобы когда-либо на землѣ было болѣе прекрасное зрѣлище, и столько душъ были въ одно время объяты одною и тою же, столь великою радостью.“

Пріятель. Любопытное описаніе! Какъ характерна эта кадриль цѣлой арміи, отплясывающей подъ проливнымъ дождемъ. Подобныя явленія французской веселости бывали и на провинціальныхъ федераціяхъ. Въ Турѣ, передаетъ Тэнъ (II, 289), основываясь на документахъ Національнаго архива, во время празднованія федераціи подъ вечеръ „офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты бросились въ разсыпную по улицамъ, одни съ саблею въ рукахъ, другіе устраивая танцы, крича: да здравствуетъ король, да здравствуетъ нація, бросая шляпы вверхъ, принуждая танцовать всякаго кого встрѣчали на пути. Проходилъ спокойно каѳедральный каноникъ, на него нахлобучили гренадерскую шапку и увлекли въ кадриль; за нимъ двухъ монаховъ. Обнимаютъ, отпускаютъ. Ѣдутъ кареты мера и маркизы Монтозье: влѣзаютъ внутрь, садятся на козла, вспрыгиваютъ на запятки, заставляютъ кучеровъ такимъ парадомъ ѣхать по главнымъ улицамъ. Никто впрочемъ не былъ обиженъ или оскорбленъ; хотя почти всѣ были пьяны“. Обычны были также упоминаемые въ описаніи баталіоны дѣтей и ветерановъ. Въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ, особенно на югѣ, бывали батальйоны дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, въ фантастическомъ военномъ одѣяніи съ обнаженными шпагами въ рукахъ.

Увеселенія въ Парижѣ продолжались нѣсколько дней. Были публичные балы на Хлѣбномъ рынкѣ, на площади Бастиліи, гдѣ была выставлена надпись: „здѣсь танцуютъ“.

Авторъ. Въ прочтенномъ описаніи нѣтъ подробностей о произнесеніи присяги. Лафайетъ произнесъ свою у алтаря отечества, возложивъ на него конецъ своей шпаги, при громѣ пушекъ и военной музыки. Король присягнулъ съ своего мѣста. Въ толпѣ слышались восклицанія: „къ алтарю“. Между освященными знаменами было одно наименованное *орифламмою*.

Послѣ праздника поднялся вопросъ о ней въ Національномъ Собраніи, спрашивалось куда ее поставить. Аббатъ Мори объяснилъ историческое значеніе этого знамени. Это бѣлое священное знамя старыхъ королей, хранившееся въ храмѣ. Начиная съ Лудовика Толстаго и до Карла VII короли не выступали въ походъ не поднявъ орифламму. Знамя которое, подъ именемъ орифламмы, освящалось на праздникѣ 14 іюля не было это историческое знамя. То было новое знамя, на одной сторонѣ котораго написано было слово *конституція*, а на другой *французская армія*. Предсѣдатель Собранія и многіе члены полагали что оно должно быть отнесено къ королю. Предсѣдателю это казалось такъ естественнымъ что онъ сдѣлалъ было даже соотвѣтствующее распоряженіе. Собраніе, примѣняясь къ желанію Парижскаго муниципалитета, рѣшило что знамя будетъ повѣшено подъ сводами залы Собранія.

РАЗГОВОРЪ СЕДЬМОЙ.

Пріятель. Какъ отнеслась къ празднику 14 іюля революціонная журналистика, полною рукой сѣявшая общественный раздоръ и старавшаяся возбудить ненависть противъ всего представлявшаго хотя бы подобіе власти, противъ короля, противъ Собранія, противъ Лафайета и Бальйи? Прочтемъ нѣсколько отрывковъ. Они дадутъ объ этомъ понятіе.

Въ журналѣ *Révolutions de Paris*, издателемъ котораго былъ

Прюдомъ, а главнымъ редакторомъ Лустало, читаемъ: * „День взятія Бастиліи никогда не будетъ имѣть себѣ равнаго въ исторіи Французской націи. Самоотверженіе, мужество, горячность, увлеченіе всѣхъ гражданъ, ихъ согласіе, ихъ совершенное равенство, уваженіе всѣхъ правъ, народная справедливость, порядокъ въ нѣдрахъ безпорядка, веселость въ нѣдрахъ тревоги и повсюду величіе, геній народа разбивающаго свои цѣпи и возвращающаго свои права. Вотъ чѣмъ характеризуется этотъ восхитительный день. Достойно ли послѣднее 14 іюля быть названо годовщиной такого дня? Можетъ-быть было бы достойно еслибы не было этихъ разныхъ *обожаній*...

„Народъ идолопоклонный, который въ нашемъ праздникѣ видитъ только г. де-Лафайета, потомъ короля, а самого себя не видитъ; депутаты которые танцуютъ чтобы не чувствовать дождя; другіе на улицѣ закалывающіе собакъ своими шпагами; Французы принимающіе бѣлое знамя, терпящіе бѣлое знамя на тронѣ; король который на охотѣ можетъ выносить самые проливные дожди и не участвуетъ въ шествіи среди вооруженнаго народа, потому что идетъ дождь; который не беретъ труда пройти отъ трона до алтаря чтобы принести присягу и этимъ удовлетворить народъ платящій ему ежегодно 25 милліоновъ, не взирая на свою крайнюю нищету; науки, искусства, ремесла, гражданское мужество, добродѣтели,—не почтенныя, не награжденныя въ этотъ великій день; побѣдители Бастиліи забытые, и ни слова, ни единаго слова почтенія памяти тѣхъ кто въ этотъ день погибъ подъ стѣнами этой ужасной крѣпости; президентомъ Національнаго Собранія—царедворецъ (Бонней), дозволяющій другому царедворцу презрѣнное и мелкое удовольствіе стать предъ нимъ и скрыть его отъ глазъ публики.... тысяча маленькихъ хитростей чтобы возбудить подобострастные возгласы и заставить забыть Націю въ ту минуту когда она была все: вотъ нынѣшній праздникъ.

„Депутаты департаментовъ отправились вечеромъ прохлаждаться въ Мюэту (à la Muette), гдѣ чуть не былъ задушенъ подъ поцѣлуями г. де-Лафайетъ, потомъ они пошли подъ окна Тюилери кричать: *да здравствуетъ король! Да здравствуетъ королева* кричали меньше. Между тѣмъ на льеде-

* Выписки изъ революціонныхъ газетъ находятся въ *Histoire parlementaire de la Révolution Française*, par Buchez et Roux, Paris, 1834, т. VI, 387 и слѣд.

сталахъ статуй въ Тюилери, были всюду приклеены печатные листы, просившіе, умолявшіе о милости къ ней федератовъ: „Французы, гласили они, что̀ стало съ нами? Ужели мы потерпимъ чтобы королева, прекраснѣйшее украшеніе Франціи, не участвовала въ готовящемся праздникѣ? ужели мы допустимъ чтобы клеветы распространяемыя противъ этой добродѣтельной женщины продолжали насъ осклѣплять?“... Въ четвергъ, 15го числа, громко выразилось общее неудовольствіе тому что король не пошелъ къ алтарю.... Въ эти дни *равенства* соблюдалось отличіе между народомъ въ мундирахъ и народомъ безъ мундировъ.... На смотру 18го числа, какъ и послѣ присяги, они цѣловали руки, ляшки, сапоги Лафайета. Будь въ этотъ день назначены какіе-нибудь выборы, можно было бы опасаться чтобы народное сумасбродство не оказало его лошади тѣхъ же почестей которыя нѣкогда Калигула воздалъ своему коню.... Рабы, да, рабы въ мундирахъ различныхъ департаментовъ собрались подъ окнами покоевъ королевы чтобы пѣть лѣснь, и въ концѣ каждаго куплета намѣренно протяжно кричали: *да здравствуетъ королева!* Да, конечно, *да здравствуетъ королева!* Но ужь если это былъ великій день примиренія и всепрощенія, не слѣдовало ли уже то же кричать: *да здравствуютъ Полиньяки! да здравствуетъ красная книга! да здравствуетъ Тріанонъ! да здравствуетъ Бретэль! да здравствуетъ Ламберъ! да здравствуютъ покровители заговора противъ Парижа! да здравствуютъ авторы проекта увезти короля въ Мецъ! да здравствуетъ письмо о двадцати пяти милліонахъ!* Предательское равнодушіе выказанное нашими общественными дѣятелями къ побѣдителямъ Бастиліи доказало ясно что гражданскіе и военные начальники города Парижа не принимали никакого участія въ днѣ 14 іюля 1789.“

Вотъ какъ говоритъ въ свою очередь Маратъ въ своей газетѣ, *L'Ami du Peuple*: „Я не буду распространяться въ описаніи этихъ празднествъ; это былъ бы потерянный трудъ... Что администраторы города въ родѣ Бальйи и всѣ мошенники распоряжающіеся большими дѣлами мечтаютъ только о благоденствіи и счастіи, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: они утопаютъ въ роскоши; но чтобы послѣ оскудѣнія мануфактуръ и промышленности, послѣ остановки всѣхъ работъ, послѣ прекращенія платежей по общественнымъ рентамъ, послѣ семимѣсячнаго голода, хватило наглости говорить объ этомъ

разоренному народу, несчастнымъ умирающимъ съ голоду— для этого конечно нуженъ мѣдный лобъ."

Авторъ. Бѣдный Бальи! Никому такъ не улыбнулись какъ ему первые дни революціи, вызвавшіе его изъ кабинета научныхъ занятій въ шумное собраніе и затѣмъ въ думу и на площадь. Въ послѣдствіи онъ жизнію заплатилъ за эти дни, когда революція представлялась ему пышнымъ шествіемъ къ утвержденію свободы во Франціи. Популярный какъ ученый авторъ докладовъ Академіи Наукъ по важнымъ общественнымъ вопросамъ (особенно по вопросу о госпиталяхъ) онъ вступилъ въ собраніе государственныхъ чиновъ депутатомъ отъ Парижа; популярность его быстро возрасла благодаря его дѣятельности какъ предсѣдателя собранія, который выше всего ставилъ достоинство предводимаго имъ корпуса, а затѣмъ какъ мера Парижа. Но не надолго. Скоро общій безпорядокъ, дѣлавшій невозможною всякую правильную мѣру, и журнальныя клеветы отравили его существованіе. Какъ меръ Парижа онъ имѣлъ въ распоряженіи значительныя суммы. Это дало обильную пищу клеветѣ. Маратъ выступилъ его злѣйшимъ врагомъ и каждый почти день твердилъ въ газетѣ: „Пусть Бальи дастъ отчетъ." Вотъ на выдержку грязное обвиненіе брошенное Маратомъ въ Бальи во время празднества федераціи: „Парижскій меръ, виновный въ тысячи покушеніяхъ противъ общественной свободы, сильнѣйше заподозрѣнный въ стачкѣ съ мошенниками, хотѣвшими подкупить честность одного представителя націи и склонить его къ покровительству спекуляціи въ три съ половиною милліона ливровъ; меръ подвергшійся доносу муниципалитета, котораго честь онъ компрометтировалъ въ этомъ позорномъ дѣлѣ, этотъ недостойный сановникъ не только не наказанъ, но служитъ предметомъ похвалы и лести." Бальи былъ склоненъ ко внѣшней представительности. Онъ одѣлъ прислугу въ городскую ливрею. Но зачѣмъ ливрея была слишкомъ яркаго цвѣта? И это ставилось ему въ преступленіе. Каково было на самомъ дѣлѣ корыстолюбіе Бальи можно заключить изъ того что въ своемъ званіи мера онъ истратилъ болѣе двухъ третей и того состоянія какое самъ имѣлъ, а послѣ роковой развязки его политической карьеры, вдова его осталась въ положеніи близкомъ къ нищетѣ. Помощь впрочемъ пришла. Послѣ разогнанія собранія Наполеономъ, 18 брюмера, разказываетъ Араго, „уличные глашатаи 21 брюмера

возвѣщали всюду, и даже на улицѣ Сурдьеръ (гдѣ жила вдова Бальйи), что генералъ Бонапартъ консулъ, а Лапласъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Это имя столь извѣстное почтенной вдовѣ достигло даже до комнаты гдѣ она жила и произвело нѣкоторое волненіе. Въ тотъ же вечеръ новый министръ испросилъ пенсіонъ въ двѣ тысячи франковъ вдовѣ Бальйи"...

Можетъ ли что-нибудь мерзостнѣе журнальнаго пера которымъ сознательно водитъ клевета, и какое между тѣмъ это употребительное и, надо признаться, сильное оружіе!

Пріятель. *(Продолжая чтеніе выдержки изъ Марата.)* „Среди этой общей нищеты, цѣлыхъ восемь дней, говорятъ, должны быть посвящены празднествамъ, пирамъ, играмъ и увеселеніямъ всякаго рода, а ночи иллюминаціямъ.

„Ужели хотятъ они ввести въ заблужденіе ложнымъ видомъ общественнаго благоденствія людей у которыхъ постоянно подъ глазами масса нищенствующихъ? Ужели надѣются они извинить свою скандалезную расточительность разглагольствомъ объ общественномъ благѣ?

„Надо было видѣть ольяненіе Французовъ во время приготовленій къ федеративному празднику, ихъ опасенія чтобы медленность въ работахъ не помѣшала ему, горячность съ которою они сами брались за трудъ, ихъ энтузіазмъ когда тронулось тріумфальное шествіе, чтобы составить себѣ понятіе не о любви ихъ къ отечеству, нѣтъ, но о ихъ бѣшеномъ пристрастіи къ зрѣлищамъ и новостямъ...

„Среди кликовъ восторга какое могло быть для націи болѣе унизительное зрѣлище какъ видѣть президента сената, представителя націи, на убогомъ стулѣ, и тутъ же короля, въ сущности только перваго слугу народа, на великолѣпномъ тронѣ, со всѣми внѣшними отличіями тріумфатора! Что̀ можетъ быть возмутительнѣе отказа короля принести присягу въ вѣрности націи на алтарѣ отечества!..."

Въ *Révolutions de France et de Brabant* Камиля Демулена сказано:

„Ежели бы я имѣлъ честь быть депутатомъ, я бы потребовалъ чтобы тронъ на которомъ такъ беззастѣнчиво возсѣдалъ г. Капетъ оставался пустымъ, на возвышенномъ мѣстѣ, какъ представитель народнаго верховенства; я хотѣлъ бы чтобы подъ нимъ обѣ власти помѣщались на сѣдалищахъ по крайней мѣрѣ равныхъ. Вся досада которую намъ причинили и наглость кресла власти исполнительной, и униженіе, пресмыканіе кресла законодательной власти, и отвратительный

видъ мундировъ гвардейцевъ, и униженные поклоны г. Мотье, и такъ-сказать бѣгство короля, у котораго ноги сейчасъ перестали болѣть когда дѣло дошло до желанія удрать, какъ только раздались крики: *къ алтарю!*—вся эта досада наша не помѣшала намъ замѣтить въ поведеніи нашихъ согражданъ множество чертъ дѣлающихъ имъ величайшую честь...

„Когда выстрѣлъ изъ пушки и звукъ барабановъ возвѣстили принесеніе присяги, Парижане, оставшіеся въ городѣ, мущины, женщины и дѣти, съ восторгомъ воздѣвали руки и восклицали: *да, клянусь!* Они счастливы что оставались въ городѣ: ихъ радость осталась чистою и безъ примѣси горечи. Они не слыхали криковъ, правда рѣдкихъ, стыдливыхъ, сдавленныхъ и тотчасъ заглушенныхъ: *Да здравствуетъ королева! Да здравствуютъ гвардейцы!* Имъ не кололи глаза ни наглость кресла исполнительной власти, ни униженіе націи, ни преступное сообщничество подлаго президента Боннея.“

Авторъ. Журналистикѣ принадлежитъ чрезвычайно важная роль въ ряду революціонныхъ силъ. И наиболѣе дѣйствія и значенія обнаруживала она именно въ описываемый нами періодъ революціоннаго движенія, могущественно содѣйствуя возбужденію общественной смуты. Другою силою были революціонные клубы и вообще всякія собранія гражданъ, немедленно получавшія политическій характеръ и всегда выходившія далеко за предѣлы своей компетенціи. Третья, невидимая, неуловимая сила, которую мы назвали невидимою рукой и которая проявляется подкупами, тайными соглашеніями, сманиваніями, заговорами, сила всюду усматриваемая, нигдѣ не находимая, дѣйствующая какъ дрожжи революціоннаго броженія и въ журналистикѣ, и въ клубахъ, и въ палатѣ и на улицѣ, не подлежитъ точному опредѣленію. Газеты революціонной эпохи были по большей части небольшаго формата дешевые листки. Они покрывали стѣны домовъ, читались на всѣхъ улицахъ, всѣми классами населенія. Зибель сравниваетъ ихъ съ мелкими демократическими газетами 1848 года какъ по таланту, такъ и характеру убѣжденій редакторовъ. Газета Лустало расходилась въ числѣ 200 тысячъ экземпляровъ. Нѣкоторыя газеты украшались политилажами, иногда отвратительными. Общій характеръ ихъ въ томъ чтобы бойкимъ перомъ возбуждать дурныя страсти, раздражая, забавляя, поблажая, обманывая, клевеща, обращаясь къ дурнымъ инстинктамъ человѣческой природы; въ то же время льстить нѣкоторому безличному „народу“, великодушному,

великому, могущему все сдѣлать что̀ захочетъ, и хлестать обличая все выдающееся, не останавливаясь предъ средствами, ежедневно луская въ ходъ завѣдомую ложь. Печать пользовалась полною свободой или точнѣе безграничною разнузданностью. Если это можно назвать полною свободой печати, то опытъ съ такою свободой былъ сдѣланъ, и къ сожалѣнію удаченъ не былъ. Старые строгіе законы фактически были упразднены. Новыхъ не было. Можно было совершенно безнаказанно писать что̀ угодно, какую угодно клевету, возбуждать къ мятежу и рѣзнѣ и производить впечатлѣніе дешевою дерзостью нападенія на все имѣющее хотя тѣнь авторитета. Два слова употреблялись въ особомъ значеніи и были въ почетѣ: *patriote*, *bon patriote* (въ родѣ какъ нынѣ у насъ въ нѣкоторой части журналистики въ почетѣ слово *честный* въ особомъ, спеціальномъ значеніи), и другое — *дѣлать доносъ*, *dénoncer*. Послѣднее слово у насъ не въ почетѣ, имѣетъ позорящее значеніе, но если замѣнить его словомъ *обличать*, будетъ нѣчто подходящее. Разнузданность находила громадное поощреніе въ дурныхъ инстинктахъ публики. Журналистика щекотала любовь къ скандалу, а для честолюбцевъ въ палатѣ и внѣ ея, имѣвшихъ въ виду проложить себѣ дорогу, была подручнымъ орудіемъ.

Каковы были разнузданность и безнаказанность можно судить по слѣдующему эпизоду. Послѣ брошюры подписанной именемъ Марата *C'en est fait de nous*, парижскія городскія власти взволновались. Камиллъ Демуленъ иронически описываетъ ихъ дѣйствія.

„Маратъ, которому, какъ мнѣ иной разъ кажется, отлично служатъ его *шпіоны*, если можно такъ назвать патріотовъ движимыхъ чистѣйшими побужденіями, разказываетъ что по прочтеніи *C'en est fait de nous* ужасъ изобразился на всѣхъ лицахъ въ меріи. Г. Бальйи сонъ потерялъ, г. Мотье шлетъ за г. Карлемъ. Г. Карль, ювелиръ, командиръ батальйона набережной des Orfèvres, такъ отличившійся 22 января при знаменитой блокадѣ дома Марата, при коей исполнялъ должность генералъ-майора. Извѣстно, ему недоставало только бомбъ и пловучихъ батарей чтобы сдѣлать осаду по формѣ въ родѣ осады Гибралтара. Г. Карль отправляется ко вдовѣ Мэнье, раздающей листки Марата. Было 9 часовъ вечера. Алгвазилы роются въ домѣ. Великое исканіе невидимаго Марата. Наполняютъ фіакры его листками. Въ полночь привозятъ вдову къ Бальйи. Тамъ допросъ до трехъ часовъ утра,

затѣмъ великая муниципальная консисторія, затѣмъ великій министерскій клубъ. Великія пренія въ управленіи. Какъ отдѣлаться отъ авторовъ, столь рѣшительныхъ патріотовъ. Рикетти старшій * предсѣдаетъ, онъ цѣдитъ, вѣситъ, просѣваетъ мнѣнія. Наконецъ рѣшаютъ. Малуэ явится съ доносомъ, Брэнвилль будетъ преслѣдовать, судъ Шателе разсудитъ."

Лустало въ свою очередь подымаетъ голосъ въ защиту „свободы печати". „Съ той поры, говоритъ онъ, какъ министерская партія господствуетъ въ Національномъ Собраніи, стараются разрушить мало по малу всѣ декреты обезпечивавшіе націи верховенство и каждому гражданину свободу личности, собственности, мнѣнія, и нарушить „объявленіе о правахъ человѣка", составляющее основаніе всѣхъ законовъ.... Съ 25 милліонами дохода и съ клубомъ 1789 годъ къ своимъ услугамъ чего не могутъ, чего не дерзнутъ предпринять министры посѣдѣвшіе въ интригахъ и фаворахъ стараго управленія. Но печать, печать бодрствуетъ! Она разоблачаетъ планы затѣваемые противъ общественнаго интереса, она въ лицо называетъ мерзавца который продался, мошенника который служитъ народу только чтобы выбраться изъ ничтожества, слабодушнаго, покидающаго права охрана которыхъ ему довѣрена. Печать проникаетъ въ тайны, печать устанавливаетъ соглашенія, опрокидываетъ *идоловъ*, единитъ умы и подбрасываетъ препятствія министерскимъ попыткамъ. Надо, значитъ, уничтожить свободу печати!"

Въ засѣданіи 31 іюля депутатъ Малуэ дѣйствительно попросилъ слова для обличенія журналистовъ. „Я имѣю сдѣлать важное обличеніе", сказалъ онъ. Многіе члены лѣвой стороны, зная въ чемъ дѣло, кричатъ: „обратитесь съ нимъ въ полицію". Требуютъ перехода къ очереднымъ дѣламъ. „Нѣтъ очереднаго дѣла болѣе настоятельнаго, восклицаетъ Малуэ. Я хочу сдѣлать вамъ извѣстными гнусные умыслы и призвать кару на тѣхъ кто ихъ измышляетъ. Я приведу васъ въ трепетъ, сказавъ вамъ что существуетъ заговоръ задержать короля, ввергнуть въ темницу королеву, королевское семейство и главныхъ сановниковъ, и предать смерти отъ пяти до шести сотъ человѣкъ. Да, на вашихъ глазахъ, у вашихъ дверей, злодѣи обдумываютъ и распространяютъ эти гнусности, возбуждаютъ народъ къ бѣшенству, къ пролитію крови, развращаютъ его нравы, нападаютъ на основы конституціи и свободы.

---

* Мирабо послѣ отмѣны титуловъ такъ именуемый и въ Собраніи.

Останутся ли равнодушны и глухи къ этому представители народа? Я изобличаю предъ вами гг. Марата и Камиля Демулена (*ропотъ и стѣхъ съ лѣвой стороны*). Я не смѣю полагать чтобъ изъ среды Національнаго Собранія раздавался смѣхъ когда я открываю преступленіе противъ общества."

Г. Малуэ читаетъ затѣмъ выдержки изъ листка *Другъ Народа*, подъ заглавіемъ *Мы пропали* (C'en est fait de nous!). Вотъ одинъ изъ параграфовъ.

„Граждане всѣхъ возрастовъ и всѣхъ положеній! мѣры принятыя Собраніемъ не помѣшаютъ вамъ погибнуть: вы безвозвратно пропали если не возьметесь за оружіе, и не обрѣтете въ себѣ ту геройскую доблесть которая 14 іюля и 5 октября дважды спасла Францію. Спѣшите въ Сенъ-Клу, пока есть время, приведите въ наши стѣны короля и дофина, стерегите ихъ бдительно, и пусть они будутъ вамъ порукой въ событіяхъ. Заприте Австріячку и шурина ея, чтобъ имъ нельзя было ковать свои заговоры, схватите и заключите въ оковы всѣхъ министровъ и чиновниковъ, держите подъ стражей главу муниципалитета, помощниковъ мера, генерала, генеральный штабъ; возьмите артиллерійскій паркъ въ улицѣ Вертъ, завладѣйте всѣми пороховыми заводами и магазинами, пусть будутъ розданы пушки по округамъ, пусть соберутся окружныя управленія въ постоянное засѣданіе, заставятъ отмѣнить пагубные декреты. Бѣгите, спѣшите, если еще не улущено время, или скоро увидите безчисленные враждебные легіоны которые ринутся на васъ, увидите какъ подымутся привилегированные классы, и деспотизмъ, ужасный деспотизмъ, возстанетъ болѣе подавляющій чѣмъ когда бы то ни было. Пяти, шести сотъ головъ достаточно чтобы закрѣпить ваше спокойствіе, вашу свободу, ваше счастіе; ложная гуманность удержала вашу руки и остановила ваши удары: она будетъ стоить милліоновъ жизней вашихъ братьевъ. Если ваши враги восторжествуютъ, кровь польется рѣкой, они зарѣжутъ васъ безъ милосердія, распорютъ животъ вашимъ женамъ, и чтобы навсегда погасить среди васъ любовь къ свободѣ, ихъ кровожадныя руки вырвутъ сердца изъ груди вашихъ дѣтей."

Обращаясь затѣмъ къ Камилю Демулену, „я не мщу, сказалъ Малуэ, за частное оскорбленіе. Послѣ года молчанія и презрѣнія я долженъ явиться мстителемъ за общество.

Прочтите послѣдній нумеръ *Революцій во Франціи и въ Брабантѣ*. Какъ тутъ сомнѣваться? Могутъ ли быть болѣе жестокіе враги конституціи какъ тѣ кто желаютъ низвести короля до предмета презрѣнія и посмѣшища, кто по поводу достопамятнаго празднества, гдѣ король со всѣхъ концовъ государства былъ привѣтствуемъ выраженіями любви и преданности, говорятъ намъ наглости о тронѣ или какъ они выражаются: *креслѣ исполнительной власти.*

„Національнымъ праздникомъ Камиль Демуленъ называетъ тріумфъ Павла Эмилія, на которомъ государь, съ руками связанными за спиной, въ униженіи, слѣдовалъ за колесницей тріумфатора; онъ пользуется этимъ историческимъ фактомъ для преступнаго намека на праздникъ федераціи... Прежде нежели изобличить предъ вами эти преступленія, я пытался возбудить бдительность министерства; замѣшательство сановника, почти признавшагося мнѣ въ безсиліи законовъ, удвоило мой ужасъ. Какъ, сказалъ я себѣ, если законы безсильны, то кто предупредитъ насъ о томъ какъ не сами судьи? Ихъ обязанность обратить вниманіе націи на угрожающія ей опасности; иначе пусть они завѣсятъ траурнымъ крепомъ свѣтилище правосудія, пусть скажутъ они намъ что законы безвластны и погибнутъ съ ними; ихъ обязанность пасть первыми подъ кинжалами тиранніи. Изобличить предъ вами опасность въ которой находится свобода и общественное дѣло,—будетъ шагомъ къ спасенію, будетъ вызовомъ къ наказанію преступленій; не потерпите чтобъ Европа насъ заклеймила позоромъ, повѣривъ что наши убѣжденія и наши права тождественны съ убѣжденіями и правами гг. Марата и Камиля Демуленъ. Они настоящіе враги общественнаго дѣла, а не тѣ кто страдаютъ отъ вашихъ реформъ. Человѣка страшно любящаго свободу возмущаетъ разнузданность своеволія, которому онъ предпочелъ бы всѣ ужасы деспотизма. Я требую чтобы королевскій прокуроръ при судѣ Шателе былъ призванъ сюда и получилъ приказъ преслѣдовать какъ преступниковъ противъ націи писателей призывающихъ народъ къ пролитію крови и неповиновенію законамъ. *(Въ части собранія раздаются аплодисменты, въ другой части слышится ропотъ.)*

Малуэ предложилъ слѣдующій проектъ декрета: „Національное Собраніе, въ виду сдѣланнаго однимъ изъ его членовъ доноса противъ статьи *Мы пропали* и противъ послѣдняго

нумера газеты *Революціи во Франціи и въ Брабантѣ*, издалъ декретъ о вызовѣ въ Собраніе королевскаго прокурора при Шателе, для предписанія ему преслѣдовать, какъ преступниковъ противъ націи, авторовъ, типографщиковъ и разносщиковъ статей призывающихъ народъ къ возстанію, къ пролитію крови и ниспроверженію конституціи."

Декретъ, увы! не имѣлъ никакихъ послѣдствій и былъ даже потомъ отмѣненъ.

Маратъ насмѣялся надъ Собраніемъ. „Я не умѣю пресмыкаться, писалъ онъ: впредь я не только не воздамъ никакого знака уваженія Собранію, но я буду относиться къ нему со справедливою строгостью; я не принесу ему никакой хвалы. Еслибы случайно изъ нѣдръ его возникъ хорошій декретъ, это будетъ только исполненіемъ долга; но я буду на стражѣ съ кнутомъ цензуры въ рукахъ при всякомъ его дурномъ декретѣ, а ихъ можетъ оказаться страшное число, потому что Собраніе поработили враги народа."

„Ничто, пишетъ Камиль Демуленъ, не насмѣшило меня такъ какъ это объявленіе Маратомъ войны Національному Собранію. Вотъ по истинѣ заблудшее чадо журналистовъ-патріотовъ. Право начинаю думать что у Марата есть кольцо Гигеса. Очевидно онъ увѣренъ что проведетъ всѣхъ шліоновъ старой полиціи и наблюдателей новой и проскочитъ чрезъ баталіонъ г. Карля, ибо отвѣчаетъ войной на войну и въ слѣдующемъ же нумерѣ обвиняетъ Собраніе въ государственной измѣнѣ."

Какой отвѣтственности можно было бояться когда на другой день засѣданія выдавшаго декретъ предложенный Малуэ, предсѣдатель прочелъ Собранію письмо отъ „побѣдителей Бастиліи", сообщавшихъ что они приглашаютъ писателей посвятившихъ себя защитѣ свободы, Камиля Демулена, Лустало, Карра и пр. и пр. присутствовать при богослуженіи для ломина души погибшихъ при осадѣ этой крѣпости. „Собраніе не получило даже особаго приглашенія. Мы узнаемъ о приглашеніи только изъ афишъ," сказалъ одинъ изъ членовъ. Боясь отказаться отъ участія въ ломинкахъ, но и не рѣшаясь послѣдовать такому приглашенію, Собраніе рѣшило само назначить „торжественное служеніе въ ламять павшихъ за свободу".

Камиль Демуленъ со своей стороны прислалъ въ Собраніе оправдательный адресъ. Адресъ былъ прочтенъ въ засѣданіи 2 августа.

„Я желалъ бы знать, спрашивалъ по поводу его Малуэ, какое правительство, какое варварское общество дозволило бы то что̀ запрещается вашимъ декретомъ? Если Камиль Демуленъ невиненъ, онъ оправдается. Или онъ виновенъ? Я буду обвинителемъ его и всякаго кто выступитъ его защитникомъ. Пусть оправдается если смѣетъ.“

Въ эту минуту въ одной изъ трибунъ раздается голосъ: *да, я смѣю.* Часть Собранія поднимается въ изумленіи; проносится слухъ что это сказалъ самъ Камиль Демуленъ; президентъ отдаетъ приказаніе арестовать лицо произнесшее эти слова.

Вкрадчиво выступаетъ Робеспьеръ. „Я полагаю, говоритъ онъ, что приказаніе отданное г. президентомъ было вызвано необходимостью; но слѣдуетъ ли смѣшивать необдуманность и неосторожность съ преступленіемъ? Онъ слышалъ какъ его обвиняли въ преступленіи противъ націи: въ такомъ случаѣ человѣку трудно удержаться. Нельзя предполагать въ немъ намѣреніе оскорбить Собраніе. Гуманность и справедливость говорятъ въ его пользу. Я требую чтобъ его оставили на свободѣ и чтобы Собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ.“

Предсѣдатель объявляетъ что Камиль Демуленъ исчезъ, и что его не могли арестовать.

Собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ...

Пріятель. Не безъ основанія писала Екатерина въ этомъ же 1790 году въ Парижъ: „Во Франціи теперь тысяча двѣсти законодателей, которыхъ не слушается никто кромѣ короля“.

Авторъ. Мы начали наши наброски описаніемъ свѣтлыхъ дней первой эпохи революціи, очередь за ея днями смятенія и ужаса.

Пріятель. Это отложимъ до другаго раза...

РАЗГОВОРЪ ВОСЬМОЙ.

Авторъ. Послѣ очерка празднествъ федераціи мы хотѣли коснуться дней революціоннаго смятенія. Полагаю нашей цѣли наиболѣе будетъ соотвѣтствовать описаніе волненій въ Парижѣ въ іюлѣ 1789 года, ознаменованныхъ взятіемъ Бастиліи и имѣвшихъ такое значительное вліяніе на ходъ революціонныхъ событій. Тутъ въ первый разъ во всей силѣ выступилъ неотразимый революціонный аргу-

ментъ—народный мятежъ. Это были первые изъ революціонныхъ *дней*. По выраженію Марата, въ 1789 году „народъ“ дважды спасъ Францію, въ іюлѣ и въ октябрѣ. Любопытно прослѣдить какъ свершались эти акты спасенія.

Пріятель. Взятіе Бастиліи любопытно еще и тѣмъ что событіе это не очень давнее, — ему не исполнилось и столѣтія и о немъ сохранилось не мало разказовъ, что̀ даетъ до нѣкоторой степени возможность прослѣдить какъ образуются историческія легенды. Народъ кое-какъ вооруженный беретъ въ нѣсколько часовъ неприступную крѣпость, окруженную стѣнами въ двадцать футовъ толщиной и рвами широкими какъ рѣки. Восторженный Мишле прямо видитъ въ этомъ чудо. „Нападеніе на Бастилію, восклицаетъ онъ, нисколько не было дѣломъ разумнымъ (ne fut nullement raisonable). Оно было дѣло вѣры... Кто имѣлъ эту вѣру? Тотъ кто имѣлъ также самоотверженіе и силу исполнить ея завѣтъ. Кто? Народъ, всѣ!“

Авторъ. Въ самомъ дѣлѣ, любопытно измѣрить разстояніе между былью и миѳомъ. Іюльскія волненія въ Парижѣ подоспѣли на помощь Національному Собранію въ критическія минуты его существованія. Собраніе только-что одержало свою первую побѣду надъ королемъ. Въ королевскомъ засѣданіи 23го іюня, о которомъ мы уже говорили,—только-что удалился король,—депутаты средняго сословія отказали ему въ повиновеніи и объявили что удерживаютъ въ своей силѣ декреты послѣднихъ дней іюня только-что кассированые королевскимъ заявленіемъ. Когда королю донесли что члены средняго сословія не хотятъ расходиться и сообщили, конечно, дерзкій вызовъ Мирабо, слабый Лудовикъ XVI сказалъ только: „Ну, если не хотятъ уходить, пусть остаются“. Значеніе Собранія, какъ одного цѣлаго, быстро возрасло. Почти все духовенство и значительное число членовъ дворянскаго сословія соединились со среднимъ сословіемъ въ общій законодательный корпусъ. Но побѣду требовалось поддержать. Собранію могла грозить значительная опасность. Безпокойное настроеніе массъ, случаи безпорядковъ въ голодающемъ Парижѣ и даже въ Версалѣ, подъ глазами короля и Собранія, дѣлали понятнымъ правительственныя распоряженія стягивавшія къ Парижу и Версалю военныя силы, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушали подозрѣніе Собранію. „Партія двора“, какъ она называлась, имѣла и обнаруживала замыслы болѣе впрочемъ хвастливые чѣмъ серіозные. „Мнѣ такъ навсегда и осталось

неизвѣстнымъ,—писалъ въ послѣдствіи въ своихъ запискахъ столь популярный въ то время министръ Неккеръ,—къ какой собственно цѣли тогда стремились (при дворѣ). Были какіе-то секреты и за секретами секреты (des secrets et des arrière-secrets), и я думаю что они и самому королю не были извѣстны. Полагали можетъ-быть, смотря по обстоятельствамъ, увлечь монарха къ мѣрамъ о которыхъ не осмѣливались ему говорить." Король въ отвѣтѣ своемъ депутаціи Собранія 11го іюля торжественно завѣрялъ что войска собираются въ Парижъ единственно въ видахъ сохраненія порядка и свободы занятій, Собранію же не грозитъ малѣйшей опасности, и указывалъ что только злонамѣренные люди могутъ заподазривать истинную цѣль принимаемыхъ мѣръ. „Мы имѣемъ довѣренность къ королю, но не имѣемъ довѣренности къ министрамъ", отвѣчалъ Мирабо, когда въ Собраніе были сообщены слова короля. Собраніе настаивало на удаленіи войскъ. Но въ тотъ же самый день какъ король далъ этотъ отвѣтъ Собранію, онъ, повинуясь давленію другой стороны, внезапно рѣшился на удаленіе Неккера. Удаленіе это послужило сигналомъ парижскихъ волненій.

Пріятель. Г. Рамбо въ рѣчи произнесенной на Школьномъ праздникѣ 13го іюля нынѣшняго года и выражающей взглядъ офиціальной Франціи нынѣшняго времени такъ говоритъ объ этомъ моментѣ въ исторіи Собранія. „Что сдѣлало въ виду такого государственнаго переворота Собраніе не имѣвшее ни одного человѣка для защиты его противъ сорока тысячъ королевскихъ солдатъ? Оно объявило что впавшій въ немилость министръ уноситъ съ собою его довѣренность. Сказавъ это, оно ждало что сдѣлаетъ народъ въ Парижѣ. Отвѣтъ не замедлилъ." Не думаю чтобы г. Рамбо хотѣлъ этимъ сказать что іюльское волненіе въ Парижѣ произошло не безъ участія и подстрекательства нѣкоторыхъ членовъ Собранія. Но едва ли не былъ бы онъ правъ еслибы дѣйствительно соединялъ со своими словами тотъ смыслъ какой можно въ нихъ прочитать если не считать ихъ только реторическою фигурой. Лицо которое первое сообщило въ саду Пале-Рояля, главномъ мѣстѣ политическихъ сборищъ того времени, что Неккеръ уволенъ, было Камиль Демуленъ. По разказу маркиза де-Феррьера (*Mémoires*, I, 99), подтверждаемому другими свидѣтельствами и свидѣтельствомъ самого Демулена, называвшаго себя творцомъ революціи, Камиль Демуленъ вско-

чилъ на столъ и воскликнулъ: „Граждане, нельзя терять ни минуты; я только-что вернулся изъ Версаля, Неккеръ удаленъ. Удаленіе это—набатъ Варѳоломеевской ночи для патріотовъ. Одно у насъ прибѣжище—взяться за оружіе.“ „На меня смотрятъ шпіоны, но живой не дамся въ руки“, прибавилъ онъ, вынимая пистолеты изъ кармана. Таковъ былъ первый сигналъ къ волненіямъ. А не забудемъ что Камиль Демуленъ, товарищъ Робеспьера по коллежу, съ самаго открытія Собранія, какъ видно изъ его писемъ къ отцу, постоянно сновалъ въ Версаль и былъ въ сношеніяхъ съ Мирабо и другими вліятельными делутатами и предлагалъ свое сотрудничество для журнала Мирабо.

Авторъ. Въ запискахъ Бальи есть любопытный намекъ. Описывая засѣданіе 8 іюля, когда Мирабо первый поднялъ вопросъ о собираемыхъ у Парижа и Версаля войскахъ и уломиная что Мирабо какъ бы пророчески грозилъ могущимъ отъ того произойти народнымъ волненіемъ, способнымъ возжечь общій пожаръ, прибавляетъ: „Мирабо могъ имѣть особыя свѣдѣнія направлявшія его духъ пророчества. Извѣстно его умѣніе волновать народъ. Можетъ и тутъ былъ онъ не безъ участія, какъ въ Провансѣ.“ Такой намекъ не даетъ еще, безъ сомнѣнія, повода утверждать что іюльскія волненія подстроены Мирабо и другими членами Собранія. Но со значительною вѣроятностью можно допустить что подъ рукой они къ нимъ вели и ихъ поощряли. У того же Бальи въ запискахъ подъ 12 іюля отмѣчено что въ тотъ день (это было воскресенье, засѣданія не было, и Бальи былъ въ своемъ домикѣ въ Шальйо близъ Парижа) одинъ изъ друзей его говорилъ ему что въ Пале-Роялѣ ходятъ слухи что Бальи сдѣлается городскимъ головой. Это исполнилось только 16 іюля, послѣ взятія Бастиліи и поѣздки въ Парижъ короля, а уже кѣмъ-то было рѣшено заранѣе. Со своей стороны герцогъ Орлеанскій, поспѣшая, какъ только началось волненіе, изъ Парижа въ Версаль, говорилъ приверженцамъ своимъ: „остается одно—взяться за оружіе“. (Ferrières, I, 101.)

Относительно изображенія г. Рамбо слѣдуетъ замѣтить что оно исторически не точно. Собраніе протестовало заявленіемъ своего довѣрія удаленному Неккеру не прежде волненій, а 13 іюля, когда уже подробности о нихъ дошли въ Собраніе и, какъ выражается маркизъ де-Ферьеръ, „исполнили въ немъ радостію дѣятелей революціи и подняли храбрость боязливѣйшихъ... Собраніе сдѣлалось сильно Парижемъ“.

Пріятель. Интересно прочесть описаніе волненій 12 и 13 іюля 1789 года въ самомъ распространенномъ изъ революціонныхъ журналовъ той эпохи, начавшемъ появляться съ 17 іюля этого года. Я говорю о журналѣ Лустало *Révolutions de Paris*, богатомъ свѣдѣніями и сравнительно умѣренномъ, особенно въ началѣ. У насъ есть подъ руками экземпляръ этого изданія. Вотъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, что тамъ сказано: „Какъ только дошла сюда вѣсть объ удаленіи дорогаго министра, наступило общее уныніе. Народъ въ отчаяніи, ища исхода своихъ золъ, сжегъ многія заставы, сходился въ разныхъ мѣстахъ, составлялъ разные планы; а граждане въ угрюмомъ молчаніи совѣщались между собою, не въ силахъ будучи удержаться отъ слезъ. Около пяти часовъ, въ воскресенье, 12 іюля, граждане собравшіеся въ Пале-Роялѣ послали приказъ чтобы всѣ спектакли были закрыты, что было безпрекословно исполнено. Этотъ знакъ уваженія оказанный великому человѣку съ очевидностію обнаружилъ какъ велика была степень общественнаго огорченія. Затѣмъ отправились въ кабинетъ Курціуса, просить этого артиста дать бюстъ или портретъ его высочества герцога Орлеанскаго и г. Неккера. Въ тріумфѣ понесли эти бюсты убравъ ихъ крепомъ, символомъ немилости этихъ драгоцѣнныхъ лицъ (тогда думали что и принцъ получилъ повелѣніе о ссылкѣ). Народъ кричалъ: „шапки долой“, дабы выразить свое глубокое уваженіе. Шествіе было многочисленно, направилось по бульвару и улицѣ Сенъ-Мартенъ. Участвовавшіе въ шествіи граждане пригласили отрядъ Парижской гвардіи сопровождать ихъ для порядка... Достигли Вандомской площади. Тутъ отрядъ Royal-Allemand хотѣлъ остановить народъ. Полетѣли камни, солдаты бросились на толпу. Бюстъ Неккера былъ разбитъ; бюстъ принца избѣгъ той же участи, ибо ударъ сабли драгуна не могъ его достичь. Но эти подлые солдаты, которыхъ Національное Собраніе можетъ немедленно распустить и объявить заслуживающими безчестья, осмѣлились стрѣлять въ народъ. Одинъ garde française, безоружный, былъ убитъ, нѣсколько ранены. Въ ту же минуту князь Ламбескъ, ихъ начальникъ, этотъ ненавистный аристократъ, показался у моста въ Тюильри и съ низкою кровожадностью направился на гулявшихъ гражданъ, все оружіе которыхъ составляли палочки въ рукахъ. Тамъ ударомъ сабли, безо всякаго повода, онъ повергъ къ своимъ ногамъ старика удалявшагося со своимъ пріятелемъ; молодежь

хотѣла броситься впередъ, но солдаты выстрѣлили. Всѣ бросились бѣжать. Послышался лушечный выстрѣлъ, смятеніе распространилось. Граждане въ отчаяньи побѣжали къ Пале-Роялю крича: къ оружію, къ оружію!“

Таково разукрашенное описаніе революціоннаго журнала еще наименѣе прибѣгавшаго къ искаженію фактовъ. Подробности перешли въ исторію. И у Тьера, и у Мишле читаемъ и о безоружномъ гардѣ убитомъ выстрѣломъ Royal Allemand и о старикѣ ни съ того ни съ сего пораженномъ яростнымъ княземъ Ламбескъ, бросившимся на мирно гулявшихъ съ палочками гражданъ. На дѣлѣ было далеко не такъ. Изъ показаній приводимыхъ у Тэна явствуетъ что драгуны Ламбеска встрѣтили при входѣ въ садъ Тюильри баррикаду стульевъ, изъ-за которой въ нихъ полетѣлъ градъ камней и бутылокъ. При въѣздѣ въ садъ нѣсколько человѣкъ окружили князя, хватали его лошадь за гриву и подъ уздцы, старались его стащить; былъ выстрѣлъ изъ пистолета. Ламбескъ, давъ шпоры лошади, освободился и ударилъ плашмя саблей по головѣ какого-то человѣка старавшагося закрыть входъ на мостъ (Pont Tournant). Рана „убитаго старца“ оказалась царапиной въ двадцать три линіи длины и исцѣлена была компрессомъ изъ водки. Что драгуны выстрѣлили въ воздухъ, уломинаетъ и Бальи со словъ очевидца.

Авторъ. Въ ночь съ 12го на 13е іюля городскія заставы были сломаны и сожжены. Къ утру разбойники съ пиками, палками, дротиками „бродили шайками по улицамъ съ криками: „оружія и хлѣба“; мирные жители заперлись въ домахъ, дрожа за свою участь. „Хотѣли (*Révol. de Paris*) разграбить дома „враговъ народа“, но были удерживаемы благоразуміемъ нѣкоторыхъ гражданъ смѣшавшихся съ ними и ихъ сдерживавшихъ.“ Толпа окружила Думу (Hôtel de Ville), наполнила ея залы, требуя оружія и, не дождавшись разрѣшенія, захватила все что̀ было. Всѣ оружейные магазины были разграблены. Разбили тюрьму la Force и выпустили заключенныхъ. Проникли въ монастырь лазаристовъ; „поломали (цитую изъ Тэна) библіотеку, шкафы, картины, окна, физическій кабинетъ; бросились въ погреба, разбили бочки и начали пьянствовать; чрезъ двадцать четыре часа тамъ нашли до тридцати опившихся мущинъ и женщинъ, мертвыхъ и умирающихъ; изъ нихъ одна женщина оказалась на девятомъ мѣсяцѣ беременности. Вся улица предъ домомъ была усѣяна обломками, а грабители съ кусками съѣстнаго и жбанами въ рукахъ заставляли пить

всякаго проходящаго! Монастырь по постановленіямъ обязанъ былъ имѣть запасный магазинъ съ зерномъ и мукой. Это и подало поводъ къ разграбленію: народъ де голодаетъ, а монахи набили подвалы хлѣбомъ и укрываютъ его отъ гражданъ". Хлѣбъ на пятидесяти повозкахъ былъ свезенъ на рынокъ. Ночью на 14е іюля были разграблены булочныя и разбиты кабаки; „шайки всякаго отребья, съ ружьями и пиками въ рукахъ, бродятъ въ лохмотьяхъ; многіе почти голые", со звѣрскими лицами, явившіеся неизвѣстно откуда, вооруженные какъ дикіе; врывались въ дома, требуя пить, ѣсть, денегъ, оружія.

Пріятель. Откуда разомъ появилась вся эта революціонная сволочь?

Авторъ. Она появилась далеко не разомъ. Задолго до іюльскихъ дней Парижъ былъ мѣстомъ частныхъ волненій и безпорядковъ. Почти наканунѣ собранія Государственныхъ Сословій, 27го апрѣля 1789 года, была въ Парижѣ разграблена обойная фабрика Ревельйона, человѣка весьма почтеннаго и благотворительнаго, но на котораго оставшіеся неизвѣстными враги его успѣли натравить чернь. Произошли такія же сцены буйства и пьянства; грабители даже приняли за вино бутыли съ лакомъ и осушили ихъ. Парижъ былъ центромъ, куда въ послѣднее голодное время сходились бродяги со всей окрестной Франціи, укрываясь отъ преслѣдованій за безпорядки, повсюду обнаруживавшіеся, отыскивая пропитанія и праздной жизни. Въ 1789 году считалось въ Парижѣ болѣе ста двадцати тысячъ неимущихъ. Пришлось устраивать родъ національныхъ мастерскихъ, производя совсѣмъ ненужныя земляныя работы на Монмартскомъ холмѣ, съ платой по двадцати су въ день. Горючаго матеріала былъ такимъ образомъ запасъ огромный. Силу іюльскому возстанію давала впрочемъ не эта сволочь. Главнымъ орудіемъ она сдѣлалась позже. Въ эти дни она занималась почти исключительно грабежемъ, наводя страхъ неистовствами. Вооружался, бралъ Бастилію слой нѣсколько высшій. Граждане собирались въ Думѣ и по округамъ. Общая мысль была—что необходимо вооружиться, образовать гражданскую милицію, которая охраняла бы городъ отъ разграбленія и, главное, представила бы отпоръ ненавистной военной силѣ изъ „наемниковъ" руководимыхъ „врагами народа", о немедленномъ вторженіи которыхъ ходили самые преувеличенные слухи. „Всѣ движенія этихъ дней, говоритъ Бальи, имѣли двѣ причины: одна—безпокойство и

ужасъ добрыхъ гражданъ въ минуту общественной опасности, при видѣ перемѣны министерства и собранныхъ съ какимъ-то замысломъ войскъ: граждане эти требовали оружія чтобы спасти отечество, свою собственность, или чтобы защитить свои послѣдніе дни; другая — разбойники, послужившіе уже въ дѣлѣ Ревельйона и стольких затѣмъ другихъ и которые выдвинуты были тѣми кто желали ускорить ходъ революціи.“ (Bally, I, 337).

Пріятель. Не малое значеніе имѣетъ то обстоятельство что Gardes Françaises и парижская стража (guet) присоединились къ волновавшимся гражданамъ. Среди Gardes Françaises дисциплина была въ паденіи: уходили безъ спросу, слонялись въ Пале-Роялѣ, составляли клубы. Новый полковникъ хотѣлъ нѣсколько ослабить распущенность. Онъ арестовалъ и отправилъ въ тюрьму нѣсколькихъ нарушителей дисциплины. Едва сдѣлалось это извѣстнымъ какъ толпа народа бросилась въ тюрьму и освободила арестованныхъ. Бальи, президентъ Собранія, получилъ объ этомъ извѣстіе утромъ 1го іюля отъ прибывшей изъ Парижа „депутаціи“ со слѣдующимъ заявленіемъ: „Неслыханная, неумѣстная строгость повергла вчера Парижъ въ уныніе и смятеніе. Толпой бросились къ тюрьмѣ Аббатства, куда по приказанію г. Дю-Шателе (полковника) приведены Gardes Françaises, которые въ тотъ же вечеръ долженствовали быть отосланными въ Бисетръ. Эти несчастныя жертвы своего патріотизма (!) были вырваны изъ ихъ цѣпей и отведены при громѣ общихъ рукоплесканій въ Пале-Рояль, гдѣ нынѣ и находятся подъ охраной народа, взявшаго на себя за это отвѣтственность.“ Неизвѣстные люди вмѣшиваются въ дѣло военной дисциплины, разбиваютъ тюрьму, освобождаютъ виновныхъ, объявляютъ себя народомъ и принимаютъ на себя какую-то небывалую отвѣтственность. Очевидное нарушеніе самыхъ первыхъ началъ порядка. Какъ же принимаетъ это извѣстіе президентъ Собранія и само Собраніе? Характеристично разсужденіе Бальи по этому поводу. Оно свидѣтельствуетъ о той язвѣ нравственнаго разложенія какая коснулась въ то время даже лучшихъ умовъ. Дѣло очевидно неправильное, но требуется уступить, и вотъ придумываются аргументы. „Я видѣлъ, говоритъ Бальи (*Mém.* I, 266), что военная дисциплина, какъ велось донынѣ, уполномочивала начальника посадить въ Аббатство нарушившихъ дисциплину солдатъ и что народъ не имѣлъ права ихъ оттуда вывести;

что это незаконное дѣйствіе грозило поощрить къ несубординаціи. Такія размышленія могли склонять къ строгости. Но, съ другой стороны, если эти солдаты арестованы произвольно, за патріотическія чувствованія, то такой деспотизмъ, въ минуту когда свобода только начинала раждаться, такое дѣйствіе, противное національному интересу, должно было обратить на себя вниманіе представителей народа.... Нельзя было думать опять арестовать этихъ людей, выведенныхъ изъ тюрьмы и находящихся нынѣ подъ охраной народа. Приходилось, — виновны они или нѣтъ, — дать имъ свободу, но такъ чтобы не компрометтировать власти.“ Придуманный компромиссъ состоялъ въ томъ чтобы Собраніе просило короля простить освобожденныхъ толпою солдатъ. Такъ дѣло и уладилось. Солдатъ упросили отправиться въ тюрьму, чтобы тотчасъ же быть оттуда освобожденными. Все обошлось благополучно.

Пріятель. Любопытно бы знать, въ чемъ состоялъ „патріотизмъ“ этихъ одиннадцати солдатъ, жертвъ деспотизма ихъ начальника?

Авторъ. На это есть указаніе. Они каждый вечеръ уходили безъ позволенія изъ казармъ и шатались въ Пале-Роялѣ. Большинство французскихъ гардовъ были любовниками пале-рояльскихъ публичныхъ женщинъ. Многіе и поступали въ гвардейцы „чтобы жить на счетъ этихъ несчастныхъ дѣвокъ.“ Не только у этихъ гвардейцевъ, но и во всемъ войскѣ дисциплина страшно пошатнулась. Пришлось возлагать надежду только на „наемниковъ“.

РАЗГОВОРЪ ДЕВЯТЫЙ.

Пріятель. Пора коснуться знаменитаго взятія Бастиліи.

Авторъ. Наступило 14 іюля 1789. Въ сохранившемся протоколѣ засѣданій Парижскихъ избирателей (*Extrait du procès-verbal des séances des électeurs de Paris*; прибавленіе къ тому I *Монитера*), почти единственномъ офиціальномъ документѣ относящемся до іюльскихъ дней въ Парижѣ, можно прослѣдить различные моменты этого историческаго дня.

Пріятель. Парижскіе избиратели—это тѣ городскіе уполномоченные которые выбирали представителей города въ собраніе Государственныхъ Сословій и составляли для нихъ наставленіе. Роль ихъ была собственно покончена какъ только вы-

боры были произведены, но они сами порѣшили что полномочіе ихъ продолжается и стали дѣйствовать сообразно съ этимъ, въ увѣренности, какъ выразился одинъ изъ нихъ, Дюсо (Dusaulx, *Oeuvre des sept jours*, 259, въ *Coll. des Mém.*) что „истинные граждане всегда имѣютъ право спасать отечество". Въ числѣ отъ двухъ до трехъ сотъ они первоначально собрались было скромно въ какомъ-то трактирѣ, но болѣе рѣшительный изъ нихъ, Тюріо (Thuriot), заявилъ что двери Думы не должны быть для нихъ закрыты. „Поднимитесь, идите за мною". Пришли и засѣли въ Думѣ, вмѣстѣ съ членами городскаго управленія, и когда начались безпорядки, захватили власть совсѣмъ въ свои руки, образовавъ изъ себя безсмѣнный комитетъ (comité permanant). Избраніе этого неожиданнаго комитета происходило въ присутствіи толпы наполнявшей залы Думы. Кто-то крикнулъ: зачѣмъ въ комитетъ назначаютъ все изъ избирателей. „Кого же хотите вы чтобъ назначили."—Меня, отвѣчалъ храбрый (?) Грелэ, и былъ выбранъ аккламаціей. (Dusaulx, 278).

Авторъ. 14 іюля, съ 6 часовъ утра депутаты отъ разныхъ округовъ и толпа гражданъ наполняли уже Думу. Привозили захваченные предметы: телѣги съ мукой, зерномъ, виномъ и другими припасами; тащили пушки, несли ружья, боевые запасы, вели лошадей, и всѣмъ этимъ наполняли площадь предъ Думой. Улицы уже были полны народомъ всякаго возраста и состоянія. Въ семь часовъ прибѣгаетъ испуганная толпа съ криками что отрядъ Royal Allemand вступилъ въ Сентъ-Антуанское предмѣстье, убиваетъ встрѣчающихся, не разбирая пола и возраста, ставитъ пушки на улицѣ; предмѣстью грозитъ полное разрушеніе. Другая толпа бѣжитъ изъ предмѣстья Сенъ-Дени съ подобными же вѣстями. Составляется отрядъ изъ Gardes Françaises и вооруженныхъ гражданъ съ цѣлью дать отпоръ врагамъ. Но посланные для развѣдыванія въ предмѣстье возвращаются съ извѣстіемъ что всѣ эти тревоги совершенно ложны, никакихъ отрядовъ нѣтъ и предмѣстьямъ ничто не грозитъ. Около восьми часовъ нѣсколько человѣкъ пришли возвѣстить что пушки съ Бастиліи направлены вдоль улицы Св. Антонія. Комитетъ поручилъ нѣсколькимъ членамъ отправиться въ Бастилію къ коменданту этой крѣпости Делоне (онъ назывался gouverneur de la Bastille) и предложить ему удалить пушки возбуждающія тревогу. Депутація отправилась. Бѣжитъ какой-то человѣкъ въ синемъ одѣяніи съ золотыми нашивками, въ лыли и

лоту, и сообщаетъ что въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ показался отрядъ гусаръ; чтобъ остановить его построена де баррикада, но она едва держится; требуется немедленная помощь. Разказъ оказался опять ложнымъ. Около десяти часовъ пришло извѣстіе о происшедшемъ въ Домѣ Инвалидовъ. Наканунѣ было рѣшено предложить завѣдующему Домомъ выдать уполномоченному Думы находящееся въ Инвалидномъ Домѣ оружіе. Когда утромъ уполномоченный явился къ Дому, онъ нашелъ его окруженнымъ громадною толпой вооруженныхъ гражданъ. Завѣдующій отозвался что уже предупрежденъ о требованіи и ждетъ только разрѣшенія изъ Версаля. Но пока происходили переговоры у рѣшетки, толпа успѣла проникнуть въ ворота Инвалиднаго Дома и скоро его наполнила. Поздно было думать о разрѣшеніи: какое нашлось оружіе, все было разобрано.

Пріятель. И въ Бастилію съ ранняго утра являлись какіе-то молодые люди депутатами отъ Пале-Рояля. Были пропущены до вторыхъ воротъ (въ Бастилію проникали чрезъ двое послѣдовательныхъ воротъ съ подъемными мостами при каждыхъ. Первыя ворота вводили на дворъ новой постройки, вторыя—въ самую крѣпость). Непрошеные гости требовали выдачи оружія и естественно получили отказъ. Являлись еще двѣ подобныя депутаціи, болѣе и болѣе многолюдныя. Что касается посланныхъ отъ Думы, то они были самымъ предупредительнымъ образомъ приняты комендантомъ и угощены завтракомъ. Комендантъ удостовѣрилъ что никакихъ враждебныхъ намѣреній не имѣетъ и велѣлъ отодвинуть возбуждавшія опасенія пушки. Между тѣмъ шумная толпа вокругъ крѣпости все росла.

Авторъ. О дальнѣйшемъ трудно составить вполнѣ точное представленіе; сохранилось множество разказовъ, описаній, но всѣ они противорѣчатъ между собою въ подробностяхъ, и не легко разобраться среди разнорѣчивыхъ показаній относительно событія ставшаго легендой на другой же день послѣ того какъ оно произошло. Обратить его въ легенду было въ интересѣ и его современниковъ, и большинства его историковъ. Не легко освободить истину отъ прикрывающаго ее вымысла. Одно по крайней мѣрѣ съ достовѣрностью вытекаетъ изъ мало-мальски внимательнаго и непредубѣжденнаго разбора фактовъ,—что со стороны осаждающихъ не было ничего кромѣ безумія, со стороны осажденныхъ—ничего кромѣ крайней уступчивости.

Депутатъ отъ округа Saint Louis de la Culture, Тюріо (Thuriot), имя котораго намъ уже случилось уломянуть, который въ послѣдствіи былъ предсѣдателемъ Конвента въ ламятное засѣданіе рѣшившее судьбу Робеспьера, явился „отъ имени націи и отечества“ къ подъемному мосту въ ту минуту какъ изъ крѣпости выходила городская делутація; былъ допущенъ въ Бастилію и объяснялся съ комендантомъ, требуя чтобы крѣпость была сдана народу. Подробности объясненія узнаемъ изъ собственнаго донесенія Тюріо, сдѣланнаго имъ въ Думѣ немедленно по выходѣ изъ крѣпости и ломѣщеннаго въ протоколѣ. Перейдя съ комендантомъ на внутренній дворъ крѣпости, Тюріо увидѣлъ тамъ три пушки, тридцать Швейцарцевъ (Petits-Suisses) и около дюжины инвалидовъ, всѣхъ подъ командой четырехъ офицеровъ. Весь гарнизонъ крѣпости состоялъ изо ста двадцати человѣкъ. Тюріо уговаривалъ ихъ „во имя чести, націи и отечества“ сдаться. И комендантъ, и офицеры клялись что не будутъ стрѣлять и не станутъ защищаться если не будутъ атакованы. Когда онъ этимъ не удовлетворился и требовалъ чтобъ его свели наверхъ крѣпости и показали расположеніе пушекъ, комендантъ не хотѣлъ было удовлетворить его желаніе, но по настоянію офицеровъ согласился. Тюріо увидѣлъ на верху три пушки удаленныя фута на четыре отъ амбразуръ, которыя были закрыты. Съ башни онъ показался толлѣ собиравшейся стрѣлять въ крѣпость. Толла ему рукоплескала. Сойдя, онъ еще разъ уговаривалъ сдаться; „солдаты и офицеры были, казалось, расположены уступить, но комендантъ, слишкомъ смущенный движеніями окружающей крѣпость толпы, былъ самъ не свой и не рѣшался“ (le gouverneur était malheuresement trop affecté du mouvement extérieur, qu'il n'était plus à lui). Во всякомъ случаѣ, заключилъ Тюріо, на слово коменданта: не стрѣлять, если крѣпость не будетъ атакована, можно положиться. Не успѣли немного успокоиться въ Думѣ, какъ со стороны Бастиліи послышался пушечный выстрѣлъ и въ то же время громадная толла бѣжала по площади крича: „измѣна, предательство!“ Принесли человѣка раненаго въ руку, какъ сказывали, выстрѣломъ съ крѣпости; пронесли также умирающаго солдата; говорили о другихъ убитыхъ и раненыхъ. Толковали будто комендантъ нарочно велѣлъ опустить первый подъемный мостъ чтобы заманить народъ на первый дворъ Бастиліи и тамъ встрѣтилъ его

убійственнымъ залломъ. Это было совершенно ложно. Напротивъ, толпѣ какъ-то удалось спустить мостъ, и она въ безпорядкѣ кинулась на дворъ, стрѣляя куда попало, задніе попадали въ переднихъ. Въ показаніи инвалидовъ помѣщенномъ въ изданіи *La Bastille dévoilée* (показаніе приведено въ прибавленіи къ запискамъ Дюсо въ *Coll. de Mém.*, 450), разказано какъ произошли выстрѣлы. Когда вышелъ Тюріо, толпа подъ стѣнами крѣпости кричала: „хотимъ Бастилію, долой солдатъ“. „Мы какъ могли, говорятъ инвалиды, честью просили этотъ разный народъ удалиться, стараясь поставить имъ на видъ опасность какой они подвергаются. Но несмотря на наши увѣщанія толпа стояла на своемъ. Два человѣка взлѣзли на караульную съ боку малаго подъемнаго моста, разрубили и разбили топорами цѣпи большаго моста, тогда какъ другіе рубили и разбивали малые. Это заставило насъ твердо сказать имъ чтобъ уходили, а то вынуждены будемъ стрѣлять. Имъ удалось спустить большой и малый мосты. Ободренные успѣхомъ, они толпой прибѣжали ко второму мосту чтобъ овладѣть имъ и сдѣлали по насъ ружейный залпъ. Мы вынуждены были съ своей стороны сдѣлать по нимъ залпъ, чтобы помѣшать имъ завладѣть вторымъ мостомъ, какъ они сдѣлали съ первымъ. Они обратились въ бѣгство и удалились въ безпорядкѣ.“ Отхлынувшая толпа разнесла ужасъ и ожесточеніе въ несчетной массѣ облегавшей крѣпость. Прибылъ отрядъ французскихъ гардовъ, привезены пушки, началась, какъ пишутъ нѣкоторые историки, правильная осада крѣпости. Правильная осада эта была безумная пальба съ улицы, изъ чердаковъ и оконъ домовъ, въ воздухъ, въ каменныя стѣны, не потерпѣвшія ни малѣйшаго вреда. Отъ бомбардировки во весь день былъ, по какой-то случайности, убитъ одинъ инвалидъ. Съ крѣпости стрѣляли очень мало. Еслибы была серіозная стрѣльба въ густую, бѣснующуюся толпу, она унесла бы не восемьдесятъ убитыхъ, какъ потомъ оказалось, а не одну сотню. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Нетерпѣливая и мятежная толпа, наполнявшая залы Думы и площадь предъ нею, приступила къ членамъ комитета и Думы съ требованіемъ усиленныхъ мѣръ ко взятію ненавистной крѣпости, какъ будто это взятіе зависѣло отъ Думы (какъ замѣчено въ протоколахъ). Явились удивительныя предложенія. Одинъ плотникъ, повидимому не безъ учености, предлагалъ устроить по

римскому образцу катапулту и бросать съ неисчислимою силой (avec une force incalculable) громадные камни въ стѣны Бастиліи чтобъ ихъ разрушить. Г. Коссидьеръ,—major-général de la milice parisienne,—оттолкнулъ изобрѣтателя, сталъ на его мѣсто и сказалъ что единственное средство взять Бастилію—повести осаду по правиламъ войны и для того начать рыть траншеи. А на площади предъ Бастиліей ливоваръ Сантеръ сдѣлалъ удивительное предложеніе: сжечь каменную массу помощію задержаннаго наканунѣ гвоздичнаго и лавандоваго масла, воспламеняемаго помощію фосфора и пожарными трубами бросаемаго на крѣпость. Онъ самъ 15 іюля (протоколъ) повѣствовалъ объ этомъ, явившись въ Думу и требуя себѣ утвержденія въ званіи главнокомандующаго Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, каковымъ былъ будто бы выбранъ наканунѣ, участвуя во главѣ четырехсотеннаго отряда во всѣхъ трудахъ по осадѣ! Пожарныя трубы были привезены по его приказанію, прибавилъ онъ, какъ Бастилія была уже взята. Такихъ молодцовъ требовавшихъ награды за подвиги явилось на другой и слѣдующіе дни по взятіи не мало. Многіе изъ нихъ и не подходили къ крѣпости. Вообще въ „трудахъ осады“ участвовали, а по просту сказать бѣсновались около крѣпости, человѣкъ восемьсотъ. Но вся окрестность была усѣяна людьми смотрѣвшими на зрѣлище. Дамы пріѣзжали въ экипажахъ и издали присутствовали при спектаклѣ (показаніе очевидца, Тэнъ). Маратъ въ послѣдствіи бросилъ такой упрекъ Парижанамъ (*Ami du Peuple*, № 530): „Когда по небывалому стеченію обстоятельствъ стѣны плохо защищенной Бастиліи пали подъ усиліями горсти солдатъ и отряда несчастныхъ, большею частію Нѣмцевъ и почти поголовно провинціаловъ, Парижане парадировали (se présentèrent) предъ крѣпостью.“

Пріятель. Ты сказалъ что съ крѣпости стрѣляли очень мало. Имѣемъ ли мы право выразиться такимъ образомъ? По показаніямъ инвалидовъ, изъ пушки дѣйствительно былъ данъ одинъ только выстрѣлъ картечью, когда нападающіе зажгли сарай съ соломой на первомъ дворѣ. Былъ сдѣланъ, и также послѣ увѣщаній, второй ружейный залпъ, когда толпа вновь прихлынула ко второму мосту, послѣ того какъ гарнизонъ готовый передать крѣпость городу увидѣлъ приближавшееся было бѣлое знамя городской депутаціи удаляющимся и принялъ появленіе знамени за обманный маневръ осаждающихъ. Но такъ ли это? Въ протоколъ

Думы занесены доклады двухъ делутацій, которыя были посылаемы комитетомъ между одиннадцатью и двумя часами дня къ крѣпости съ безуслѣшными увѣщаніями коменданту сдать Бастилію. Оба доклада повѣствуютъ о сильномъ огнѣ съ крѣпости, объ опасностяхъ какимъ подвергались посланные, о падавшихъ къ ихъ ногамъ жертвахъ огня Бастиліи. И инвалиды говорятъ что Швейцарцы, не входившіе на башни крѣпости, стрѣляли со двора „чрезъ зубцы и дыры сдѣланныя ими у подъемнаго моста“.

Авторъ. Можетъ-быть Швейцарцы и стрѣляли, но большаго огня въ этихъ условіяхъ произвести конечно не могли. Что же касается повѣствованій заключающихся въ докладахъ, то они мнѣ чрезвычайно подозрительны. Не очень довѣряютъ имъ и историки превозносящіе „взятіе“; по крайней мѣрѣ ссылаются на нихъ съ большою осторожностью. Повидимому посланные Думы сильно перетрусили. Первая делутація не дошла даже до крѣпости, и съ крѣпости никто ея не видалъ, какъ признаютъ и сами депутаты. Это не мѣшаетъ имъ въ явномъ противорѣчіи съ самими собой говорить объ измѣнѣ коменданта, который упорно будто бы хотѣлъ продолжать „имъ самимъ объявленную гражданамъ войну“, „такъ какъ отказалъ выслушать нашу делутацію“. Въ началѣ доклада говорится какъ депутатамъ при приближеніи *показалось* что сверху стрѣляютъ (nous avons aperçu sur les tours du fort des soldats de la garnison qui *paraissaient* tirer dans la rue). На Тьера доклады сдѣлали такое впечатлѣніе что онъ счелъ наиболѣе близкимъ къ истинѣ выразиться о стрѣльбѣ при осадѣ: „летѣли выстрѣлы неизвѣстно откуда“ (des coups de fusil sont tirés on ne sait d'où). Депутаты далѣе проговариваются что имѣли дѣло собственно не съ осаждаемыми, а съ осаждающими. Осаждающихъ увѣщевали они прекратить огонь, чтобы вступить въ крѣпость, но тѣ прогнали увѣщателей, говоря что не переговоровъ и делутацій хотятъ, „а осады Бастиліи, разрушенія этой ненавистной тюрьмы и смерти коменданта“. Вторая делутація пошла съ барабанами и знаменемъ и была усмотрѣна. Осаждаемые вывѣсили бѣлый флагъ, стоявшіе на башняхъ солдаты опустили ружья дуломъ внизъ. Но далѣе слѣдуетъ весьма невѣроятный разказъ, будто съ крѣпости вдругъ раздался залпъ, видѣли будто что направляютъ и пушку: что она выстрѣлила сказать не рѣшились. Тогда осаждающіе ожесточились, прогнали и вторую делутацію, крича: „вы тоже

измѣнники.“ Одного поколотили: M. Beaubourg a été maltraité. (Объ этомъ же господинѣ свидѣтельствуется въ докладѣ что пуля съ крѣпости сорвала ему эполету: пуля ли?) Повторяю, доклады очень сомнительной исторической вѣрности. Прочти, напримѣръ, что̀ говоритъ членъ второй депутаціи, гласный Франкотэ (Francotay), отставшій отъ остальныхъ и уже послѣ ихъ вернувшійся въ Думу, и скажи какое впечатлѣніе производятъ на тебя такія строки: „Г. Франкотэ сказалъ что депутація остановилась на маломъ дворѣ подъ ужаснѣйшимъ огнемъ; а что онъ, Франкотэ, идя все впередъ, приблизился къ подъемному мосту; что вокругъ его многіе были убиты, и онъ вынужденъ былъ перешагнуть черезъ трупъ одного отца семейства, о которомъ всѣ сожалѣли“ (passer par dessus le cadavre d'un père de famille que tout le monde regrettait)?

Пріятель. Очень куріозно. Какъ это онъ узналъ что убитый былъ отецъ семейства, и когда же всѣ успѣли выразить сожалѣніе?

Авторъ. Дальнѣйшее не менѣе куріозно. Храбрый гласный обращается, полагать надо, „подъ страшнымъ огнемъ“, къ согражданамъ съ рѣчью, увѣщевая ихъ отойти. „Нѣтъ, нѣтъ, восклицаютъ они, мы завалимъ ровъ нашими трупами.“ Уступая ихъ просьбамъ онъ сталъ удаляться „сквозь пули свиставшія около его ушей и ударявшія въ стѣну къ которой они подвигались“. Пули значитъ были не съ крѣпости и били въ стѣну, должно-быть, безъ особаго для нея вреда. Да и куда же это „они подвигались“? Въ стѣну что ли? Документъ такого рода очевидно большой цѣны не имѣетъ. Держусь мнѣнія что съ крѣпости стрѣляли очень мало.

Пріятель. Какъ же наконецъ была взята Бастилія?

Авторъ. Она вовсе не была взята. Самъ главный герой дня, одинъ изъ немногихъ обнаружившихъ дѣйствительно нѣкоторое мужество, увѣнчанный въ Думѣ „храбрый Эли“,—le brave Elie,—выразился такъ: „Бастилія вовсе не была взята силою; она сдалась прежде чѣмъ была атакована.“ Уже съ утра гарнизонъ желалъ сдать крѣпость, но комендантъ, видя громадную осаждающую толпу, опасался, должно думать, ея неистовствъ, если отворитъ ворота крѣпости. И нельзя не признать что опасенія были вполнѣ основательны. Образцикъ неистовствъ былъ еще до взятія.

Кто-то въ толпѣ указалъ молодую дѣвушку, увѣряя что это дочь коменданта. Несчастную хотѣли тутъ же сжечь. Ее едва успѣлъ спасти, разувѣривъ толпу, какой-то добрый солдатъ. На дворѣ захватили трехъ безоружныхъ инвалидовъ и приволокли въ Думу со страшными криками, требуя ихъ смерти: ихъ будто бы схватили у воротъ Бастиліи съ оружіемъ, когда они стрѣляли въ народъ. Старый инвалидъ, сохранившій хладнокровіе предъ опасностью, сказалъ: „Какъ могъ я стрѣлять когда былъ безъ оружія и шелъ изъ кабака, куда ходилъ за виномъ для себя и товарищей“. Аргументъ подѣйствовалъ, инвалидовъ удалось отстоять отъ толпы. Рѣшено отправить ихъ до суда въ тюрьму. Возможно что мотивомъ отказа коменданта сдать крѣпость была также и военная честь. Въ заявленіи инвалидовъ говорится что онъ уже взялъ фитиль и хотѣлъ взорвать крѣпость, но былъ удержанъ двумя инвалидами и только послѣ этого рѣшился сдаться. Онъ сдался на честное слово французскихъ гвардейцевъ: Эли, Шола и Гулена, бывшихъ впереди осаждающихъ и знавшихъ военныя правила. Было обѣщано что ни ему, ни гарнизону не будетъ сдѣлано никакого вреда. Но едва отворились ворота, какъ ворвалась неистовая толпа. Гарды употребляли всѣ усилія сдержать слово, но тщетно. „Толпа, говоритъ Тэнъ, лощадила Швейцарцевъ, которые въ нее стрѣляли, принявъ ихъ по одеждѣ за заключенныхъ. Но за то набросилась на инвалидовъ, которые отворили имъ ворота; у инвалида удержавшаго коменданта, когда тотъ хотѣлъ взорвать крѣпость, отрубили руку ударомъ сабли, прокололи его двумя ударами шпаги, повѣсили, а руку его, спасшую цѣлый кварталъ, понесли въ тріумфѣ по улицамъ.“ Пятерыхъ офицеровъ и трехъ солдатъ убили,—однихъ тутъ же, другихъ волоча по улицѣ. „У кого не было оружія, говоритъ одинъ офицеръ, тѣ бросали въ меня камнями; женщины скрежетали зубами и грозили мнѣ кулаками. Двое изъ моихъ солдатъ были убиты сзади меня. При общемъ крикѣ: на висѣлицу! меня проволокли на нѣсколько сотенъ шаговъ отъ Думы. Въ ту минуту мимо меня пронесли воткнутую на пикѣ голову, показали мнѣ ее, говоря что это голова Делона.“ Самого коменданта волокли по улицѣ, таская за волосы, поражая ударами. Одни говорили—надо отрубить ему голову, другіе—надо его повѣсить, тѣ—привязать къ лошадиному хвосту. Онъ просилъ смерти, въ порывѣ послѣдняго отчаянія ногой оттолкнулъ одного изъ державшихъ, и въ ту

же минуту былъ пронзенъ штыками. Этого показалось мало. Трупъ волочили, били. Требовалось отрѣзать голову. Подвернулся поваръ, пришедшій поглядѣть на „осаду“, и взялся за дѣло. Рубилъ саблею. Сабля оказалась тупа. Онъ вынулъ ножъ и какъ человѣкъ „въ качествѣ повара умѣющій рѣзать говядину“ управился съ головой коменданта. Ее воткнули на пику и понесли въ Пале-Рояль, а оттуда къ Pont Neuf.

Вотъ какъ была взята Бастилія!

Пріятель. Когда ближе ознакомишься съ дѣломъ, какъ-то странно звучитъ торжественная рѣчь современной официальной Франціи заявляющей устами г. Рамбо: „Трудно и вообразить что̀ была тогда Бастилія съ ея стѣнами въ двадцать футовъ толщиною, со рвами широкими какъ рѣка. Она покрывала цѣлый кварталъ Парижа и грозила ему жерлами своихъ пушекъ. Она глядѣла какъ бы зловѣщій остатокъ Среднихъ Вѣковъ, выдѣляя въ свѣтломъ восемнадцатомъ вѣкѣ свой мрачный силуетъ, свой трагическій профиль феодальнаго замка. Очевидно Бастилія была неприступна. 14 іюля въ пять часовъ пополудни Бастилія была взята!“...

Авторъ. Убійство и звѣрское наругательство надъ трупомъ Делоне слѣдующимъ образомъ, въ сентиментальномъ тонѣ, описываются въ *Révolutions de Paris:* „Хотятъ увидѣть вѣроломнаго коменданта; находятъ его наконецъ: подлый спрятался. Два гренадера схватываютъ его. Подходитъ какой-то молодой буржуа. Комендантъ хочетъ ему довѣриться, бросается къ нему въ объятія раздираемый скорбію. Его вырываютъ, лишая этой чести; обращаются съ нимъ какъ съ негодяемъ, влекутъ среди необозримой толпы. Онъ обращается къ молодому человѣку, который хочетъ еще защитить его отъ оскорбленій черни. „Ахъ, говоритъ онъ, раздираемый угрызеніями совѣсти, *я измѣнилъ отечеству!* Рыданія заглушаютъ его голосъ...“ Когда достигли Гревской площади, народъ нетерпѣливо жаждущій мести не далъ Делоне и другимъ офицерамъ подняться на судъ Думы. Ихъ вырываютъ изъ рукъ побѣдителей, топчутъ ногами. Делоне пронзенъ тысячью ударовъ. Ему отрѣзаютъ голову и несутъ ее воткнувъ на пику, по которой струится кровь...

„Сей славный день долженъ поразить нашихъ враговъ. Онъ предвѣщаетъ намъ, наконецъ, торжество справедливости и свободы. Вечеромъ была общая иллюминація!“

Пріятель. Несчастный Делоне! Ко всѣмъ наругатель-

ствамъ его трупа и ламяти присоединяется еще по истинѣ жестокое слово добраго короля. Когда Бальи (Bailly, II, 42) заговорилъ съ Людовикомъ XVI о смерти Делоне, король произнесъ: „О, онъ заслужилъ свою участь!“ Чѣмъ же? Развѣ вѣрностью тому же королю, когда требовалась измѣна? Предъ измѣной законная власть преклонялась, измѣнѣ уступала, измѣну славила; но за то головой выдавала немногихъ оставшихся вѣрными. Могли осуждать Делоне, но конечно не король. Онъ долженъ былъ хотя бы промолчать. Онъ не могъ быть въ заблужденіи будто Делоне стрѣлялъ въ невинный народъ, заманивъ его бѣлымъ флагомъ. Нѣтъ, мало было уступить, надо было еще оскорбить. Жестокое слово, ничтожный король! Говорятъ Делоне былъ требовательный и безжалостный тюремщикъ. Можетъ-быть; но не утвердилась ли такая репутація главнымъ образомъ послѣ звѣрской казни, для желательнаго оправданія палачей?

Авторъ. Гарнизонъ сдался на честное слово. Нарушеніе этого слова было самымъ позорнымъ дѣломъ съ точки зрѣнія военной чести. Мишле это чувствовалъ и поясняетъ что Бастилія была тюрьма, а не крѣпость; военные законы къ ней не приложимы. Чѣмъ же во всякомъ случаѣ такъ славиться. Какою побѣдой величаться?

Пріятель. Побѣда была значительная: побѣда Собранія надъ королевскою властью. Успѣхъ парижскаго мятежа въ немъ радостно отозвался. Въ эти дни волненій представители націи засѣдали „непрерывно шестьдесятъ часовъ (*Révol. de Paris*, № I, 20), опасаясь не только за свою свободу, но и за свою жизнь.“ Собранію впрочемъ едва ли грозила какая дѣйствительная опасность; крайне сомнительно чтобы при дворѣ и особенно у короля былъ какой-нибудь опредѣленный планъ. Тѣмъ не менѣе значительное число членовъ Собранія были въ страхѣ. Вожаки дѣйствовали. Собраніе вотировало отвѣтственность министровъ и совѣтниковъ короля, „какое бы ни было ихъ положеніе“; настойчиво требовало удаленія войскъ, признало что объявленіе государственнаго банкротства сочтетъ позоряцимъ націю. Король медлилъ. Успѣхъ возстанія быстро перемѣнилъ картину. Людовикъ XVI явился въ Собраніе почти просителемъ, взываетъ къ согласію въ дѣйствіяхъ, объявляетъ что уже далъ повелѣніе объ удаленіи войскъ. „Оставались, говоритъ маркизъ де-Феррьеръ въ своихъ запискахъ (I, 145), два важные

пункта рѣшенные революціонерами: возвращеніе Неккера и назначеніе Бальи парижскимъ меромъ, а Лафайета—главнокомандующимъ парижскою милиціей. Только эти мѣры могли обезпечить выгоды пріобрѣтенныя Собраніемъ надъ дворомъ. Революціонерамъ не трудно было достичь желаемаго. Народъ покорный голосу своихъ руководителей шумно требовалъ возвращенія Неккера. Бальи былъ провозглашенъ меромъ, а Лафайетъ именованъ командующимъ милиціей, по единодушному избранію гражданъ.“ Президентъ и вице-президентъ (такъ назвали на эти дни Лафайета) Собранія становятся во главѣ столицы: Собраніе дѣлается всемогущимъ.

Авторъ. Обстоятельства сопровождавшія 15 іюля, избраніе Бальи и Лафайета, мнѣ кажется, подтверждаютъ соображенія де-Феррьера. Собраніе отправило 15 іюля многочисленную делутацію (изъ восьмидесяти четырехъ членовъ) въ Парижскую Думу съ привѣтствіемъ и сообщеніемъ о предстоящемъ посѣщеніи Парижа королемъ. Поѣздка делутатовъ была тріумфальнымъ шествіемъ. Стрѣляли изъ пушекъ, конный и пѣшій отряды предшествовали кортежу делутатовъ шедшихъ пѣшкомъ между рядами восторженной публики, при неумолкаемыхъ кликахъ. Делутатовъ обнимали, цѣловали ихъ руки, раздавали имъ трехцвѣтныя кокарды. Представители города привѣтствовали ихъ какъ „ангеловъ мира“. Въ Думѣ цѣлая овація. Произносятся рѣчи. Рѣчи эти переполнены фразами прославляющими короля, обожаемаго, добрдоѣтельнаго, лучшаго въ мірѣ монарха. Лафайетъ въ патетическомъ разказѣ передаетъ какъ посѣтилъ король Собраніе, что говорилъ и какъ делутаты въ восторгѣ проводили его до дворца среди растроганнаго народа. Можно подумать что никогда еще королевская власть не пользовалась такою преданностію. Замѣчательное явленіе фальши! Власть на дѣлѣ отнимаютъ; она отрекается отъ себя, и къ ней обращаются льстивыя рѣчи доказывающія что никогда де не была она такъ сильна. Отдай власть и будемъ хвалить. Кого, казалось бы, можно было этимъ обмануть? Оказывается, обмануть можно весьма многихъ. Есть не мало людей съ такимъ инстинктомъ примиренія что они готовы тотчасъ умилиться какъ только покажется имъ что дѣло уладилось, и что все пойдетъ гладко. Эта черта была въ натурѣ краснорѣчиваго графа Лалли Толандаля, члена Собранія, отличавшагося чрезвычайною чувствительностью

и человѣка дѣйствительно честнаго. Его рѣчь о новой эрѣ довѣрія благодаря установившемуся согласію короля и націи была совершенно искреннею. Оратора увѣнчали вѣнкомъ, какъ онъ ни сопротивлялся, и показали въ вѣнкѣ въ окно народу. „Депутаты, сказано въ протоколѣ Думы, хотѣли уже оставить залу, какъ вдругъ всѣ голоса соединились чтобы провозгласить г. маркиза де-Лафайета главнокомандующимъ парижскою милиціей.“ Какая странная неожиданность! Въ залѣ чрезвычайно кстати оказался бюстъ генерала, присланный изъ Америки. На него предсѣдатель избирателей, г. Моро де-Сенъ-Мери, указалъ Собранію. Послѣдовалъ выборъ аккламаціею. Въ то же время Бальи провозглашенъ меромъ Парижа. Разказывая о своемъ избраніи, Бальи просто приводитъ выписку изъ протокола Думы. Потомъ говоритъ какъ онъ былъ изумленъ и ошеломленъ. Въ разказѣ сквозитъ какая-то неискренность. За нѣсколько страницъ, подъ 12 іюлемъ, онъ же проводилъ слухъ что его прочатъ въ головы.

Пріятель. Итакъ Собраніе побѣдило. Власть въ его рукахъ. На долго ли? Общій характеръ и такъ-сказать рецептъ революціоннаго движенія таковъ: власть существующая должна была разрушена въ пользу новой власти, имѣющей ее замѣнить для выгоды разрушителей. Разрушеніе должно дѣлаться путемъ вынужденныхъ уступокъ. При этомъ наивыгоднѣйшій способъ вынужденія въ томъ чтобъ уступка дѣлалась по собственному изволенію власти, за то подлежащей восхваленію. Когда дѣло сдѣлано, новая власть окончательно вступила въ силу, по отношенію къ ней начинается тотъ же процессъ новыми разрушителями уже въ ихъ выгоду. Такъ процессъ могъ бы продолжаться въ безконечность. Практически приходитъ обыкновенно къ тупику, и начинается реставрація. На всемъ лути задача не во благѣ, свободѣ и тому подобныхъ хорошихъ вещахъ, но въ пріобрѣтеніи *власти*. Власть есть цѣль, остальное—средство. Исторія французской революціи — поучительное и страшное подтвержденіе этого положенія.

Авторъ. Какую разницу съ торжественнымъ шествіемъ членовъ Собранія представилъ 17 іюля печальный въѣздъ короля, привезеннаго въ Парижъ! Восклицаній, правда, было не мало. Король внушалъ, повидимому, присутствіемъ своимъ

немалые восторги. Но въ сущности какая это была фальшивая траги-комедія! *Révolutions de Paris* въ слѣдующихъ выраженіяхъ привѣтствуетъ „зарю прекраснаго дня“ когда „обожаемый монархъ явился между насъ“: „Отъ ужасовъ войны народъ, перестулая такъ-сказать черезъ тѣла двухъ имъ умерщвленныхъ гражданъ, народъ дышавшій доселѣ кровопролитіемъ, вносившій всюду желѣзо и огонь, вырывавшій изъ нѣдръ измѣнниковъ трепещущія внутренности, съ руками дымящимися кровью, народъ этотъ, съ челомъ сіяющимъ весельемъ, слѣшитъ принести своему монарху пальму мира Французы, какое прямодушіе (quelle loyauté), какое довѣріе! О! моя нація! ты одна умѣешь обожать, какъ умѣешь и отомщать!“ Чтобы принять эту пальму мира король, отправляясь въ Парижъ, прощался съ семьей какъ бы идя на великую опасность. Его провожали толпы. При заставѣ, Бальи въ качествѣ мера, подавая ключи города, привѣтствовалъ его словами звучавшими оскорбительною ироніей: „Это тѣ ключи которые были поднесены Генриху IV: онъ тогда только что покорилъ свой народъ; сегодня народъ покорилъ своего короля.“ Бальи повидимому не хотѣлъ сказать ничего оскорбительнаго. Онъ увлекся представившеюся ему эффектною фразой, составленною почти экспромтомъ. Въ своихъ запискахъ онъ разказывалъ что когда онъ отправлялся на встрѣчу королю, ему сказали что надлежитъ представить монарху ключи города. „Что же сдѣлаетъ съ ними король?“—Онъ передастъ ихъ вамъ.—„А я?“—Вы ихъ возьмете.—„Неужели понесу я эти огромные ключи? Я брошу ихъ въ первомъ углу“.—Остерегитесь, это драгоцѣнные ключи, они были поднесены Генриху IV.—„Это дало мнѣ, прибавляетъ Бальи, тотчасъ идею первыхъ строкъ моей рѣчи. Я наскоро прибавилъ ихъ карандашомъ.“ Привезли короля въ Думу, провели по лѣстницѣ подъ лѣсомъ пикъ, посадили на тронъ, дали кокарду, привѣтствовали рѣчами, сказали, пусть и самъ произнесетъ нѣсколько словъ. Онъ произнесъ: „всегда можете разчитывать на мою любовь!“ Отвезли назадъ. Семья встрѣтила его со слезами радости, какъ избавившагося отъ смерти.

П р і я т е л ь. Когда делутаты шествовали по Парижу, они какъ разказывалъ Бальи (II, 19), на улицѣ Сентъ-Оноре увидали замѣчательное зрѣлище, родъ торжественной процес-

сіи. Везли въ окруженіи милиціи, въ сопровожденіи хора военной музыки, одного garde français въ мундирѣ, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ, украшеннаго крестомъ Св. Лудовика. Экипажъ пріостановился. Депутаты, не зная даже въ чемъ дѣло, „поздравили тріумфатора и присоединили свои рукоплесканія къ рукоплесканіямъ толпы“. Кажется, говоритъ Бальи, это былъ „тотъ гардистъ который схватилъ г. Делоне и которому за то оставили крестъ сорванный съ коменданта“. Кто пожаловалъ ему этотъ крестъ? Пожаловало какое-то случайное собраніе гражданъ „во имя націи“ (*Révol.* № I, 15). Это никого не удивило и представлялось вполнѣ въ порядкѣ вещей. Гренадеръ потомъ было самъ задумался, принесъ крестъ въ Думу, но предсѣдатель гласныхъ сказалъ что не имѣетъ права принять крестъ: народъ пожаловалъ.

Пріятель. Сколько погибло при взятіи Бастиліи?

Авторъ. По описанію событія въ *Монитерѣ*, убитыхъ было восемдесятъ три, пятнадцать умерли отъ ранъ, семьдесятъ три были ранены. Счетъ, безъ сомнѣнія, гадательный.

Пріятель. А сколько заключенныхъ было освобождено?

Авторъ. По тому же описанію, семь человѣкъ; изъ нихъ четверо—дѣлатели фальшивыхъ документовъ.

Пріятель. Не много же было „жертвъ деспотизма“ въ страшной крѣлости.

Авторъ. Тѣмъ не менѣе паденіе ея всюду произвело сильное впечатлѣніе. Съ именемъ Бастиліи соединялось множество воспоминаній. Она казалась какимъ-то оплотомъ королевскаго самодержавія. Во Франціи имя ея давно было ненавистно. Во множествѣ наставленій (cahiers) какими избиратели снабдили своихъ представителей въ Генеральныхъ Штатахъ было указано уничтоженіе и срытіе Бастиліи. Понятно какое впечатлѣніе должно было произвести ея взятіе. Впечатлѣніе это отразилось и за границей. Рамбо въ рѣчи своей напоминаетъ что въ Италіи Альфіери, италіянскій знаменитый поэтъ, написалъ стихотвореніе: „Обезбастиленный Парижъ“; въ Англіи Фоксъ восторгался событіемъ и говорилъ что желалъ бы переѣхать проливъ чтобы взглянуть на развалины Бастиліи; въ Германіи Меркъ возглашалъ что взятіе Бастиліи полагаетъ первый камень счастія человѣчества...

Но вотъ что куріозно. Графъ Сегюръ, тогдашній французскій посолъ при Екатеринѣ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: Новость „при дворѣ произвела значительное возбуж-

деніе и общее неудовольствіе. Въ городѣ дѣйствіе было совсѣмъ противное. И хотя Бастилія навѣрно не грозила никому изъ жителей Петербурга, не могу передать какой энтузіазмъ ладеніе этой государственной тюрьмы и эта первая побѣда бурной свободы возбудили между негоціантами, купцами, въ среднемъ кругѣ и между нѣкоторыми молодыми людьми болѣе высокаго класса. Французы, Русскіе, Датчане, Нѣмцы, Англичане, Голландцы, всѣ на улицахъ поздравлялись взаимно и цѣловались какъ будто спала съ нихъ тяжелая цѣпь. Едва могу повѣрить этой глупости о коей разсказываю“ (Ségur, *Mem.*, III). Замѣть это происходило въ Петербургѣ.

Изъ этого разсказа Мишле сдѣлалъ такую картину (*Hist. de la Rév.* I, 110). „Въ *Россіи*, странѣ тайны и молчанія, въ этой чудовищной Бастиліи на рубежѣ Европы и Азіи, когда достигла туда вѣсть, люди всякихъ націй на улицахъ восклицали, плакали, бросились другъ другу въ объятія, сообщая новость: Какъ не плакать отъ радости—Бастилія взята!“ Г. Рамбо передаетъ анекдотъ въ неменѣе украшенной формѣ: „Въ *Россіи*, этой отдаленной странѣ, тогда едва составлявшей часть Европы, Русскіе и иностранцы обнимались на улицахъ, и вмѣсто того чтобы говорить какъ въ день Пасхи: Христосъ воскресъ, съ энтузіазмомъ повторяли два слова: Бастилія взята“.

Такимъ образомъ петербургскіе иностранцы историческою миѳологіей превращены въ Россію...

РАЗГОВОРЪ ДЕСЯТЫЙ.

П р і я т е л ь. День 14 іюля ознаменованъ еще однимъ кровавымъ эпизодомъ, убійствомъ тогдашняго купеческаго старосты (prévôt des marchands) Флесселя. Онъ былъ только три мѣсяца старшиной, имѣлъ повидимому враговъ. На сборищахъ въ Пале-Роялѣ составлялся между прочимъ списокъ лицъ которыхъ требовалось „устранить“, какъ говорятъ наши революціонеры. Онъ попалъ въ этотъ списокъ. Въ дни предшествовавшіе взятію Бастиліи, когда толпы приступали къ нему съ требованіями оружія, онъ не оказалъ достаточнаго рвенія; распустили слухи о его измѣнѣ. Утромъ 14го приходили въ Думу лица называвшія себя депутатами Пале - Рояля, требовали чтобы Флессель явился предъ гражданами собравши-

мися въ Пале-Роялѣ и обвиняющими его въ измѣнѣ: онъ де вотъ уже съ утра обманываетъ гражданъ обѣщаніями оружія и сносится между тѣмъ съ врагами, то-есть съ правительствомъ. На этотъ разъ Флесселю удалось отдѣлаться отъ непрошеннаго приглашенія. Но когда Бастилія была сдана, залы Думы наполнились побѣдителями, побѣжденными и толпами всякаго народа; вновь выступили невѣдомые обвинители, крича, — одни, что надо схватить Флесселя, отвести въ тюрьму какъ заложника, другіе—что онъ долженъ идти на судъ въ Пале - Рояль. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ, раздались общіе крики: „въ Пале-Рояль, въ Пале-Рояль!“ Флессель, все время сохранявшій спокойствіе, сказалъ: „ну пойдемте, господа, въ Пале-Рояль“, сошелъ съ эстрады, прошелъ чрезъ залу и вышелъ изъ Думы не подвергшись насилію. Но едва прошелъ онъ площадь предъ Думой, какъ неизвѣстная рука выстрѣлила въ него изъ пистолета, и онъ упалъ мертвый.

Пріятель. Улеглись ли волны, успокоился ли Парижъ послѣ взятія Бастиліи и „покоренія“ своего короля?

Авторъ. Нѣтъ, звѣрь только-что былъ спущенъ съ цѣпи. Членъ собранія Малуэ говорилъ что терроръ начался съ 14го іюля. Сцены разныхъ неистовствъ сдѣлались общимъ явленіемъ. 22е іюля было вновь „днемъ звѣрства и траура“, какъ выразился о немъ Бальи. „Не стану,—пишетъ въ своихъ запискахъ де-Ферьеръ о дняхъ послѣдовавшихъ за 14е іюля,—приводить утомительный и тяжелый списокъ послѣдовавшихъ душегубствъ, грабежей, пожаровъ, кражъ, убійствъ. Но скажу моему вѣку, скажу потомству, что Національное Собраніе разрѣшило эти убійства и пожары, что одинъ членъ этого собранія, молодой Барнавъ, осмѣлился сказать съ трибуны:—развѣ такъ уже чиста эта кровь что надо жалѣть о ея пролитіи;—что въ минуту когда Лалли Толандаль, скорбно пораженный бѣдствіями его несчастнаго отечества, предлагалъ и съ мольбою призывалъ средства мягкія, легкія, но которыя тогда способны были оказать цѣлительное дѣйствіе, Собраніе отклонило эти средства, потомъ съ упорствомъ совсѣмъ въ нихъ отказало и приняло только когда своими преступными интригами обезпечило ихъ безполезность. Напрасно (засѣданіе 20го іюля) восклицалъ Лалли:—Слагаю со своей совѣсти несчастія какія произойдутъ отъ вашего отказа; умываю руки на кровь которая можетъ пролиться!—Крики ярости поднялись со

всѣхъ сторонъ. Одинъ депутатъ бросился къ Лалли и съ заносчивостью кричалъ что Лалли злоупотребляетъ своею популярностью. Мирабо упрекалъ его что онъ чувствуетъ тамъ гдѣ надо думать.—Націи нужны жертвы, сказалъ онъ со свирѣпымъ взглядомъ; надо одервянить себя (s'endurcir) на всѣ частныя бѣдствія; только этою цѣной можно сдѣлаться гражданиномъ."

На листѣ обреченныхъ были парижскій интендантъ Бертье и тесть его Фулонъ, директоръ департамента военнаго министерства. Фулонъ какъ-то узнавъ о грозящей ему опасности, распустилъ слухъ о своей смерти. Чтобы придать болѣе вѣры слуху, были даже совершены пышныя похороны одного изъ его слугъ, умершаго въ это время. Фулонъ укрылся въ имѣніе около Вири, но тамъ былъ найденъ и выданъ собственными крестьянами. Рано утромъ, 22го іюля, его пѣшкомъ привели въ Парижъ съ котомкой сѣна за плечами, въ ошейникѣ изъ релейника (было распущено будто Фулонъ въ минуту наибольшей дороговизны хлѣба сказалъ про народъ: „пусть ѣстъ траву; ѣдятъ же ее мои лошади"). Члены Думы, собравшись въ засѣданіи, разсуждали: что̀ дѣлать съ Фулономъ и какъ вообще поступать въ подобныхъ случаяхъ. Не уступить „народу побѣдившему Бастилію" было невозможно. Порѣшили придумать новое преступленіе, *оскорбленіе націи*, crime de lèse-nation, и соотвѣтствующую процедуру для суда надъ нимъ. „Каждый подозрѣваемый въ преступленіи оскорбленія націи, обвиняемый и схваченный,—или могущій быть въ послѣдствіи схваченнымъ, на основаніи общественной молвы,—отводится немедленно въ тюрьму Сенъ-Жерменскаго аббатства." Двое гласныхъ были уполномочены представить это распоряженіе Національному Собранію и просить его установить порядокъ суда надъ преступниками этого новаго рода. Не такой процедуры требовала толпа наполнившая залу Думы. Пробовалъ уговаривать ее Бальи. Не много помогло. Опасаясь чтобы толпа въ залѣ же не бросилась на Фулона, его перевели въ сосѣднюю комнату; изъ окна показывали народу дабъ удостовѣрить что плѣнникъ не убѣжалъ. Но затѣмъ чернь, сломавъ рѣшетку, оттолкнула стражу, новою шумною толпой наполнилъ дворъ, лѣстницу, залу Думы. Добившись кое-какъ молчанія, члены Думы представляютъ толпѣ что Фулона слѣдуетъ судить и для того надлежитъ предать въ руки правосудія. „Судить сейчасъ и повѣсить", слышится въ

толпѣ. Но Дума, замѣчаетъ одинъ изъ членовъ, не имѣетъ права назначать судей; въ виду неотложности, ихъ можетъ назначать только народъ. Это понравилось. Давай назначать судей. Двое священниковъ попавшихъ въ число назначенныхъ шести послѣшили уклониться, ссылаясь что по законамъ церкви не могутъ приговаривать къ смерти. „Народъ“ назначаетъ на ихъ мѣсто Лафайета и Бальи. „Къ счастію, говоритъ Бальи, меня въ это время не было, а посылать не сочли нужнымъ.“ Назначили другаго. Но за Лафайетомъ послали. Въ чемъ долженъ я обвинять Фулона? спрашиваетъ членъ вынужденный принять обязанность прокурора. Обвиняй что хотѣлъ притѣснить народъ, говорилъ что заставитъ его ѣсть траву, хотѣлъ чтобы было объявлено государственное банкротство, барышничалъ хлѣбомъ. Явился популярный Лафайетъ и обратился къ толпѣ въ красивою рѣчью, стараясь отклонить немедленный судъ и доказывая что надлежитъ прежде подвергнуть Фулона строгому допросу по закону, чтобъ узнать его сообщниковъ. „Я прикажу, заключилъ Лафайетъ, отвести его въ тюрьму.“ Фулонъ бормоталъ: „почтенное собраніе, народъ справедливый и великодушный; вѣдь я между согражданъ, я не боюсь.“ Но онъ имѣлъ неосторожность во время рѣчи Лафайета обнаружить удовольствіе. Это возбудило подозрѣніе. Впрочемъ. и безъ того гибель его была рѣшена. „На площади и даже въ залѣ, говоритъ Бальи, были замѣчены какія-то лица прилично одѣтыя которыя въ толпѣ возбуждали ее къ жестокости.“ „Чего тутъ судить человѣка который тридцать лѣтъ уже осужденъ!“ вскрикнулъ кто-то. Лафайетъ принимался нѣсколько разъ говорить, но все было безполезно. Въ залу прибываютъ новыя толпы, слышатся крики что Пале-Рояль и Сентъ-Антуанское предмѣстье идутъ захватить плѣнника. Толпа бросается къ стулу гдѣ сидѣлъ Фулонъ, опрокидываетъ. Лафайетъ громко произноситъ: „отведите его въ тюрьму“. Но онъ уже въ рукахъ толпы. Его выводятъ на площадь и влекутъ къ фонарю чтобы повѣсить. Веревка (описаніе де-Ферьера, I, 157) обрывается, ее связываютъ, но она обрывается и второй разъ. Нѣкоторые хотятъ саблями прекратить мученія несчастнаго, другіе удерживаютъ. Съ четверть часа ждутъ новой веревки; наконецъ убійство свершается. У трупа отрубаютъ голову, влагаютъ ей сѣна въ

ротъ, втыкаютъ на пику и несутъ этотъ страшный трофей въ Пале-Рояль и по улицамъ Парижа.

Между тѣмъ интендантъ Бертье, зять Фулона, также захваченъ. Его ведутъ съ дикимъ торжествомъ по Парижу; по бокамъ его два солдата приставляющіе штыки къ его груди, вокругъ какія-то бабы поющія и скачущія, мущины со значками и барабанами (по словамъ де-Ферьерра). Одна процессія встрѣчается съ другою. Толла несущая голову Фулона подноситъ ее на пикѣ къ самому лицу Бертье. Въ Думѣ повторяется почти то же что̀ съ Фулономъ. На этотъ разъ не Лафайетъ, а Бальи говоритъ: отведите его въ тюрьму. Толпа точно также вырываетъ жертву изъ рукъ стражи, но не ведетъ вѣшать, а убиваетъ на мѣстѣ. Какой-то драгунъ съ ожесточеніемъ изъ внутренности теплаго еще трупа вырываетъ сердце, вбѣгаетъ въ залу Думы и, показывая кусокъ окровавленнаго мяса, кричитъ: вотъ сердце Бертье, (описаніе Бальи и другихъ). Ужасный фактъ этотъ упоминается и въ думскомъ протоколѣ, въ концѣ котораго значится: „Зрѣлище сіе распространило чувство ужаса въ собраніи; нѣкоторые гласные сдѣлали знакъ этому человѣку выйти, и онъ удалился сопровождаемый толпой издававшею крикъ радости. Пришли другіе, говоря что принесена голова Бертье и уже находится на лѣстницѣ. Г. маркизъ де-Лафайетъ и г. Моро де-Сенъ-Мери пригласили этихъ лицъ замѣтить народу что Собраніе занято очень важными дѣлами...

Пріятель. Не можетъ принять милыхъ гостей.

Авторъ.... и просили постараться чтобы голову не вносили въ залу. Это имѣло желаемый успѣхъ.“

Пріятель. Любопытно сравнить это описаніе съ описаніемъ тѣхъ же событій въ *Révolutions de Paris*. Факты переданы тѣ же и довольно точно, но выставлены въ освѣщеніи внушительнаго ужаса тиранамъ. „Трепещите и смотрите какъ поступаютъ съ вами и вашими родственниками!... Деспоты и министры, какіе грозные уроки! Думали ли вы что Французы способны къ такой энергіи?.. Хотите ли знать докуда можетъ довести ихъ ярость? Знайте же предѣлы ихъ ожесточенія! Сердце осужденнаго измѣнника носили по улицамъ на концѣ ножа. И что̀ же? Въ публичномъ мѣстѣ, кто бы повѣрилъ? Французы, чувствительныя существа... Боги! они дерзнули мокать обрывки мяса и капать кровь въ свое питье и такъ съ остервенѣніемъ утолять свою ненависть.

Французы, вы истребляете тирановъ, ваша ненависть возмутительна, ужасна! Но наконецъ вы будете свободны!"

Авторъ. Объ этомъ возмутительномъ фактѣ уломинаетъ и де-Феррьеръ. Въ *Révolutions de Paris* указывается и кафе гдѣ онъ произошелъ: на улицѣ Сентъ-Оноре, рядомъ съ кафе Ришелье (и нынѣ есть тамъ же кафе этого имени). Это обокъ съ Пале-Роялемъ. Вотъ значитъ гдѣ засѣдали тѣ лица которымъ почему-то особенно требовалась смерть Бертье.

Пріятель. Кто были люди желавшіе погубить Бертье и Фулона и о присутствіи которыхъ въ толпѣ,—на площади и въ залѣ Думы, — нѣсколько разъ уломинаетъ Бальи. Кто натравливалъ чернь?

Авторъ. Это остается неизвѣстнымъ. Мишле, котораго революціонный лаѳосъ нѣсколько ослабѣваетъ въ виду варварскихъ неистовствъ толпы, не безъ лукавства, не принимая на себя отвѣтственности, передаетъ: многіе де думали что народъ поджигали сообщники Бертье, которымъ важно было чтобъ онъ не сдѣлалъ раскрытій! Вотъ ло истинѣ съ больной головы да на здоровую. Во всякомъ случаѣ событія эти едва ли имѣли прямое политическое значеніе. Это были ужасы по случаю революціи, явленія страшной анархіи. Въ описаніи дней 5 и 6 октября 1789 можемъ ознакомиться съ неистовствами самой революціи. То было подготовленное движеніе чисто политическаго свойства.

Пріятель. Ужасаютъ отвратительныя сцены неистовствъ; но не очень пріятное впечатлѣніе производитъ и фальшь людей льстящихъ толпѣ. Уступали члены Думы трепеща за свою жизнь, это понятно. Но за что трепеталъ уступая Лафайетъ? Жизни его не могла грозить опасность. Онъ трепеталъ не повредить бы своей популярности. Придя въ Думу, онъ прежде всего (Bailly, II, 107) выразилъ неудовольствіе, зачѣмъ тамъ много стражи: призвать ее распорядился было одинъ изъ его подчиненныхъ. Лафайетъ поспѣшилъ удалить бо́льшую часть солдатъ, такъ что Дума осталась безъ защиты. Въ рѣчахъ своихъ, онъ льститъ толпѣ, скрывая свои намѣренія. Обманываетъ и товарищей своихъ объявляя, въ минуту разыгравшихся безпорядковъ свое рѣшеніе подать въ отставку. Тѣ конечно упрашиваютъ остаться. „Условлено было, говоритъ Тьеръ въ своей *Исторіи*, что Лафайетъ подастъ въ отставку, но лишь для того чтобы дать почувствовать народу свое неудовольствіе, а затѣмъ останет-

ся сдавшись на просьбы, какія неминуемо послѣдуютъ. Дѣйствительно, народъ, милиція окружили его и обѣщали полное повиновеніе. Онъ принялъ вновь команду на этихъ условіяхъ.“ Мнѣ кажется лучше бы прежде не отсылать солдатъ.

Авторъ. И у государь-народа, котораго Бальи, не мало тоже старавшійся популярничать,—по необходимости впрочемъ положенія,—не могъ не сравнить съ константинопольскимъ деспотомъ, есть куртизаны фальшивые не менѣе чѣмъ придворные интриганы. Но кто же этотъ государь? Никто и всѣ; первая толпа подзадоренной сволочи руководимой мерзавцами, какъ съ очевидностію было въ этомъ случаѣ. И ей приходилось кланяться называя это свободой.

Пріятель. Есть куртизаны, есть и пѣвцы. Къ этой эпохѣ относится знаменитый памфлетъ *Рѣчь Фонаря* (*Discours de la Lanterne aux Parisiens*) Камиля Демулена, который тогда еще не издавалъ своего журнала. Демуленъ зоветъ себя въ этомъ памфлетѣ генералъ-прокуроромъ Фонаря (procureur général de la Lanterne). Эти преступные смѣшки, это поджигательное остроуміе много содѣйствовали тому чтобы лишить въ глазахъ толпы звѣрскую расправу ужасающаго, отвратительнаго характера. Вотъ начало рѣчи *Фонаря* (Hatin, *Histoire de la presse*, V, 323): „Храбрые Парижане, какъ мнѣ васъ отблагодарить. Между всѣми фонарями вы навсегда сдѣлали меня славнымъ и благословляемымъ. Что предо мною фонарь Созія или фонарь Діогена? Тотъ искалъ человѣка, а я нашелъ ихъ двѣсти тысячъ. Въ спорѣ моемъ съ этимъ Людовикомъ XIII *, моимъ сосѣдомъ, я принуждалъ его сознаться что я больше его заслужилъ наименованіе Справедливаго. Каждый день наслаждался я экстазомъ нѣсколькихъ путешественниковъ, англійскихъ, голландскихъ, нидерландскихъ, созерцающихъ и дивящихся. Вижу что они въ себя не могутъ придти какъ фонарь въ два дня сдѣлалъ больше чѣмъ всѣ ихъ герои во сто лѣтъ.“ Въ дальнѣйшемъ, авторъ, еще болѣе престулный чѣмъ легкомысленный, указываетъ народной ярости цѣлый списокъ лицъ: Безенваля, Ламбеска, Конти, Конде, Д'Артуа и другихъ; хотя вмѣстѣ съ тѣмъ на словахъ и призываетъ къ умѣренности, порицая послѣпность и высказывая желаніе фонаря поскорѣе засвѣтить прежнимъ свѣтомъ. Любопытно что Мишле,

* Это была вывѣска суконщика сосѣдняго съ фонаремъ на Гревской площади.

непремѣнно желающій ввернуть что-нибудь оправдательное, почему-то вообразилъ будто въ *Фонарѣ* „Демуленъ съ неистощимымъ оживленіемъ возобновилъ старыя средневѣковыя шутки о висѣлицѣ, веревкѣ, повѣшенныхъ и т. д.“ Ничего подобнаго замѣчаетъ авторъ *Исторіи печати*, нѣтъ въ *Фонарѣ*.

Авторъ. По поводу убійства Фулона и Бертье появился еще отвратительный памфлетъ: *Погребальное шествіе, похороны и погребеніе превысокихъ и преславныхъ господъ Фулона, президента, и Бертье де-Савиньи, парижскаго интенданта, внезапно скончавшихся на Гревской площади и погребенныхъ.... въ ихъ приходѣ.* Смерть Фулона разказывается въ памфлетѣ въ слѣдующемъ тонѣ. „По прибытіи къ оной фатальной висѣлицѣ обернули веревочку вокругъ благородной выи господина Фулона и, несмотря на выдѣлываемые имъ разныя манеры и тщетное сопротивленіе, внезапно его приподняли. По непредвидѣнному случаю веревка вдругъ оборвалась, что̀ и было причиной что онъ только немножко былъ приподнятъ отъ земли. Затѣмъ нашъ человѣчекъ упалъ на землю. Но исполнители казни, народъ не унывающій, исправили веревку и вновь приподняли человѣчка; онъ дрягался какъ чортъ въ кропильницѣ. Такъ приподнятый, онъ получилъ знаки почтенія приличествующіе человѣку вызывавшему отставку г. Неккера, нашего отца, нашего спасителя.“ (Приложеніе къ запискамъ Бальи I, 419).

РАЗГОВОРЪ ДЕСЯТЫЙ.

Авторъ. Іюльскія событія, унизивъ королевскую власть, подняли значеніе Собранія. Оно стало преобладающею силой въ странѣ. Такъ по крайней мѣрѣ казалось. Въ минуты страха и опасности, въ немъ обнаружилось нѣкоторое единодушіе. Всѣ дѣйствовали согласно. Едва улеглось волненіе, Собраніе съ нѣкоторою бодростью обратилось къ разработкѣ конституціонныхъ вопросовъ. Но и единодушіе было мимолетное и преобладаніе кратковременное. На первый планъ пробивалась новая сила. Эту силу общимъ именемъ можно назвать Парижъ. Сила эта была неорганизованная, анархическая, но тѣмъ не менѣе сила. Съ появленіемъ общей анархіи каждая группа людей, каждая толпа являлась какъ власть. Въ Парижѣ какъ центрѣ это чувствовалось всего сильнѣе. Каждый

выступавшій на арену политики, а къ политикѣ были въ то время привлечены всѣ умы, ощущалъ себя властію и въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ, — это именовалось свободой. Серіозно возбуждался вопросъ, имѣетъ ли право каждый гражданинъ надѣть мундиръ національной гвардіи. (*Rév. de Paris*, № XI, 6.) Представь себѣ: всѣ въ мундирахъ!

Пріятель. Черта замѣчательно французская, и какая живучая. Не далѣе какъ почти вчера г. Рамбо въ своей рѣчи на „Праздникѣ Школъ“ съ нѣкоторымъ пафосомъ говорилъ: „Революція была сдѣлана не затѣмъ чтобъ уничтожить дворянство, но чтобы дать дворянство всѣмъ. Двухсотъ тысячъ дворянъ во Франціи было слишкомъ мало. Хотѣли чтобы въ націи изъ двадцати пяти милліоновъ человѣкъ было двадцать пять милліоновъ дворянъ!“ Фраза произвела эффектъ и вызвала рукоплесканія. Поневолѣ вспомнишь одно патріотическое стихотвореніе эпохи Крымской войны:

Ахъ какъ весело душѣ
Быть Россіи сыномъ!
Это самое уже
Не сравнится съ чиномъ.

Авторъ. Главныя группы гражданъ въ Парижѣ были слѣдующія. Вопервыхъ, собраніе разнородной толпы въ Пале-Роялѣ, „этомъ, по выраженію *Révolutions de Paris*, мѣстѣ свиданія всѣхъ добрыхъ патріотовъ Парижа и провинцій, не могущихъ ходить въ округа“. „Въ Парижѣ, читаемъ въ этомъ журналѣ (№ IV, 20, августъ 1789), сорокъ тысячъ пришельцевъ ломѣщающихся въ меблированныхъ комнатахъ, не считающихся обывателями, но тѣмъ не менѣе гражданъ. Не входя въ составъ Парижской Общины, они не могутъ присутствовать на собраніяхъ въ округахъ. Но такъ какъ въ округахъ часто обсуждаются предметы интересующіе не одну общину, но всю Францію, то эти пріѣзжіе незамѣтно образовали свой округъ, каковымъ и служитъ Пале-Рояль“. Пале-Рояль, то-есть садъ сзади Палероялькаго дворца Орлеанскаго принца, окаймленный магазинами, кофейнями, домами игры и разврата, сдѣлался своего рода учрежденіемъ, производилъ выборы, постановлялъ рѣшенія, посылалъ депутатовъ въ Думу, въ Національное Собраніе, грозилъ и приказывалъ. Такъ и назывались и въ протоколы заносились „депутаты Пале-Рояля“. Далѣе, каждый округъ Парижа (по нашему часть,

ихъ было шестьдесятъ) считалъ себя полновластнымъ и, если вздумается, не подчинялъ себя центральному городскому управленію, которое въ іюльскіе дни захватили въ свои руки парижскіе избиратели (électeurs); потомъ оно перешло ко ста восьмидесяти, затѣмъ къ тремъ стамъ представителей (représentants) съ меромъ и командиромъ національной гвардіи во главѣ. Округа не стѣснялись въ своихъ распоряженіяхъ. Они налагаютъ печати, дѣлаютъ домовые обыски, арестуютъ, держатъ подъ стражей. „Не смѣшно ли, обличаетъ ихъ дѣйствія одинъ адвокатъ въ письмѣ въ редакцію *Révolutions de Paris* (№ XII, 20), видѣть какъ люди которыхъ все знаніе и искусство состоитъ въ томъ чтобъ отмѣрить локоть сукна, отвѣсить полфунта сахару, нацѣдить кружку вина и т. д., возводятъ себя въ судебные трибуналы и требуютъ чтобы патрули отводили арестованныхъ по ихъ приказанію. Въ такихъ трибуналахъ своихъ они составляютъ протоколы неправильные по формѣ, жалкіе по слогу, съ удивительною орѳографіей.“ Редакція не рѣшается пристать ко мнѣнію адвоката и подсмѣивается что онъ желалъ бы всю муниципальную власть передать въ руки адвокатовъ, тогда какъ ихъ и такъ уже около сотни въ числѣ трехсотъ думскихъ представителей. Вся эта масса политикующихъ гражданъ составляла верхній шумящій революціонный слой, питавшійся слухами, рѣчами, журнальными статьями, афишами, брошюрами, памфлетами. Газеты, со времени іюльскихъ событій, умножившіяся новыми изданіями (*Révolutions de Paris* съ 17го іюля, журналъ Марата *Ami du peuple* съ 12го сентября 1789), быстро поднялись въ значеніи и стали сильнымъ орудіемъ агитаціи. Весьма глубокій анализъ состоянія умовъ общества, для котораго единственною умственною пищей стали газетныя статьи и всякаго рода произведенія политическаго ораторства, сдѣлалъ редакторъ *Французскаго Меркурія (Mercure de France)*.

Пріятель. Малле дю-Панъ (Mallet du Pan)? Это былъ дѣйствительно независимый и честный журналистъ той эпохи, человѣкъ либеральный не въ искаженномъ смыслѣ этого слова, до послѣдней крайности боровшійся за свободу мнѣнія, въ эпоху когда слово свобода не сходило съ языка, на дѣлѣ же господствовала крайняя нетерпимость мнѣній.

Авторъ. Вотъ что писалъ онъ (Hatin, *Histoire de la presse en France*, V, 78): „Писательство (l'écrivallerie), говорилъ наблюдательный Монтань, есть симптомъ разстатаннаго време-

ни. Мы печальный примѣръ этой истины. Если неистовства революціи не встрѣтили никакого препятствія, если насиліе сдѣлалось ея единственною движущею силой, если разумные граждане потеряли всякое вліяніе, если терроръ оледенилъ всякое мужество, даже мужество разума; если бо́льшая часть событій представляютъ собою лишь борьбу безнравственности со слабостію, если въ потокѣ столькихъ переворотовъ такъ мало встрѣчается благородныхъ чувствъ и энергическихъ дѣйствій, проявлявшихся среди самыхъ ужасныхъ революцій, то одну изъ главнѣйшихъ причинъ этого мы должны искать, не сомнѣваюсь, въ томъ именно характерѣ какой придало общественнымъ нравамъ писательство и привычка къ женски-нервному разслабленію. Всякій искалъ защиты въ брошюрахъ. Притѣснители сдѣлали изъ нихъ арсеналъ своей тираніи, притѣсняемые дѣятелямъ печати передавали заботу о своемъ отмщеніи... Читатели этихъ діатрибъ чувствовали себя утѣшенными, почти торжествующими, находя въ каждомъ писаніи побѣду, и успокоивались на удивительномъ дѣйствіи этихъ памфлетовъ, забытыхъ чрезъ недѣлю послѣ ихъ появленія. Среди всѣхъ безпорядковъ и несчастій смотрѣли на революцію какъ на фехтованіе разсужденій, краснорѣчія и оскорбительныхъ нападокъ. Когда такимъ образомъ человѣкъ пріучается судить и чувствовать чрезъ другаго, онъ самъ становится неспособнымъ ни къ малѣйшему усилію. Что̀ умъ выигрываетъ въ удовольствіи, то характеръ теряетъ въ энергіи... Среди общественныхъ бурь люди предназначаются дѣйствовать, а не читать. Всюду гдѣ замѣтите противное, вы необходимо усмотрите и признаки вырожденія: головы погруженныя въ океанъ печатныхъ глупостей неспособны ни на какія самостоятельныя дѣйствія. Не ждите отъ нихъ ни величія, ни энергіи. Этотъ лощеный тростникъ, согнувшись подъ ударами вѣтра, никогда не поднимется.“

Пріятель. Еслибы тутъ не говорилось о революціи и я прочелъ эти строки не зная откуда онѣ заимствованы, признаюсь, подумалъ бы что дѣло идетъ о насъ. Чѣмъ питается наше общество и наше юношество какъ не фельетонною мудростью? Гдѣ болѣе чѣмъ у насъ головы погружены въ океанъ печатныхъ глупостей? Къ революціи, Богъ дастъ, мы не придемъ, но за умственное и нравственное разслабленіе наше не мало отвѣтственно наше „писательство“.

Авторъ. Не легко было Малле дю-Пану сохранить независимость сужденій. „Нынѣ, писалъ онъ послѣ октябрьскихъ событій, *мнѣніе* съ желѣзомъ и веревкой въ рукѣ даетъ свои предписанія. Вѣрь или умри, вотъ анаѳема съ горячностью произносимая, и произносимая во имя свободы!.. Тщетно среди столькихъ подводныхъ камней избирать путь умѣренности. Умѣренность стала преступленіемъ. Тщетно съ чистымъ намѣреніемъ искать общественнаго блага и истины: столько развращенныхъ перьевъ профанируютъ эти святыя имена. Что остается если не желаешь самъ ихъ профанировать? Остается или быть выброшеннымъ какъ ветошь или подвергнуться преслѣдованіямъ!... Нѣкоторый классъ писателей смотритъ на свои мнѣнія какъ на догмы, на свои рѣшенія какъ на прорицаніе оракула, на свои пересказы какъ на протоколы. Приметъ кто другія идеи,—что говорю я?—выразитъ какое-нибудь сомнѣніе, предложитъ измѣненіе: яростный голосъ деспотизма обличаетъ, терзаетъ, поноситъ все ему противящееся. Уйдя отъ меча цензуры, мы попадали подъ душегубство нетерпимости... Область преступленій печатнаго слова вдругъ разрослась какъ только объявлена независимость печати. Придумано новое преступленіе—оскорбленіе націи, crime de lèse-nation; въ него возводятся ошибки разсужденія, иногда и самъ разумъ. Эшафотъ можетъ сдѣлаться наказаніемъ поступка который и тираны рѣдко осмѣливались наказывать смертію. И кто доноситъ? Кто преслѣдуетъ? Кто судитъ? Всякій кто хочетъ захватить власть: частныя лица, муниципалитеты, округа, комитеты, клубы, политическія сообщества. Какъ ускользнуть отъ этой цѣпи наблюдателей, доносчиковъ, самовольныхъ уполномоченныхъ, преслѣдующихъ человѣческій умъ и общественный разумъ?.. Когда каждое частное сообщество беретъ на себя представлять силу націи и общественную власть, можетъ самовольно заставить замолчать законъ, противопоставить желанія народа священнымъ правамъ гражданъ, предавать ихъ анаѳемѣ и приводить рѣшеніе въ исполненіе,—тогда общество находится въ разложеніи, невинность не имѣетъ прибѣжища, и конституція становится не инымъ чѣмъ какъ отсутствіемъ всякаго правительства.“ Когда въ Собраніи обсуждался конституціонный вопросъ о королевской санкціи для того чтобы какой-либо законъ вошелъ въ силу и о королевскомъ *veto*, къ Малле явились четверо яростныхъ „патріотовъ“ и грозили пистолетомъ если онъ осмѣлится держаться

мнѣнія о необходимости такой санкціи. Угрозы и такія же посѣщенія повторились когда онъ одинъ осмѣлился представить вѣрную картину происходившаго въ Версалѣ 5 и 6 октября 1789 года. Въ концѣ 1790 года къ нему пришло нѣсколько „делутатовъ отъ патріотическихъ обществъ Пале-Рояля“, также съ требованіемъ отказаться отъ своихъ мнѣній. „Лишать, возразилъ онъ, свободы говорить и писать значитъ нарушать конституцію“.—„Конституція, отвѣчалъ одинъ изъ делутатовъ, есть общая воля, законъ есть воля сильнѣйшаго. Вы подъ властію сильнѣйшаго и должны подчиниться. Мы выражаемъ вамъ волю націи, и это—законъ... Вамъ воспрещается идти противъ господствующаго мнѣнія.“ Вотъ какъ понималась свобода въ эпоху казавшуюся ея торжествомъ!

Пріятель. Не забудемъ что Малле нисколько не былъ приверженцемъ стараго порядка и держался англійскихъ конституціонныхъ идей.

Авторъ. Нижній революціонный слой составляла уличная толпа праздной черни, голодной и подкупной, являвшейся готовымъ орудіемъ безпорядковъ. Дюсо, въ пышной реторической рѣчи о взятіи Бастиліи обращенной къ „отцамъ отечества“ и произнесенной въ Собраніи 6 февраля 1790, описывая свое впечатлѣніе во время эпизода съ Флесселемъ, при переходѣ изъ залы гдѣ засѣдалъ постоянный комитетъ въ большую залу Думы, не могъ удержаться чтобы не сказать: „Новое зрѣлище поразило мои взоры. Всѣ лавки были засажены гражданами вооруженными какъ дикіе. Но какими гражданами? Такихъ въ бѣлый день встрѣчать не случалось. Откуда они вышли? Кто вывелъ ихъ изъ мрачныхъ убѣжищъ? Кто? О, если это любовь къ свободѣ! Она такъ чревата удивительными явленіями!“ Съ водвореніемъ анархіи всякая промышленная дѣятельность прекратилась, множество достаточныхъ людей покинули столицу; массы фабричныхъ, мастеровыхъ всякаго рода прислуги остались безъ работы и мѣстъ. А масса пришлецовъ все прибывала. Несмотря на усиленныя старанія снабдить Парижъ провіантомъ, хлѣбъ былъ дорогъ. Бальи, за четыре дня до разыгравшихся въ октябрѣ безпорядковъ, писалъ 1 октября Неккеру (любопытное письмо это приведено у *Buchez et Roux*, IV, 186): „Не могу изобразить вамъ какое изумительное число несчастныхъ насъ осаждаетъ... Все въ Парижѣ находится въ застоѣ заставляющемъ содрогаться, особенно когда подумаешь что вслѣдствіе

его бо́льшая часть рабочихъ этого огромнаго города приведена къ состоянію абсолютнаго бездѣлья. Чѣмъ грозитъ намъ предстоящая зима? Нуждою тѣмъ болѣе ужасающею что она падаетъ на классъ самый неимущій и наиболѣе способный воспламеняться. Вы были такъ добры, озаботились устройствомъ благотворительныхъ мастерскихъ, но число несчастныхъ тамъ занятыхъ простирается только до четырехъ тысячъ. Было бы очень желательно увеличить ихъ число и даже довести его до восьми тысячъ, принимая предосторожность раздѣлять работающихъ и удалять ихъ другъ отъ друга.“ Мастеровые разнаго рода собираются толпами, толкуя о своемъ положеніи, постановляя рѣшенія. Четыре тысячи лакеевъ безъ мѣста совѣщаются въ окрестностяхъ Лувра и требуютъ чтобъ изъ Парижа были высланы Савояры, такъ какъ дѣлается имъ конкурренція. „Господа портные, читаемъ въ *Révol. de Paris* (№ VI, 15), собрались сегодня (18 августа) на лугу противъ Лувра въ числѣ около трехъ тысячъ и чтобы не вошелъ никто посторонній приняли особый знакъ—показывать палецъ истыканный иголкою отъ шитья; только съ такимъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ пропускали въ кругъ.“ Портные постановили чтобъ ихъ день оплачивался по сорока су и чтобы продавцамъ старой одежды воспрещено было изготовлять новыя платья. Въ *Rév. de Paris* высказывается удовольствіе что собраніе обошлось безъ всякаго безпорядка.

П р і я т е л ь. Не любилъ этихъ собраній Баньи. „Въ дождливые дни я еще былъ спокоенъ“, замѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ. Любопытная метеорологія революціи.

А в т о р ъ. Въ концѣ августа 1789 была первая проба вмѣшать Парижъ въ рѣшеніе вопросовъ обсуждаемыхъ въ Національномъ Собраніи. На очереди было обсужденіе правъ короля по отношенію къ изданію законовъ. Можетъ ли король отказать въ утвержденіи закона принятаго палатой, и если можетъ, то долженъ ли отказъ этотъ, — это королевское *veto*, — имѣть абсолютную силу или только временную до извѣстнаго срока. Революціонеры желали отнять у короля всякое право запрета или по крайней мѣрѣ обставить его условіями которыя по возможности парализовали бы его силу. Но партія *veto* была сильна въ Собраніи, заключавшемъ въ себѣ еще много монархическихъ элементовъ. Пришлось прибѣгнуть къ Парижу. „Тайные агенты, говоритъ

де-Ферьеръ, были разсѣяны въ клубахъ, въ кофейняхъ. „Есть, говорили они, стачка между дворянствомъ, духовенствомъ и ста депутатами средняго сословія чтобы доставить королю право абсолютнаго *veto*. Король наложитъ запретъ на декреты 4 августа и уничтожитъ то что̀ сдѣлало въ эту знаменитую ночь Собраніе на благо народа". 29 августа Пале-Рояль взволновался. Кто-то предложилъ идти въ Версаль, очистить Собраніе, короля привезти въ Парижъ. На этотъ разъ дѣло ограничилось проектомъ. Впрочемъ полторы тысячи человѣкъ все-таки двинулись 30 августа, но были остановлены при заставѣ и вынуждены были вернуться въ Парижъ. Въ округахъ въ свою очередь волновались по случаю *veto*. Округъ Сентъ-Оноре требовалъ отъ думскихъ представителей чтобъ они побудили Національное Собраніе пріостановиться пока всякимъ рѣшеніемъ касательно *veto*. Собраніе представителей имѣло благоразуміе отвѣчать „что оно не считаетъ за городомъ Парижемъ права пріостанавливать пренія Національнаго Собранія" (*Rév. de Paris*, № XI, 16). Депутаты отъ Пале-Рояля являлись въ Версаль къ Лалли Толандалю съ заявленіемъ что „Парижъ не хочетъ *veto*, считаетъ измѣнниками тѣхъ кто хотятъ *veto* и наказываетъ измѣнниковъ".

Пріятель. Агитація по случаю *veto* во всѣхъ слояхъ парижскаго населенія вела между прочимъ и къ комическимъ явленіямъ. „Въ воскресенье, читаемъ въ № VIII *Révol. de Paris*, подъ рубрикой: „подробности о четвергѣ 3 сентября",— одинъ рабочій слыша горячія рѣчи противъ *Veto* спрашивалъ а изъ какого онъ округа? Другой говорилъ что такъ какъ этотъ *veto* всѣхъ безпокоитъ, то его надо вздернуть на фонарь."

Авторъ. Это напоминаетъ анекдотъ о Ювеналѣ передаваемый въ біографіи Бальи предпосланной его запискамъ (въ изданіи гг. Бервиля и Барьера). Въ концѣ октября 1789 народъ собравшійся вкругъ Думы со страшными криками требовалъ хлѣба. Избиратель, Дюсо, старикъ внушительной наружности, обладавшій звучнымъ голосомъ, рѣшился выйти уговаривать народъ. Вышелъ онъ на площадь, сталъ на эстраду, назначенную для прокламацій, и началъ рѣчь. „Господа, вы видите предъ собою переводчика Ювенала." Едва произнесъ онъ это слово какъ начался шумъ. „Кто такой Ювеналъ? Аристократъ, должно-быть! На фонарь Ювенала! На фонарь и этого говоруна! Намъ нужно хлѣба.

Дастъ ли его Ювеналъ.“ Дюсо уже схватили, хотѣли тащить къ фонарю, и только заступничество подоспѣвшаго Бальи, тогда еще популярнаго, и объявившаго: „Дюсо мой другъ“, спасло оратора.

Пріятель. Нѣсколько странно было обращаться къ оборванной толпѣ съ рѣчью о Ювеналѣ. Ораторство обуявшее Францію побуждало выступать съ болѣе или менѣе литературно обдѣланными рѣчами, даже въ минуты когда бы кажется не до рѣчей. Припомни краснорѣчивыя обращенія Лафайета къ неслушающей толпѣ въ минуты неистовыхъ требованій. Вѣроятно эти разные экспромты заготовлялись заранѣе, если не сочинялись послѣ. Этого рода краснорѣчіе напоминаетъ мнѣ иногда ученыя рѣчи нашихъ адвокатовъ предъ присяжными изъ крестьянъ.

Авторъ. Волненіе по поводу *veto* можно назвать пробнымъ испытаніемъ; серіозное движеніе, приведшее къ важнымъ послѣдствіямъ: перенесенію Собранія и королевскаго пребыванія въ Парижъ, произошло 5 и 6 октября. Народъ второй разъ спасъ Францію, по выраженію Марата. „1 октября все было испорчено дамами Версаля. 6 октября все было исправлено женщинами Парижа“, прибавляетъ въ дополненіе Мишле.

Пріятель. Что же сдѣлали „дамы Версаля“?

Авторъ. Чтобы пояснить это, необходимо остановиться на общемъ положеніи дѣлъ. Въ Собраніи обсуждались конституціонные вопросы великой важности—о правахъ короны, порядкѣ наслѣдія. Съ разрѣшеніемъ ихъ была связана масса интересовъ. Партія придворная съ ужасомъ усматривала открывающуюся пропасть, готовую поглотить и монархію, и короля. Съ своей стороны, вожаки революціонной партіи,— какъ тѣ что имѣли цѣлью разрушеніе монархіи, такъ и тѣ что хранили особые замыслы (низверженіе короля и переходъ власти къ Орлеанскому принцу), зная что могутъ дѣйствовать чрезъ „Парижъ“, выжидали случая воспользоваться такимъ аргументомъ, такъ какъ исходъ борьбы въ Собраніи, гдѣ монархическое начало имѣло не мало ревностныхъ представителей, не былъ достаточно обезпеченъ. Настойчиво держались слухи о заговорѣ аристократовъ, имѣвшемъ цѣлью увезти короля въ Мецъ, разогнать собраніе и возстановить старый порядокъ. Столь же настойчиво распускалось что народъ ожесточенный голодомъ намѣренъ двинуться въ Вер-

саль, захватить короля и перевезти его въ Парижъ. Военныя силы охранявшія Версаль были крайне недостаточны. Рѣшено было призвать Фландрскій полкъ. Мѣра была такъ естественна что и Собраніе не нашло ничего возразить. Полкъ прибылъ въ Версаль. Это послужило началомъ къ возбужденію. „Прибытіе полка, сказано въ *Rév. de Paris* (№ XII, 31), произвело такое смятеніе въ столицѣ что многіе округа послали въ Думу депутатовъ чтобы она объяснилась съ министрами.... Что такое намъ готовятъ? Будемъ на сторожѣ. Говорятъ что парламенты вступили въ союзъ съ аристократами и пошли на выгодную сдѣлку. А гражданамъ препятствуютъ взаимно сообщать свои идеи, передавать вѣсти изъ провинцій. Нѣтъ болѣе патріотическаго центра (тогда были приняты мѣры противъ сборищъ въ Пале-Роялѣ). Да, требуется второй приступъ революціи. Все его приготовляетъ.“ Дворъ желалъ чтобъ установилось согласіе между прибывшими солдатами и гражданскою милиціей Версаля. Работавшая въ Парижѣ партія поставила задачей совратить солдатъ. Gardes Françaises въ статскомъ платьѣ отправились въ Версаль. Одни являлись какъ публика въ засѣданія Собранія апплодировать революціоннымъ депутатамъ, другіе братались съ солдатами, угощая ихъ, приглашая въ Парижъ. Въ Версаль былъ препровожденъ цѣлый отрядъ публичныхъ женщинъ. Когда солдаты Фландрскаго полка въ свою очередь бывали въ Парижѣ, ихъ угощали на славу и даже одѣляли деньгами. „Просто удовольствіе ходить въ Парижъ—всегда вернешься съ деньгами“, говорили они показывая принесенныя экю. При дворѣ это было извѣстно, и тамъ въ свою очередь старались привлечь прибывшихъ. Королевскіе лейбъ-гвардейцы, согласно принятому обычаю, при вступленіи новаго гарнизона, пожелали дать пиръ Фландрскому полку. Пиръ состоялся въ четвергъ 1 октября, съ разрѣшенія короля, въ большой залѣ оперы гдѣ, накрыли столъ на триста человѣкъ. Король, королева, ведя за руку дофина, посѣтили праздникъ. По ихъ удаленіи разгоряченные виномъ участники пира сдѣлали антиреволюціонную демонстрацію. Кто-то крикнулъ: „Бросьте трехцвѣтную кокарду, да здравствуетъ бѣлая, она хорошая.“ Многіе побросали бывшія на нихъ кокарды и надѣли бѣлыя. Всѣ бросились ко дворцу и сдѣлали предъ нимъ шумную овацію. Чрезъ день, устроился новый праздникъ, въ казармахъ. Придворныя дамы сойдя съ

галлереи ходили между рядами присутствовавшихъ и раздавали кокарды. Вотъ преступленіе „дамъ Версаля“. Понятно какою искрой должны были стать въ Парижѣ преувеличенные разказы объ этихъ антиреволюціонныхъ демонстраціяхъ.

Пріятель. Вотъ какъ разказывалъ потомъ Камиль Демуленъ о событіяхъ этого времени (въ своей газетѣ *Révol. de France et de Brabant*, начавшей выходить съ конца ноября 1789; *Buchez et Roux* III, 62): „Королевская жена слишкомъ ужъ была довольна *четверговымъ братскимъ угощеніемъ* чтобы царь не повторился еще разъ. Повтореніе произошло въ субботу, съ отягчающими обстоятельствами. Нашему терпѣнію пришелъ конецъ. Легко понять что всѣ сколько было патріотовъ-наблюдателей въ Версалѣ или сами поспѣшили скорѣе въ Парижъ сообщить такія вѣсти, или по крайней мѣрѣ отправили письма съ описаніемъ подробностей. Въ тотъ же день, въ субботу вечеромъ, Парижъ взволновался. Одна дама, видя что мужа ея не слушаютъ въ округѣ, первая явилась предъ собраніе въ кафе Foi и обличила антинаціональныя кокарды. Маратъ летитъ въ Версаль, возвращается какъ молнія, одинъ дѣлаетъ столько шуму какъ четыре трубы страшнаго суда и кричитъ намъ: мертвые, возстаньте! Дантонъ бьетъ въ набатъ въ своемъ округѣ. Въ воскресенье этотъ безсмертный округъ вывѣшиваетъ свой манифестъ.“ Повсюду толкуютъ что надо идти въ Версаль, берутся за оружіе, разсѣваются по улицамъ, отправляются на охоту за носящими одноцвѣтную кокарду. День проходитъ въ волненіи; на слѣдующее утро походъ состоялся.

Авторъ. Дѣло было сфабриковано довольно искусною рукой. Начавшееся потомъ продолжительное слѣдствіе не привело къ сожалѣнію ни къ какимъ серіознымъ раскрытіямъ. Подъ подозрѣніемъ остались принцъ Орлеанскій и Мирабо, но истинныя нити происшествія такъ и остались не обнаруженными. Опишемъ кратко что произошло въ мрачные дни 5 и 6 октября. Авангардомъ предпріятія пущены женщины, такъ умилившія Мишле. Но по всѣмъ показаніямъ между слабыми созданіями была цѣлая масса переодѣтыхъ мущинъ. До четырехъ или пяти сотъ такихъ спасительницъ Франціи прорвались чрезъ стражу, не рѣшившуюся употребить силу противъ женщинъ, въ Думу. За ними толпа мущинъ. Все это разсѣялось въ залахъ; хотятъ жечь бумаги, говоря что здѣсь ничего не дѣлаютъ кромѣ дурацкихъ писаній. А на площади

толпа вопитъ „хлѣба, и въ Версаль!“ Въ главнокомандующіе женской арміи попадаетъ Мальяръ, судебный приставъ (huissier), одинъ изъ героевъ Бастиліи, „капитанъ волонтеровъ Бастиліи“. Бьютъ въ барабанъ, армія изъ семи или восьми тысячъ женщинъ и нѣсколькихъ сотъ мущинъ двигается въ Версаль. Здѣсь толпа направляется къ Собранію. Въ началѣ входитъ небольшая депутація. Но скоро врываются сотни, наполняютъ галлереи, залу. Съ ними мущины, съ палками, пиками, алебардами. Все это разсаживается на лавки депутатовъ, требуетъ продолженія засѣданія, прерываетъ, вотируетъ. „Кто тамъ это говоритъ? Велите замолчать болтуну. Не о томъ дѣло. Надо хлѣба. Давайте сюда тетку Мирабо. Хотимъ его слышать.“

Пріятель. Депутатъ Дюфресъ-Дюше (Dufraisse-Duchey) былъ свидѣтелемъ (показаніе его предъ слѣдственною коммиссіей, *Moniteur*, II, 550) слѣдующей сцены. „Нѣсколько женщинъ, между которыми я призналъ, судя по длинѣ бороды, нѣсколькихъ мущинъ, приблизились къ бюро и грозили епископу Лангрскому, который предсѣдалъ вмѣсто Мунье, бывшаго у короля. Одна изъ нихъ сказала епископу: „Положи пальцы на бюро“. Онъ исполнилъ. Тогда двѣ другія сказали: „Мы довольны, цѣлуй теперь насъ“. Подъ давленіемъ толпы депутація членовъ Собранія, по дождю и грязи, среди нахлынувшей толпы, отправляется во дворецъ. „Послѣ пяти часовъ настоянія и ожиданія, говоритъ Тэнъ, вырываетъ у короля, кромѣ декрета о продовольствіи, на который король соглашается безъ затрудненій,—принятіе безъ оговорокъ объявленія о правахъ человѣка и утвержденіе конституціонныхъ постановленій. Такова была независимость Собранія и короля. И такимъ-то образомъ были установлены начала новаго права и главныя черты конституціи!“

Пріятель. Не одними законодательными работами по конституціи занимались женщины въ Версалѣ. Масса героинь разсѣялась между солдатами, сманивая ихъ, предлагая себя. Другія толпятся кучами на улицахъ и площадяхъ. Идетъ дождь, холодно, голодно. Съ трудомъ можно получить кусокъ хлѣба раздаваемаго на Place d'Armes. Одна шайка разрываетъ на куски убитую лошадь, жаритъ, ѣстъ полусырое мясо, по образцу дикарей. Приближается ночь. Около полуночи прибыла изъ Парижа національная гвардія, въ числѣ пятнадцати тысячъ человѣкъ, съ Лафайетомъ во главѣ. Онъ

долженъ былъ уступить требованію своихъ подчиненныхъ двинуться въ Версаль. „Если не хотите вести насъ, мы поставимъ главнокомандующимъ какого-нибудь стараго гренадера," говорили ему. „Правительство насъ обманываетъ.... Хотимъ идти въ Версаль, истребить королевскихъ гвардейцевъ и Фландрскій полкъ, осмѣлившихся растоптать національную кокарду." Лафайетъ говоритъ рѣчь на площади Думы, прибывающая толпа со стороны Сентъ-Антуанскаго предмѣстья бушуетъ, Лафайету кричатъ что вздернутъ его на фонарь. Когда онъ хочетъ вернуться въ Думу, ему загораживаютъ дорогу. Члены Думы совѣтуютъ Лафайету, даже даютъ ему предписаніе, отправиться въ Версаль „такъ какъ нѣтъ возможности отказаться". Не принесло порядка прибытіе Лафайета съ національ-гардами, но придало походу Парижа на Версаль серіознѣйшее значеніе. Окруженный арміей Лафайета, король сталъ плѣнникомъ въ своемъ дворцѣ. Ночь принесла самыя прискорбныя событія. Утомленный Лафайетъ удалился заснуть. „Я ничего не подозрѣвалъ, оправдывался онъ въ 1798 году, народъ обѣщалъ мнѣ остаться спокойнымъ." Какая наивность! Народъ обѣщалъ. Какой народъ? И какая довѣрчивость послѣ столькихъ поучительныхъ опытовъ! Толпа черни окружаетъ стражу изъ восьмидесяти національ-гардовъ, заставляетъ ихъ стрѣлять въ королевскую стражу, выламываетъ двери, врывается во дворецъ, убиваетъ королевскую стражу. Королева едва успѣваетъ убѣжать изъ своей спальни въ одной юпкѣ. Все королевское семейство тѣснится въ одной изъ залъ дворца, ожидая смерти. Наконецъ подослѣваетъ Лафайетъ. Къ утру „народъ" вокругъ дворца приступаетъ съ требованіями: „короля въ Парижъ!" Приходится уступить. Итакъ цѣль похода достигнута: Парижъ побѣдилъ. Везутъ короля съ его семействомъ на жительство въ Парижъ, за ними сто депутатовъ въ каретахъ, далѣе пушки съ сѣдящими на нихъ верхомъ женщинами, возы съ мукой; національ-гарды, люди съ пиками, женщины пѣшкомъ, верхомъ, въ телѣгахъ. Кортежъ открываетъ шайка несущая на пикахъ отрѣзанныя головы двухъ королевскихъ гвардейцевъ. Въ Севрѣ останавливаются предъ парикмахерской и заставляютъ завить и причесать мертвыя головы, намыливаютъ ихъ, кричатъ, хохочутъ. Стрѣляютъ изъ ружей; мущины и женщины взявшись за руки поютъ и пляшутъ въ грязи. Такъ король въѣзжаетъ въ свою столицу.

Авторъ. Всѣ эти сцены безобразій и ужасовъ такъ поразили чувствительнаго Лалли Толандаля что онъ отряхнулъ прахъ съ ногъ и покинулъ Собраніе, отказавшись отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Весьма любопытно его письмо къ другу въ которомъ онъ излагаетъ свои мотивы:

„Поговоримъ о моемъ рѣшеніи. Его вполнѣ оправдываетъ моя совѣсть. Ни этотъ виновный городъ, ни это еще болѣе виновное Собраніе, не заслуживаютъ чтобы предъ ними оправдываться. Но у меня на душѣ чтобы вы и люди съ вами единомышленные не осудили меня. Здоровье мое, клянусь вамъ, дѣлало для меня невозможнымъ исполненіе моихъ обязанностей; но, и помимо того, свыше силъ моихъ было переносить долѣе ужасъ какой возбуждаютъ во мнѣ эта кровь, эти головы, эта королева почти зарѣзанная, король отведенный плѣнникомъ, вступающій въ Парижъ среди убійцъ въ предшествіи головъ его несчастныхъ тѣлохранителей; эти вѣроломные Янычары, эти убійцы, эти женщины-каннибалки, этотъ крикъ: „на фонарь всѣхъ епископовъ“ въ минуту когда король въѣзжаетъ въ свою столицу имѣя въ своей каретѣ двухъ епископовъ членовъ совѣта. Я самъ видѣлъ какъ произведенъ былъ выстрѣлъ въ одну изъ колясокъ королевы. А. г. Бальи именуетъ этотъ день прекраснымъ! А Собраніе утромъ хладнокровно объявило что несогласно съ его достоинствомъ сопровождать короля цѣлымъ корпусомъ. А Мирабо безнаказанно произноситъ въ этомъ собраніи что государственный корабль не только не остановится въ своемъ бѣгѣ, но пойдетъ съ большею еще быстротой къ своему возрожденію. Барнавъ смѣется съ нимъ когда потоки крови текутъ вокругъ нихъ. Добродѣтельный Мунье только чудомъ ускользаетъ отъ двадцати убійцъ, хотѣвшихъ и его голову присоединить къ трофеямъ. Вотъ что̀ заставило меня поклясться чтобы моей ноги не было въ этой трущобѣ людоѣдовъ, гдѣ я не имѣлъ уже болѣе силы возвышать голосъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль тщетно возвышали его я, Мунье и всѣ честные люди. Послѣднее усиліе въ сторону добра было выйти изъ Собранія. У меня не было ни тѣни страха. Я покраснѣлъ бы еслибы пришлось защищаться въ этомъ. Я на дорогѣ получилъ со стороны этого самаго народа, менѣе виновнаго чѣмъ тѣ что̀ опьянили его яростію,—одобрительныя восклицанія, апплодисменты, которыми другіе были бы польщены и которые заставили меня содрогнуться. Я уступилъ

негодованію, ужасу, физическимъ конвульсіямъ какія производилъ во мнѣ одинъ видъ крови. Можно разъ презрѣть смерть, можно презрѣть ее нѣсколько разъ, когда она можетъ быть полезна. Но никакая сила подъ небомъ, никакое общественное или частное мнѣніе не имѣютъ права осуждать меня безъ пользы выдерживать тысячу пытокъ въ минуту и гибнуть отъ отчаянія, ярости, среди тріумфа преступленій, остановить которые я не въ состояніи. Они осудятъ меня, конфискуютъ мое имѣніе. Я буду пахать землю, но ужь не увижу ихъ. Вотъ мое оправданіе. Вы можете читать всѣмъ это письмо, показывать его, давать списывать. Тѣмъ хуже для тѣхъ кто его не пойметъ."

Пріятель. Это голосъ сердца честнаго человѣка. Но цѣною этихъ ужасовъ, обмановъ, преступленій, притворныхъ доблестей и внутренней мерзости, куплено ли по крайней мѣрѣ что-либо для блага человѣчества? Не добродѣтельными и чистыми руками воздвигается обыкновенно зданіе исторіи. Не создано ли по крайней мѣрѣ что-либо Собраніемъ? Неужели въ его дѣлѣ было только дѣло разрушенія? Почему не исполнились тѣ радужныя надежды какія отовсюду возлагались на него при его открытіи?

Авторъ. Чтобъ отвѣтить на эти вопросы, надо ближе всмотрѣться въ самый составъ Собранія. Вернемся въ него въ нашей слѣдующей бесѣдѣ.

РАЗГОВОРЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Пріятель. За переѣздомъ въ Парижъ короля послѣдовало 19 октября переселеніе въ Парижъ и засѣданій Національнаго Собранія.

Авторъ. Не со спокойнымъ духомъ законодатели Франціи,—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своемъ,—перебрались на новую квартиру. Нѣкоторые совсѣмъ оставили Парижъ и затѣмъ Францію; около ста подали въ отставку и перестали являться въ Собраніе. До шестисотъ взяли на всякій случай паспорты, готовясь уѣхать. Первыя засѣданія были въ Архіепископскомъ домѣ, въ весьма мрачной обстановкѣ. По распоряженію городскаго управленія, на всѣхъ прилежащихъ улицахъ, были протянуты канаты, расположены отря-

ды національной милиціи, поставлены пушки на площади; предъ домомъ стоялопять сотъ кавалеристовъ. „Все, говоритъ де-Ферьеръ, имѣло видъ приготовленій какъ бы къ осадѣ какую предстояло выдержать.“ Новые случаи неистовствъ побудили Бальи и Лафайета требовать для Парижа военнаго положенія. Безъ военныхъ законовъ, объявилъ Лафайетъ, онъ не отвѣчаетъ за спокойствіе Парижа. Съ противной стороны распускали слухи будто Бальи, Лафайетъ и Мирабо помощію эмиссаровъ нарочно вызывали сцены безпорядковъ, чтобы добиться, какъ выразился Камиль Демуленъ, закона который наложилъ бы узду на народъ.

Пріятель. Національное Собраніе ложинало то что само посѣяло. Проницательные люди при самомъ началѣ революціи ознакомившись со спискомъ представителей выбранныхъ въ Государственныя Сословія, въ самомъ составѣ этого Собранія усматривали условіе той исключительно разрушающей дѣятельности какою оно себя ознаменовало, намѣтивъ ею весь ходъ революціи.

Авторъ. Не только замѣтили это проницательные люди, какихъ весьма не много, но и непроницательный король былъ удивленъ спискомъ делутатовъ и выразился такъ: „что сказала бы нація еслибъ я такъ составилъ списокъ нотаблей или мой совѣтъ?“

Пріятель. Онъ удивлялся, но на немъ и на его же правительствѣ лежитъ вина великой непредусмотрительности изъ какой вышелъ этотъ списокъ. Правительство до извѣстной степени само устроило революцію. Какъ только было по настоянію Неккера рѣшено двойное представительство средняго сословія, революція была уже сдѣлана. Правда, Неккеръ, становясь на сторону „общественнаго мнѣнія“ и „духа времени“, не имѣлъ въ виду произвести революцію, но Мирабо не безъ основанія считалъ его величайшею бездарностью въ государственныхъ дѣлахъ. Въ близорукомъ соображеніи Неккеръ думалъ между прочимъ въ выгоду коронѣ парализовать дворянство среднимъ сословіемъ; способный только къ прекраснымъ словамъ, онъ, какъ замѣчаетъ Тэнъ, по театральному убралъ залу засѣданій Генеральныхъ Штатовъ и ждалъ „нѣкотораго внушительнаго торжественнаго спектакля“. Онъ удивился когда представилось иное зрѣлище. Когда было рѣшено что число представителей средняго сословія

будетъ двойное, равное совокупному числу депутатовъ двухъ другихъ сословій, то какое могло быть сомнѣніе что прежній порядокъ подачи мнѣній по сословіямъ удержаться не можетъ. Какой иначе былъ бы смыслъ что представителей средняго сословія шестьсотъ если мнѣніе этихъ шестисотъ имѣетъ ту же силу какъ мнѣніе трехъсотъ депутатовъ дворянства или духовенства? Могли ли согласиться депутаты средняго сословія чтобъ ихъ двойное число было только для параду? А правительство воображало что они примирятся со своимъ положеніемъ, и что правительство, сдѣлавъ уступку общественному мнѣнію относительно числа депутатовъ, будетъ на дѣлѣ имѣть Государственныя Сословія (Etats Généraut) въ прежней исторической формѣ. На дѣлѣ, двойное представительство, котораго не даромъ же такъ добивались, стало, само собою разумѣется, шагомъ къ двойному значенію и первымъ условіемъ революціоннаго кризиса. И устроило это на свою голову само правительство, прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія, по совѣту популярнѣйшаго изъ министровъ. Еслибы то же правительство хотѣло серіозно, вмѣсто сословнаго представительства, составить одно собраніе изъ равноправныхъ членовъ, оно могло бы осуществить эту мысль безъ революціоннаго кризиса. Нѣтъ; хотѣлось и сословное-то раздѣленіе сохранить, и „мнѣнію“ угодить. Что вышло—видимъ.

Авторъ. Разсматривая списокъ 577 представителей средняго сословія, вотъ что находитъ Тэнъ: „Изъ 577 членовъ едва десятокъ занимали важныя должности,—интенданта, государственнаго совѣтника, главнаго сборщика, начальника полиціи, директора монетнаго двора и т. под. Огромное большинство составляли неизвѣстные адвокаты, разные юристы низшихъ ступеней, нотаріусы, стряпчіе, ассессоры, помощники, разные практики съ юности заключенные въ тѣсномъ кругѣ юрисдикціи невысокаго уровня и рутины бумажнаго дѣлопроизводства, изрѣдка позволявшіе себѣ философскую прогулку по воображаемымъ пространствамъ подъ руководствомъ Руссо и Рейналя! Такихъ было 373. Къ нимъ надо присоединить 38 земледѣльцевъ, 15 врачей и до пятидесяти промышленниковъ, негоціантовъ и лицъ живущихъ доходами. Во всемъ числѣ собственниковъ было не болѣе полутораста человѣкъ.“ Словомъ, составъ представителей средняго сосло-

вія довольно близко подходилъ къ тому что нѣкоторыя газеты наши нынѣ спеціально именуютъ интеллигенціей съ образовательнымъ цензомъ (не правильнѣе ли—съ цензомъ полуобразованія?) нуждающеюся во „всеоружіи правъ".

Пріятель. Ты упомянулъ о проницательныхъ людяхъ предвидѣвшихъ что нельзя было ждать какого-либо созидающаго труда отъ палаты составленной такъ какъ было составлено Національное Собраніе. Полагаю ты имѣлъ въ виду главнымъ образомъ знаменитаго Борка (Burke), сочиненіе котораго: *Размышленія о французской революціи и дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ обществъ въ Лондонѣ относительно этого событія, въ формѣ письма назначавшагося первоначально къ посылкѣ одному молодому человѣку въ Парижѣ*, кстати нашедшееся въ нашей библіотекѣ, мы пробѣжали вчера. Признаюсь, мнѣ было пріятно встрѣтить въ немъ соображенія которыми подтверждаются наши выводы, и сужденія во многомъ совпадающія съ нашими.

Авторъ. Сочиненіе Борка было вызвано похвальнымъ словомъ французской революціи произнесеннымъ докторомъ Ричардомъ Прайсомъ (Richard Price), священникомъ изъ неконформистовъ въ клубѣ диссидентовъ на улицѣ Old Jewry. Слово доктора Прайса имѣло послѣдствіемъ составленіе адреса отъ „общества революціи", пересланнаго въ Національное Собраніе чрезъ посредство лорда Стенгопа, потомъ отъ этого общества отказавшагося. Замѣчательно что Боркъ, съ такою силой выступившій противъ французской революціи, былъ краснорѣчивымъ защитникомъ революціи американской. Это даже подало поводъ физику Пристлею обвинить Борка въ непослѣдовательности (есть сочиненіе Пристлея *Письмо къ Борку по поводу Размышленій о революціи.*) „Мнѣнія мои, говоритъ Боркъ, плодъ длиннаго ряда наблюденій и продиктованы большимъ безпристрастіемъ. Это мнѣнія человѣка который не бывалъ ни орудіемъ власти, ни льстецомъ сильныхъ міра, человѣка который не пожелалъ бы своими послѣдними дѣйствіями отказаться отъ того что составляло все содержаніе его жизни, ибо весь жизненный путь его наполненъ усиліями защищать свободу другихъ." Сочиненіе Борка произвело большое впечатлѣніе. Въ высшей степени любопытно (фактъ этотъ встрѣтился мнѣ въ біографіи Борка, написанной Прайоромъ: *Life of E. Burke* by I. Prior, 1854, 318) что король Людовикъ

XVI собственноручно переведъ *Размышленія*, составляющія томъ страницъ въ пятьсотъ. Книга Борка помѣчена 1 ноября 1789 года. Полагать надо, король занимался переводомъ въ своемъ парижскомъ заключеніи. Къ сожалѣнію, не много помогли ему уроки политической мудрости практическаго государственнаго человѣка.

Вотъ сдѣланная Боркомъ общая характеристика событій 1789 года. „Соединяя всѣ обстоятельства французской революціи, можно сказать что это несомнѣнно самая удивительная революція во всемъ мірѣ. Самыя поразительныя вещи исполнялись во многихъ случаяхъ средствами самыми нелѣпыми и самыми смѣшными, въ формахъ столь же смѣшныхъ и нелѣпыхъ, выдвигая дѣятелей самыхъ презрительныхъ. Все кажется противоестественнымъ въ этомъ странномъ хаосѣ легкомыслія и звѣрства, въ этой смѣси всякаго рода пороковъ соединенныхъ со всякаго рода безумствами. При видѣ всѣхъ этихъ чудовищностей, этихъ трагикомическихъ сценъ, въ душѣ смѣняются, иногда смѣшиваются, самыя противоположныя чувства. Отъ презрѣнія переходишь къ негодованію, отъ смѣха къ слезамъ, отъ презрѣнія къ ужасу.“

О составѣ и дѣйствіяхъ Національнаго Собранія Боркъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Когда я прочиталъ полный списокъ представителей средняго сословія съ ихъ качествами, ничто случившееся не могло показаться мнѣ удивительнымъ. Правда, между ними я усмотрѣлъ нѣсколько лицъ замѣтнаго положенія, нѣсколько одаренныхъ блестящимъ талантомъ, но не могъ найти ни одного кто имѣлъ бы какую-нибудь практическую опытность въ общественныхъ дѣлахъ. Наилучшіе были теоретики. Но какъ бы ни были замѣчательны нѣкоторые, характеръ Собранія и его направленіе опредѣляются массою, общимъ его составомъ. Во всѣхъ собраніяхъ дознано что желающіе быть вожаками часто сами подчинены необходимости слѣдовать за другими. Требуется чтобъ они сообразовали свои предложенія со вкусами, талантомъ и расположеніемъ тѣхъ кѣмъ намѣрены руководить. Вотъ почему въ Собраніи котораго большинство дурно составлено, только развѣ какая-либо исключительная добродѣтель, рѣдко въ мірѣ встрѣчаемая и на какую нельзя разчитывать, можетъ помѣ-

шать людямъ съ талантомъ сдѣлаться искусными орудіями нелѣпѣйшихъ плановъ. А если, что̀ много вѣроятнѣе, люди эти вмѣсто исключительной добродѣтели одушевлены зловѣщимъ честолюбіемъ, жаждою обманчивой славы,—тогда слабая и дурно составленная часть Собранія, съ которою они первоначально сообразовались, становится въ свою очередь игрушкой и орудіемъ ихъ плановъ. Въ этой политической сдѣлкѣ вожаки вынуждены приноровляться къ невѣжеству тѣхъ что̀ за ними слѣдуютъ, а эти должны подчиняться преступнымъ намѣреніямъ руководителей... Въ Собраніе не были призваны лучшіе представители судебнаго вѣдомства, давшіе странѣ публичныя свидѣтельства знанія, благоразумія, честности; не были призваны знаменитые адвокаты, слава суда; извѣстные профессора; но по большей части низшіе, наименѣе свѣдущіе члены каждаго класса, словомъ, —ремесленники своей профессіи. Были исключенія, но массу составляли неизвѣстные провинціальные адвокаты, клерки низшихъ инстанцій, деревенскіе стряпчіе, нотаріусы и т. под. Когда взглянулъ я на списокъ, я воочію увидѣлъ то чему предстояло случиться...

„Кто могъ, спрашиваетъ далѣе Боркъ, сдерживать этихъ людей? Не земледѣльцы же въ небольшомъ числѣ и изъ которыхъ нѣкоторые не умѣли читать и писать, небольшое число негоціантовъ, докторовъ и т. под. Истинныхъ представителей земскихъ интересовъ почти не было въ числѣ депутатовъ средняго сословія. Масса деревенскихъ священниковъ въ средѣ представителей духовенства только увеличивала многолюдный элементъ Собранія, неопытный въ государственныхъ дѣлахъ. Большинство духовенства скоро соединилось съ большинствомъ средняго сословія, образуя массу покорную планамъ и замысламъ тѣхъ лицъ дворянскаго сословія которыя поставили себѣ задачей разрушеніе этого самаго сословія.

„Говорятъ: двадцать четыре милліона людей должны же имѣть перевѣсъ надъ двумя стами тысячъ. Да, это правда, если конституція есть ариѳметическая задача. Это подходящій языкъ когда на подкрѣпленіе ему является фонарь; но это способно возбудить только смѣхъ въ хладнокровно разсуждающемъ человѣкѣ. Воля бо́льшаго числа и интересы бо́льшаго числа рѣдко одно и то же. Разница громадна, если въ силу своей воли большее число дѣлаетъ дурной выборъ. Правительство изъ пятисотъ деревенскихъ судей и темныхъ деревенскихъ

половъ не можетъ быть хорошо для двадцати четырехъ милліоновъ, если даже было выбрано сорока восемью милліонами."

Пріятель. На преобладаніе судейскаго элемента указывалъ Бальи, говорившій даже что успѣхъ революціи зависѣлъ отъ адвокатовъ. Бальи (I, 53) этимъ даже восхищается.

Авторъ. И среди какихъ условій дѣйствовало Собраніе? „Ихъ засѣданія, съ горячностію говоритъ Боркъ, насмѣшка надъ законодательствомъ... Плѣнники сами, они получаютъ изъ ихъ, не знающихъ удержу, шумныхъ кофейныхъ, разныя нелѣпости, которыя потомъ заставляютъ плѣннаго монарха выдавать въ качествѣ королевскихъ постановленій, тогда какъ онъ получаетъ ихъ въ запачканномъ видѣ изъ третьихъ рукъ. Извѣстно что всѣ ихъ мѣропріятія уже бываютъ порѣшены до обсужденія. Несомнѣнно что подъ давленіемъ террора штыка, фонаря, факела грозящаго поджечь ихъ дома, они вынуждены принимать всякія дикія и невозможныя мѣры внушаемыя клубами, представляющими собою чудовищную смѣсь всѣхъ состояній, всѣхъ языковъ и всѣхъ націй..."

Пріятель. Неудачный составъ палаты 1789 года явленіе весьма поучительное. Принятъ былъ, казалось, самый правильный способъ—свободный народный выборъ. Какихъ-либо избирательныхъ ухищреній со стороны правительства рѣшительно указать нельзя. Въ этой наукѣ Французы тогда еще не изощрились: дѣло было новое. Избранія тогдашнія есть основаніе считать вполнѣ свободными. Король не только не былъ противъ созванію народныхъ представителей; наоборотъ, эта мысль постоянно нѣсколько лѣтъ его занимала. Изъ королевскихъ инструкцій можно видѣть что революціонное вѣяніе проникло и въ правительство. Въ инструкціяхъ толкуется и о желаніяхъ націи, и о сообразности постановленій съ разумомъ, и оба уничтоженія великихъ злоупотребленій. Выборъ былъ основанъ, можно сказать, на общей подачѣ голосовъ, такъ что совершенно напрасно считается она изобрѣтеніемъ новѣйшаго времени. Первыя собранія для выбора избирателей въ среднемъ сословіи составлены были „изъ всѣхъ Французовъ имѣющихъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и платящихъ налоги" (*1789 en Rouergue* par Eugène Barrau, Rodez, 1873, стр. 40). Въ королевскомъ

регламентѣ 24 января 1789 значится что король „желаетъ чтобы помощію тетрадей жалобъ (cahiers des doléances) каждый, ото всѣхъ концовъ государства, отъ обиталищъ наименѣе извѣстныхъ, могъ быть увѣреннымъ въ возможности довести до его величества свои желанія и требованія.“ Такимъ образомъ народъ совершенно свободно послалъ своихъ представителей, которымъ и было ввѣрено великое дѣло государственнаго переустройства страны. Чего казалось бы еще желать!

Авторъ. Да, вотъ опять вопросъ политической мудрости: Форма выбора, какъ выраженія коллективной воли, многимъ кажется имѣющею чудодѣйственную силу. Сказать о „выборномъ началѣ“ что-либо кромѣ восторженной похвалы нѣкоторымъ представляется просто святотатствомъ. Между тѣмъ очевидно выборъ есть только одинъ изъ способовъ врученія власти, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хорошій, въ другихъ— дурной. По поводу всеобщаго голосованія Ренанъ справедливо замѣчаетъ что такая система въ исключительномъ примѣненіи должна вести къ передачѣ власти посредственностямъ. Вотъ слова Ренана въ книгѣ *О реформѣ*: „Правительство, администрація, всякое начальствованіе въ обществѣ есть результатъ нѣкотораго отбора, извлекающаго изъ массы опредѣленное число индивидуумовъ. Этотъ отборъ можетъ производиться четырьмя способами: 1) рожденіемъ, 2) жребіемъ, 3) народнымъ избраніемъ, 4) экзаменомъ или конкурсомъ. Отборъ жребіемъ можетъ практиковаться только между аристократами, какъ во Флоренціи или въ Аѳинахъ; экзамены законъ Китая: извѣстно какая имъ цѣна по отношенію къ прогрессу. Выборъ! Въ приложеніи къ военному командованію, абсолютному по существу своему, онъ есть противорѣчіе. Въ приложеніи къ государю онъ есть шарлатанство вредящее престижу избранника; въ приложеніи къ депутатамъ, если онъ всеобщъ, ведетъ къ избранію посредственностей. Нельзя получить отъ него ни высшей палаты, ни магистратуры, ни даже хорошаго общаго или муниципальнаго совѣта. Всеобщее голосованіе съ его необходимо ограниченнымъ горизонтомъ не понимаетъ необходимости науки, превосходства благороднаго и ученаго. Рожденіе какъ единственное средство отбора было бы предпочтительнѣе выбора. Большая избирательная коллегія образованная изо всѣхъ хуже самаго посредственнаго

государя прежняго времени. Версальскій дворъ былъ бы для выбора чиновниковъ выше нынѣшняго всеобщаго голосованія. Французскій отборъ съ его неорганизованнымъ, предоставленнымъ случаю всеобщимъ голосованіемъ самый плохой изо всѣхъ. Во Франціи столько же людей сердца и ума какъ во всякой другой странѣ, но имъ не дается цѣны. Страна не имѣющая другаго органа кромѣ прямяго всеобщаго голосованія есть въ совокупности своей, какую бы цѣну ни имѣли люди какими она обладаетъ, существо невѣжественное и неискусное. Самый посредственный человѣкъ лучше чѣмъ коллективная равнодѣйствующая выходящая изъ тридцати милліоновъ индивидуумовъ, считаемыхъ каждая за единицу." Путь порицаемый Ренаномъ въ новой Франціи весьма близокъ къ тому какимъ образовано большинство собранія 1789 года, и который былъ свободенъ отъ злоупотребленій сдѣлавшихся потомъ обычнымъ явленіемъ. И на долю такого собранія посредственностей, неопытныхъ въ трудномъ дѣлѣ управленія государственною машиной, выпала задача государственнаго переустройства въ эпоху когда умами овладѣлъ духъ новизны, весь существующій порядокъ казался однимъ громаднымъ злоупотребленіемъ, и политическія аксіомы популярныхъ философовъ казались простымъ и вѣрнымъ средствомъ устройства государства на началахъ разума, легко будто бы осуществимыхъ еслибы не было своекорыстнаго противодѣйствія тѣхъ кому выгодны существующія злоупотребленія.

Пріятель. Хотя выборное начало ничего общаго съ революціей не имѣетъ, но культъ выборнаго начала имѣетъ историческую связь съ революціоннымъ движеніемъ именно потому что въ революціонную эпоху начало это было въ особомъ почетѣ. Страсть приводитъ все къ выбору сказалась уже на первыхъ шагахъ движенія 1789 года, когда образовались округа и происходило избраніе представителей въ Генаральные Штаты. Бальи въ своихъ запискахъ (II, 11) разказываетъ что когда граждане сошлись для выбора избирателей въ округѣ къ которому онъ принадлежалъ, и засѣданіе было открыто подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго отъ Думы „лица то „первымъ актомъ авторитета (acte d'autorité) собранія было смѣщеніе предсѣдателя". И куріозно что его же тотчасъ выбрали даже аккламаціей. Дѣло было въ

принципѣ: предсѣдатель не долженъ быть по назначенію. А онъ въ этомъ случаѣ и назначенъ-то былъ отъ Думы, а не отъ правительства. „Наше собраніе, говоритъ Бальи, хотя и составляло одну безконечно малую часть націи, чувствовало однако въ себѣ силу и права цѣлаго. Оно не скрывало отъ себя что изъ этой силы и этихъ правъ вытекалъ для него родъ власти, насколько принадлежитъ она частнымъ волямъ, назначеннымъ составить общую волю". Когда по округамъ были выбраны избиратели, эти выборные собрались въ общее засѣданіе въ Думѣ. Послѣ общаго собранія, гдѣ предсѣдалъ городской голова, избиратели средняго сословія собрались въ засѣданіе для выбора представителей. Предсѣдалъ по регламенту гражданскій намѣстникъ (lieutenant civil). Первый вопросъ опять о принципѣ назначенія и выбора. Но опять оказалось что назначенный предсѣдатель есть именно то лицо какое желательно. Изъ уваженія къ нему его поспѣшили переизбрать аккламаціей не входя въ принципіальное обсужденіе. Но когда онъ заявилъ что секретаремъ по закону долженъ быть секретарь суда Шателе (greffier du Châtelet), поднялось краснорѣчіе о выборѣ и назначеніи и о правахъ собранія избирать своихъ должностныхъ лицъ. Намѣстникъ выразилъ что хотя онъ и почтенъ выборомъ, но съ своей стороны считаетъ себя въ правѣ засѣдать только въ качествѣ лица назначеннаго, таковымъ де долженъ быть и секретарь. Собраніе не согласилось. Намѣстникъ удалился. Наиболѣе говорившій ораторъ, адвокатъ Тарже, былъ выбранъ предсѣдателемъ, Бальи секретаремъ. Регламентъ былъ нарушенъ. Это не помѣшало считать дальнѣйшіе выборы законными. При постоянномъ толкованіи о законѣ и законности, нарушеніе закона сдѣлалось правиломъ и первымъ способомъ революціоннаго движенія. Законъ сталъ оправданіемъ,—заднимъ числомъ,—совершеннаго беззаконія.

И понятно почему начало выбора было тогда въ такомъ почетѣ. Задача движенія была въ разрушеніи власти, авторитета. Всякій личный починъ власти представлялся ненавистнымъ проявленіемъ произвола, все отъ власти идущее подозрительнымъ, не внушающимъ довѣрія. Назначеніе отъ власти исходящее можетъ, казалось, доставить лишь угнетателей; выборъ долженъ дать защитниковъ. Далѣе, такъ какъ по революціонной теоріи все должно сводиться къ актамъ коллективной

воли гражданъ, а голосованіе, по возможности всеобщее, есть единственный способъ выраженія этой воли, то выборъ, понятно, долженъ быть главною, даже единственною формой врученія власти.

Авторъ. Если народное верховенство, то конечно и коллективная воля и выборы на всѣхъ ступеняхъ. Но что̀ такое эта коллективная воля? На практикѣ коллективная воля почти всегда есть воля захватившаго или захватившихъ власть. Коллективной воли въ смыслѣ сознательнаго, свободнаго, на аргументахъ разума основаннаго желанія не бываетъ не только въ цѣломъ народѣ, но даже въ малыхъ группахъ. Еслибъ ангелъ слетѣлъ съ неба и прочтя въ душѣ каждаго отмѣтилъ на своей таблицѣ свободное желаніе каждаго и подвергъ бы затѣмъ таблицу эту ариѳметическому, статистическому и иному научному изученію, то едва ли и онъ изъ лутаницы отдѣльныхъ соображеній и стремленій могъ бы вывести какое-либо заключеніе, или получилось бы нѣчто такое что̀ привело бы въ ужасъ разумнаго человѣка. Коллективной воли нѣтъ; но есть коллективныя рѣшенія, и рѣшенія эти могутъ быть преступны и безумны, какъ и рѣшенія отдѣльныхъ лицъ. Одинъ можетъ быть правъ и всѣ виноваты. Спасителя осудили по большинству голосовъ, предпочтя ему разбойника.

Пріятель. Можно возразить: коллективной воли нѣтъ въ данную минуту, но она составляется послѣ обсужденія, которое потому и должно предшествовать голосованію.

Авторъ. Я вовсе не врагъ и выбора, и голосованія, и обсужденія. Я хочу только сказать что придавать этой формѣ рѣшенія значеніе чего-то безусловно справедливаго, исключающаго другіе способы, никоимъ образомъ нельзя. Мудрость именно въ томъ чтобы не приписывать чудодѣйственной силы способамъ и формамъ, а имѣть въ виду прежде всего самое дѣло.

Назначеніе государства не въ томъ чтобы быть орудіемъ коллективной воли, а чтобы быть носителемъ историческихъ завѣтовъ страны и въ дѣлѣ гражданскаго благоустройства ограждать личную свободу каждаго изъ его членовъ, насколько она не вредитъ свободѣ другаго. Свобода по существу есть нѣчто личное, индивидуальное. Свобода группы людей не есть уже свобода въ тѣсномъ смыслѣ, а власть. Свобода коллектив-

ной воли есть уже деспотизмъ. „Правительство, говоритъ Боркъ, есть изобрѣтеніе человѣческой мудрости для удовлетворенія потребностей человѣка. Люди имѣютъ право на то чтобы потребности ихъ были удовлетворены этою мудростью. Въ числѣ этихъ потребностей, послѣ гражданскаго благоустройства, та которая наиболѣе даетъ себя чувствовать есть потребность сдерживать страсти. Общество требуетъ чтобы не только страсти отдѣльныхъ людей были сдерживаемы, но чтобъ и коллективно, въ массѣ, не менѣе какъ въ отдѣльности, желаніямъ людей нерѣдко поставлялись преграды, чтобы воля ихъ была контролируема, а страсти подчинялись принужденію. А это очевидно не можетъ быть сдѣлано иначе какъ *властію внѣ ихъ стоящею* и которая въ своихъ отправленіяхъ не была бы подчинена той же волѣ и тѣмъ же страстямъ которыя должна сдерживать и подчинять... Но такъ какъ свобода и ея ограниченія мѣняются со временемъ и обстоятельствами, допускаютъ видоизмѣненія до безконечности, то ихъ нельзя подчинить какимъ-либо постояннымъ правиламъ... Это дѣлаетъ устройство государства и правомѣрное распредѣленіе власти предметомъ самой тонкой и сложной науки, требующей глубокаго знанія человѣческой природы и ея нуждъ, всего что можетъ облегчать или затруднять достиженіе разнообразныхъ цѣлей гражданскихъ учрежденій. Наука устроенія государства, его обновленія, преобразованія, подобно всѣмъ наукамъ основаннымъ на опытѣ, не познается a priori, и опытность въ этой практической наукѣ не пріобрѣтается въ одинъ день... Наука о правительствѣ, практическая сама въ себѣ, на практическіе предметы направленная, требуетъ такого обширнаго круга опыта что для пріобрѣтенія его недостаточно жизни человѣка, какъ бы проницателенъ и наблюдателенъ онъ ни былъ. А потому требуются безконечныя предосторожности прежде чѣмъ приступить къ сломкѣ зданія въ продолженіе вѣковъ сноснымъ образомъ исполнявшаго главныя цѣли общества, или къ возведенію новаго, не имѣя предъ глазами образца и опыта, — со свидѣтельствомъ объ испытанной уже пользѣ.“ Не такъ принялись за дѣло члены Національнаго Собранія...

Пріятель. Перебью тебя переходомъ отъ серіознаго къ куріозному. Наши бесѣды произвели нѣкоторое впечатлѣніе. Во многихъ газетахъ появились о нихъ замѣтки. Въ *Голо-*

съ есть посвященный намъ фельетонъ, подписанный буквами В. Ж., по ошибу очевидно принадлежащій одному изъ главныхъ „ученыхъ“ фельетонистовъ газеты. Кому иначе вошло бы въ голову, по поводу нѣсколькихъ словъ о походѣ на науку въ нашей школѣ и о жалкомъ состояніи нашего „высшаго образованія“, сказать что бесѣды наши *писаны* для прославленія какихъ-то небывалыхъ системъ—учебной графа Толстаго и цензурной Лонгинова (ужь зачѣмъ тутъ Лонгиновъ, знаетъ одинъ авторъ). Любопытно что, ловѣствуя о нашихъ бесѣдахъ, говорятъ не о томъ что̀ въ нихъ есть, но исключительно о томъ чего въ нихъ нѣтъ. Ну чтобы разобрать, указать невѣрность или ложное освѣщеніе, буде таковыя усмотрѣны. Нѣтъ, трактуется все объ отсутствующемъ. Бесѣдуемъ мы,—употреблю выраженія автора фельетона,—о *ходѣ* революціонныхъ событій. Зачѣмъ не о причинахъ и результатахъ? Указываемъ тамъ и самъ на относящійся къ описываемому нами второй томъ Тэна. Зачѣмъ не на первый? Говоримъ мы о путаницѣ понятій, миѳическомъ представленіи о людяхъ и событіяхъ революціонной эпохи, о весьма распространенномъ въ нашей не свѣдущей интеллигенціи культѣ революціи, и въ тѣсномъ и въ широкомъ смыслѣ; а фельетонистъ толкуетъ „о революціонномъ характерѣ поступательнаго движенія въ Россіи“ и защищаетъ отъ насъ „консервативную силу которая называется Русскимъ народомъ“; ссылается на раскольниковъ и крестьянъ, какъ будто рѣчь шла о раскольникахъ и крестьянахъ. Онъ успокоиваетъ правительство, которое будто бы мы нашими скромными бесѣдами имѣли въ виду „пугать“ изображая непривлекательныя стороны „революціонной обстановки“, революціонные ужасы, о которыхъ впрочемъ у насъ въ первой статьѣ и рѣчи не было, такъ какъ мы говорили о праздничныхъ дняхъ революціи.

Авторъ. Хотя революціонные пріемы и симптомы могутъ быть въ дѣлахъ всякаго рода и безъ государственной революціи, пугать кого-либо революціей мы въ виду не имѣли. Но признаюсь, я былъ бы счастливъ еслибы былъ въ силахъ испугать и общество и власть имѣющихъ тѣмъ океаномъ, по выраженію Малле дю-Пана, печатной и непечатной глупости, въ серіозныхъ дѣлахъ, который, безъ революціи, стремится овладѣть у насъ головами, отчасти успѣваетъ и ликуетъ сво-

имъ успѣхомъ полагая что царство фельетона уже наступило. Намъ нечего опасаться революціи, но намъ страшна глупость, страшно ребяческое недомысліе нашей интеллигенціи въ вопросахъ политики, школы, матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. То что̀ мы назвали нашимъ культомъ революціи есть одно изъ явленій, и не мелкихъ, этой глупости. Отъ глупости и ея бдительнаго слутника, обмана, избави насъ Господи!

Пріятель *(просматривая газеты)*. А вотъ въ *Новомъ Времени* имѣли смѣлость, по поводу нашихъ бесѣдъ, правду назвать правдою и высказать то что̀ въ самомъ дѣлѣ думаютъ. Пріятное явленіе. Спросъ на ложь значитъ уменьшается на нашемъ печатномъ рынкѣ....

РАЗГОВОРЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Пріятель. Самая темная завѣса въ мірѣ та которая скрываетъ отъ насъ будущее. Революція была уже сдѣлана, тысячи признаковъ настойчиво указывали что всѣ столбы подточены и зданіе завтра упадетъ, и, несмотря на то, именно тѣ кому наиболѣе грозило паденіе или не видали опасности, или закрывали глаза. Ждали событій, перемѣнъ, желали перемѣнъ, призывали перемѣны, но не видали пропасти лежавшей въ нѣсколькихъ шагахъ. Это не трудно подтвердить многими свидѣтельствами. Бальи говоритъ что когда онъ, обѣдая въ концѣ декабря 1786 года у маршала Бове, услыхалъ что рѣшено созвать нотаблей (собраніе имѣющее нѣкоторую аналогію съ земскимъ соборомъ), то „былъ пораженъ". „Я предвидѣлъ, говоритъ онъ, великія перемѣны во всемъ порядкѣ вещей и даже въ формѣ правленія, но никакъ не предвидѣлъ революціи въ томъ видѣ какъ она совершилась, и думаю что ни одинъ человѣкъ не могъ того предвидѣть." Маркизъ де-Ферьеръ, въ своихъ замѣчательныхъ запискахъ, приводитъ нѣсколько строкъ набросанныхъ имъ подъ первымъ впечатлѣніемъ торжественной процессіи открытія въ маѣ 1789 года Собранія государственныхъ сословій (Etats Généraux), чувствительныхъ строкъ, въ которыхъ страхъ предъ неизвѣстностью только возвышаетъ цѣну самыхъ розовыхъ ожиданій. „Я былъ погруженъ, пишетъ онъ (*Mém.* I, 19), въ сладостнѣйшій экстазъ; мнѣ представились мысли возвышенныя и вмѣстѣ меланхолическія. Я видѣлъ Францію, отчизну мою опирающеюся на религію и говорящую намъ: прекратите ваши жалкіе раздоры; вотъ рѣшительная минута которая дастъ мнѣ новую жизнь или разрушитъ меня навсегда. Любовь къ отчизнѣ, ты говорила моему сердцу... Слезы радости текли изъ глазъ моихъ... Мой Богъ, мое отечество, мои сограждане стали мною самимъ!" Открывалось собраніе имѣвшее рѣшить судьбы страны. Въ придворныхъ кругахъ однимъ изъ главныхъ вопросовъ былъ вопросъ о церемоніальномъ костюмѣ депутатовъ. Пышное одѣяніе дворянъ должно было отдѣлять ихъ отъ представителей средняго сословія, которымъ впрочемъ былъ данъ, сказать по нашему, мундиръ довольно высокаго

разряда (какой носили государственные совѣтники, conseiliers d'état и чиновники у принятія прошеній, maîtres des requêtes). Самъ Неккеръ, главный двигатель событія, ждалъ отъ собранія трогательнаго представленія, послѣ котораго все пойдетъ наилучшимъ образомъ: нація будетъ свободна и счастлива, монархія укрѣпится всею силой свободнаго подчиненія народа, и благодѣтельному министру воздвигнутъ памятникъ въ сердцахъ.

Въ запискахъ князя Монбаре (*Mém. autographes de M. le prince de Montbarey*, Paris 1827. Т. III, 142), бывшаго въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка военнымъ министромъ при Людовикѣ XVI, не особенно впрочемъ удачнымъ, встрѣчаемъ любопытную страницу, на которую онъ занесъ исповѣдь собственной и общей непредусмотрительности, въ виду надвигавшейся революціонной грозы. Говоря о блескѣ и праздникахъ двора, о шумѣ общественной жизни, онъ замѣчаетъ: „Парижская роскошь, театры, развлеченія и удовольствія всякаго рода, какія столица Франціи предлагала иностранцамъ, привлекали сюда значительное ихъ число. И Франція, на краю пропасти, никакъ не думала что вся эта дутая напыщенность (bouffissure), казавшаяся явнымъ доказательствомъ процвѣтанія и превосходства надъ другими націями, была однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ какими враги ея ускоряли ея гибель... Даже проницательнѣйшіе люди, начинавшіе, при видѣ того что творилось вокругъ, приходить въ безпокойство, тотчасъ разсѣивались отъ тревожныхъ мыслей каждодневными удовольствіями, силою привычки и увѣренностью, къ несчастію слишкомъ распространенною, въ любви Французовъ къ своимъ королямъ и въ преданности ихъ царствующему дому. Эта идея потакавшая эгоизму и умственной лѣности убаюкивала всѣхъ. Долженъ признаться, что и я поддавался ей, хотя два иностранца, люди большаго ума и значительной опытности, наблюдательные въ своемъ качествѣ путешественниковъ и предъ которыми наши сектаторы высказывали быть-можетъ многое раскрывавшее ихъ тайные замыслы, предупреждали меня объ опасномъ положеніи Франціи, заклиная обратить на него вниманіе и подумать насколько это можетъ касаться и меня. Признаюсь, предупрежденіе это не произвело на меня никакого впечатлѣнія и показалось почти глупостью, объясняемою незнаніемъ твердости и несокрушимости началъ Французской монархіи, такъ что я пожалѣлъ подавшихъ мнѣ совѣтъ. Основываясь на соб-

ственномъ опытѣ, признаніе о которомъ дѣлаю, считаю себя въ правѣ полагать что и въ другихъ подобное же предубѣжденіе вело къ тому же результату, когда случалось напасть на подобныя размышленія. Убаюканные, какъ я, сномъ національнаго самолюбія, поглощенные ежедневными удовольствіями, зараженные ядомъ эгоизма, мы всѣ спѣшили наслаждаться настоящимъ, не давая себѣ серіознаго отчета въ томъ что̀ творится предъ нашими глазами и не думая о будущемъ."

Авторъ. Предупрежденій, въ общихъ выраженіяхъ, о грозящемъ переворотѣ можно найти десятки и за долго. „Мы приближаемся, говорилъ Руссо (*Emile*, Т. II), къ состоянію кризиса, къ вѣку революціи." „Все что̀ я вижу, писалъ Вольтеръ, сѣетъ сѣмена революціи которая придетъ неотразимо и быть свидѣтелемъ которой я не испытаю удовольствія.... Свѣтъ такъ распространяется далѣе и далѣе, что при первомъ случаѣ произойдетъ взрывъ и тогда поднимется славная стукотня (alors ce sera un beau tapage). Молодые люди счастливы: много вещей они увидятъ." (*Lettre à M. de Chauvelin*, 22 апрѣля 1764). Въ послѣдніе годы предъ революціей разныя указанія на опасности грозящія государственному строю встрѣчаются часто и въ рѣчахъ членовъ парламентовъ, и въ сословныхъ обращеніяхъ ко власти. Тѣмъ не менѣе, ты правъ говоря что серіозныхъ опасеній не было ни у кого. Фразы объ опасностяхъ звучали въ устахъ, но не производили дѣйствія на умы которое вело бы къ рѣшеніямъ и мѣропріятіямъ. Въ концѣ 1788 года лица королевскаго семейства, принцы крови, исключая впрочемъ старшаго брата короля (Monsieur) и герцога Орлеанскаго, подали, въ виду вопроса о предоставленіи среднему сословію двойнаго представительства, письмо въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ указывавшее на открывающуюся предъ страною пропастью. Письмо это не произвело никакого дѣйствія. „Государь, писали принцы (*Archives parlementaires*, recueil imprimé par ordre du Sénat et de la Chambre des Députés, Paris 1879, T. I, 487), государство въ опасности! Особа ваша уважается: добродѣтели монарха обезпечиваютъ ему благоговѣніе націи; но, государь, приготовляется революція касающаяся основныхъ началъ правительства; ее вызываетъ броженіе умовъ. Учрежденія считавшіяся священными, благодаря которымъ монархія процвѣтала въ теченіе столькихъ вѣковъ, обращаются въ вопросы сомнительнаго рѣшенія и да-

же подвергаются порицаніямъ, какъ несправедливыя. Сочиненія появившіяся во время собранія нотаблей, записки поданныя нижеподписавшимся принцамъ, требованія выраженныя различными провинціями, городами и корпораціями, содержаніе и слогъ этихъ требованій все возвѣщаетъ, все доказываетъ систему сознательнаго неповиновенія (un système d'insubordination raisonné) и презрѣніе къ законамъ государства. Каждый авторъ возводитъ себя въ законодатели; краснорѣчіе или искусство писать, хотя бы безъ изученія, безъ знанія и безъ опыта, кажется достаточнымъ правомъ чтобы устанавливать строй государствъ (pour régler la constitution des empires). Каждый выдвигающій какое-нибудь смѣлое предложеніе, или предлагающій измѣнить законы, можетъ быть увѣренъ что найдетъ читателей и послѣдователей. И безпокойное броженіе это идетъ такъ быстро впередъ что мнѣнія которыя еще недавно показались бы предосудительными теперь кажутся разумными и справедливыми, а то что нынѣ возбуждаетъ негодованіе разсудительныхъ людей завтра быть-можетъ будетъ признано правильнымъ и законнымъ. Кто можетъ сказать гдѣ остановится дерзость мнѣній? Права трона подвергаются вопросу; относительно правъ двухъ высшихъ сословій образовалось раздѣленіе мнѣній. Скоро подвергнется нападенію право собственности; неравенство имуществъ будетъ выставлено какъ дѣло требующее преобразованія.“ Предупрежденій было, значитъ, не мало. Но и сильныя рѣчи уже не дѣйствовали. Въ ту эпоху безпокойнаго настроенія, общій тонъ выраженій, изъ литературы перешедшій и въ официальный языкъ, отличался крайностями. Примѣръ можно, между прочимъ, видѣть въ инструкціяхъ (cahiers de doléances) составленныхъ избирателями для депутатовъ въ собранія государственныхъ сословій. Заговорятъ ихъ составители о воспитаніи — любимое выраженіе: воспитанія нѣтъ во Франціи; о финансахъ: крайнее разстройство грозящее банкротствомъ, о злоупотребленіяхъ всякаго рода: достигли послѣдней степени. Можно было предвидѣть что такое крайнее опредѣленіе болѣзни вызоветъ предложеніе рискованныхъ средствъ для ея исцѣленія.

Пріятель. Мы говоримъ о предупрежденіяхъ и предсказаніяхъ; замѣтилъ ли ты куріозный фактъ, на который обращаетъ вниманіе Гранье де-Кассаньякъ въ *Исторіи причинъ революціи* (Т. II, 327). Оказывается что въ антиреволю-

ціонномъ журналѣ *Actes des apôtres* въ № 60 отъ 1 марта 1790 года предсказана революція 1830 года и приказъ (ordonnance) министерства Полиньяка. „Въ 1830 году, да, господа, именно этотъ моментъ они (les prêtres, попы) выбрали чтобы разрушить конституцію.“ Странно что эти строки не остановили на себѣ вниманія автора *Исторіи Печати* (Hatin, *Histoire de la presse en France*), знакомящаго въ T. VII своего сочиненія съ содержаніемъ *Actes de apôtres*, листка боровшагося съ революціей орудіемъ насмѣшки, иногда остроумной, чаще грубой.

Авторъ. Знаешь ли кто яснѣе всѣхъ глядѣлъ въ будущее въ годы непосредственно предшествовавшіе революціи? Ея перспектива точнѣе всего рисовалась въ воображеніи революціонной партіи, то-есть партіи невидныхъ честолюбцевъ работавшихъ въ тѣни вкругъ сильныхъ міра и особенно вкругъ такихъ которые, какъ герцогъ Орлеанскій, искали популярности, выказывая преданность новымъ идеямъ. Въ *Запискахъ* Мармонтеля (IV, 75) есть любопытный разговоръ автора съ сочленомъ его по Французской Академіи Шамфоромъ. Разговоръ этотъ, кажется мнѣ, болѣе заслуживаетъ вниманія чѣмъ сочиненная Лагарпомъ, послѣ событій, пресловутая сцена ужина на которомъ Казоттъ предсказываетъ ужасы революціи. Я не встрѣчалъ между тѣмъ чтобы кто-нибудь изъ историковъ революціи обратилъ на него вниманіе, а о сценѣ Лагарпа упоминаетъ и Тэнъ. Разговоръ Мармонтеля былъ весною 1789 года когда происходили выборы въ члены собранія государственныхъ сословій (états généraux). Мармонтель называетъ партію отъ имени которой говорилъ Шамфоръ республиканскою, не въ смыслѣ, полагаю, партіи замышлявшей устроить реслублику, а въ смыслѣ партіи имѣвшей задачею низверженіе монархіи въ той формѣ какъ она существовала,—а тамъ что̀ еще будетъ. Иначе названіе было бы не точно. Плановъ въ тѣсномъ смыслѣ республиканскихъ тогда еще не было у партіи. Камиль Демуленъ свидѣтельствуетъ что тогда не было и десятка республиканцевъ во Франціи. Вотъ что̀ читаемъ у Мармонтеля: „У насъ во Французской Академіи, говоритъ онъ, былъ яростный приверженецъ республиканской партіи, Шамфоръ (Chamfort), человѣкъ тонкаго и проницательнаго ума, ѣдкаго остроумія, когда осмѣивалъ общественные пороки и глупости; но крайне язвительный и колкій по отношенію къ людямъ высшаго положенія и богатства, уязвлявшихъ его ревнивую гордость. Между

завистниками міра Шамфоръ болѣе всѣхъ не могъ простить богатымъ и знатнымъ людямъ роскошь ихъ домовъ, привлекательное изобиліе стола, чѣмъ впрочемъ самъ охотно пользовался. Въ ихъ присутствіи и съ глазу на глазъ онъ щадилъ ихъ, льстилъ имъ, старался понравиться; казалось даже любилъ и почиталъ ихъ, осыпая пышными похвалами. За любезность какую они оказывали, соглашался быть ихъ собесѣдникомъ и жить у нихъ. Но требовалось чтобъ они своимъ кредитомъ выхлопотали для него отъ двора вознагражденіе за литературные труды: пенсіономъ въ нѣсколько тысячъ экю, какимъ онъ пользовался, онъ не считалъ себя удовлетвореннымъ. Эти люди, говорилъ онъ Флоріану, должны доставить мнѣ двадцать тысячъ въ годъ доходу; я стою не меньше этого! За эту цѣну онъ былъ согласенъ имѣть избранныхъ которыхъ исключалъ изъ своей сатиры. Но касту вообще раздиралъ безжалостно. А когда увидѣлъ что всѣ эти богатства и знатности рушатся и больше пригодиться не могутъ, онъ разорвалъ всякую связь съ ними и сталъ на сторону народа... Однажды мы остались одни въ Луврѣ послѣ академическаго засѣданія.—Ну что же, спросилъ онъ меня, вы не попали въ депутаты?—Нѣтъ, отвѣтилъ я, и утѣшаюсь какъ лисица смотрящая на виноградъ: зеленъ, ягодки нѣтъ зрѣлой.—Дѣйствительно, возразилъ онъ, виноградъ этотъ не довольно зрѣлъ для васъ. Ваша душа слишкомъ мягкаго закала, слишкомъ гибка для предстоящаго испытанія. Хорошо сдѣлали избиратели, сохранивъ васъ для другаго законодательства. Вы можете прекрасно строить, но не годитесь разрушать.

„Я зналъ что Шамфоръ другъ и наперсникъ Мирабо, одного изъ предводителей партіи, и понималъ что нахожусь у источника свѣдѣній которыя хотѣлось мнѣ получить. Чтобы побудить его высказаться, я притворился что не понялъ его.

„— Вы пугаете меня, сказалъ я, говоря о разрушеніи.— Мнѣ казалось что имѣется въ виду лишь исправленіе.

„— Да, но исправленія часто ведутъ къ разрушенію: поправляя старую стѣну какъ ручаться что она не развалится подъ ударами молота. И, по правдѣ сказать, зданіе такъ расшатано что не удивлюсь если придется сломать его до основанія.

„— До основанія! воскликнулъ я.

„— Отчего же нѣтъ, возразилъ Шамфоръ, но воздвигнуть по другому плану менѣе готическому и болѣе правильному. Какое было бы, напримѣръ, зло еслибы не было столькихъ

этажей, а все было бы въ уровень. Надѣюсь вы не пришли бы въ отчаяніе еслибы больше не услыхали ни о высокопреосвященствахъ, ни о сіятельствахъ (eminences, grandeurs), титулахъ, гербахъ, дворянахъ и разночинцахъ, высшемъ и низшемъ духовенствѣ.

„Я замѣтилъ что равенство всегда было химерою реслубликъ и приманкою для честолюбій; но что такая нивеллировка невозможна въ обширной монархіи и что желающіе все сломать идутъ далѣе желаній и требованій націи.

„— Да развѣ, отвѣтилъ онъ, нація знаетъ чего она хочетъ? Ее заставятъ хотѣть и говорить чего она никогда и не думала... Нація большое стадо желающее только пастись и которое съ хорошими собаками пастухъ уведетъ куда хочетъ. Да вѣдь ей же хотятъ сдѣлать добро, невѣдомо для нея самой, ибо, другъ мой и вашъ старый порядокъ, и ваша вѣра, и ваши нравы, и весь этотъ хламъ старыхъ предразсудковъ не стоятъ того чтобы ихъ щадить. Вѣдь они все стыдъ и срамъ нашему вѣку. А чтобы начертить новый планъ, совершенно основательно желаніе очистить мѣсто.

„— Очистить мѣсто! настаивалъ я. А тронъ, а алтарь?

„— И тронъ и алтарь полетятъ вмѣстѣ. Эти своды упирающіеся одинъ въ другой, разрушится одинъ, и другой повалится.

„Я скрылъ впечатлѣніе какое произвела на меня его откровенность и желая вызвать его еще далѣе сказалъ:—Вы говорите о предпріятіи, замѣтилъ я, для исполненія котораго на мой глазъ гораздо болѣе трудностей чѣмъ средствъ.

„— О, повѣрьте мнѣ, трудности предвидѣны и средства разочтены.

„Онъ распространился, и я узналъ что разчетъ партіи основанъ на характерѣ короля, столь чуждомъ всякому насилію что его считали малодушнымъ; на современномъ состояніи духовенства, среди котораго, говорилъ Шамфоръ, есть нѣсколько добродѣтелей безъ таланта и нѣсколько талантовъ униженныхъ и опозоренныхъ пороками; наконецъ на состояніи высшаго дворянства, выродившагося, среди котораго почти нѣтъ великихъ характеровъ способныхъ поддержать блескъ своего имени. Среднее сословіе, прибавилъ онъ, должно болѣе всего надѣяться на себя. Это сословіе, давно утомленное произволомъ власти притѣснительной сверху до низу во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, имѣетъ надъ двумя

другими сословіями преимущество не только числа, но и согласія, мужества, дерзкой рѣшимости на все.

„— Наконецъ, продолжалъ Шамфоръ, весь этотъ наколившійся запасъ нетерлѣнія и раздраженія представляющій грозу готовую разразиться; повсюду лиги (confédération) и явныя возмущенія, вся страна готова отвѣтить на сигналъ поданный провинціею Дофине общимъ крикомъ что она хочетъ быть свободна; провинціи уже въ связи между собою, сношенія между ними установились и республиканскій духъ изъ Парижа какъ центра далеко разноситъ свой свѣтъ и свою теплоту. Это кажется уже не воздушные замки.

„Я сознался что въ теоріи все это весьма внушительно, но прибавилъ что лучшая часть націи никакъ не хочетъ выйти изъ предѣловъ желательной реформы и нанести какой-либо ущербъ законамъ страны и основнымъ началамъ монархіи.

„Онъ согласился что у своихъ домашнихъ очаговъ, въ конторахъ, бюро, мастерскихъ значительная часть осѣдлыхъ гражданъ найдетъ быть можетъ дерзкими замыслы могущіе возмутить ихъ покой и житейскія наслажденія.

„— Но если они и не одобрятъ такого плана, то сдѣлаютъ это робко и безъ шума; чтобы заставить ихъ подчиниться есть рѣшительный классъ которому нечего терять при перемѣнахъ, но который можетъ надѣяться все выиграть. Чтобы возмутить его есть отличные двигатели: бѣдность, голодъ, шумъ переполоха и услуга, безуміе ужаса и бѣшенства какими поразятъ его умы. Мы слышали среди буржуазіи только пріятныхъ болтуновъ. Знайте что всѣ ваши ораторы на трибунѣ ничто въ сравненіи съ Демосѳенами по экю съ рыла, которые въ кабакахъ, на площадяхъ, въ садахъ и на набережныхъ, возвѣщаютъ о грабежахъ, ложарахъ, разрушенныхъ деревняхъ, залитыхъ кровью; о замыслѣ осадить и заморить голодомъ Парижъ. Вотъ это я называю краснорѣчіемъ. Среди черни особенно сильно дѣйствуютъ жажда денегъ и надежда на поживу при грабежѣ. Мы сдѣлали опытъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Не повѣрите какъ недорого стоило герцогу Орлеанскому выпустить толпу которая разнесла фабрику честнаго Ревельона, содержавшаго среди этого самого народа сотню семействъ. Мирабо шутливо завѣряетъ что съ тысячью луидоровъ можно сдѣлать премилое возстаніе.

„— Но въ такомъ случаѣ, сказалъ я,—ваши попытки суть преступленія, а ваше войско разбойники“.

— Что же дѣлать, приходится такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ холодно. Развѣ можно что-нибудь сдѣлать изъ этого народа, надѣвъ на него намордникъ честности и справедливости? Люди добра и порядка слабы, эгоистичны, робки; лишь негодяи рѣшительны. Преимущество черни среди революціи именно въ отсутствіи нравственности. Какъ держаться противъ людей, которымъ всѣ средства хороши. Мирабо правъ: ни одна изъ старыхъ нашихъ добродѣтелей намъ не пригодна, не надо ихъ и народу, для котораго требуется иная закалка. Все что необходимо для революціи, все что ей полезно — справедливо: вотъ великій принципъ.

— Не принципъ ли это герцога Орлеанскаго, возразилъ я:— другаго главы возмутившагося народа я не вижу, но о его мужествѣ, признаюсь, большаго мнѣнія не имѣю.

„— Вы правы, и Мирабо, хорошо его знающій, говоритъ что разчитывать на него значило бы строить на пескѣ. Но онъ показалъ себя популярнымъ, онъ носитъ внушительное имя, можетъ разбросать милліоны, ненавидитъ короля, а еще болѣе королеву. Если не достаетъ ему храбрости, то ее дадутъ ему. Среди народа будутъ безстрашные вожди съ минуты какъ обнаружатъ себя явнымъ возстаніемъ и явятся слѣдовательно преступниками. Некуда будетъ отступать когда сзади останется только эшафотъ. Страхъ безъ надежды спасенія есть истинная храбрость. Будутъ огромныя силы если удастся широко раскинуть сѣти. Но я вижу что надежды мои огорчаютъ васъ. Вы не хотите свободы стоящей денегъ и крови. Вамъ хотѣлось бы революціи на розовой водѣ.“

Пріятель. Шамфоръ, кажется мнѣ, не безъ основанія высказалъ такое презрѣніе къ обществу, среди котораго намѣревался дѣйствовать революціонный кружокъ и на чье неразуміе разчитывалъ. Состояніе Франціи въ годы предъ революціей замѣчательное свидѣтельство какъ общество даже высоко образованное, по количеству и достоинству своихъ умственныхъ силъ не уступающее ни одной изъ современныхъ ему странъ, можетъ быть охвачено неудержимымъ потокомъ политическаго легкомыслія. Забота, казалось, направлялась къ устройству лучшаго будущаго, но это на словахъ. Истинный девизъ былъ жить настоящимъ, закрывая глаза на завтрашній день. Общественный пульсъ бился лихорадочно. „Мнѣніе“ подвижное и измѣнчивое прочно не останавливалось ни на чемъ. Колебанія его

были опасною игрой, а не серіознымъ дѣломъ, или точнѣе были серіознымъ дѣломъ лишь насколько можетъ быть имъ опасная игра. Трудно было найти двухъ человѣкъ которые были бы согласны между собою и одинаково строили бы идеалы будущаго; каждый проводилъ свою, для самаго себя неясную, теорію. Но если въ положительномъ все шло врозь, то въ отрицательномъ было единодушіе. Каждая сила являвшая оппозицію правительству, выходившая на борьбу съ правительственною властію, могла разчитывать на рукоплесканія и одобреніе. Ничто не встрѣчалось такъ сочувственно какъ критика и обличеніе дѣйствующихъ постановленій и правящихъ лицъ, критика переходившая въ вопль о злоупотребленіяхъ. И это въ эпоху когда сравнительно съ прежнимъ временемъ и злоупотребленій было меньше и благоденствія больше. Общая картина представляется мнѣ какимъ-то театромъ. На сценѣ играютъ актеры, интригуя, по театральному обычаю, за кулисами. Это правительственныя лица — министры, интенданты и иные администраторы. Громадный партеръ зрителей, общество, апплодируетъ, шикаетъ, разбираетъ игру артистовъ, привѣтствуетъ однихъ, требуетъ удаленія другихъ, жаждетъ ощущеній, бранитъ содержателя труппы; въ качествѣ зрителя ни въ чемъ не считаетъ себя отвѣтственнымъ и является только критикующимъ и требующимъ. Требуетъ даровыхъ билетовъ, хорошаго помѣщенія, права всѣмъ распоряжаться, ничѣмъ не жертвуя и ни за что не отвѣчая.

Слово которое точнѣе всего выражаетъ неустойчивое состояніе тогдашняго общества есть растатанность. Она входила въ общество и чествовалась не подъ своимъ именемъ, а подъ именемъ свободы. Это магическое, всякому дорогое слово понимается такъ широко и такъ иногда неясно, что не лишнее опредѣлить его точнѣе. Есть двѣ формы свободы. Одну можно назвать активною, другую пассивною. Одна есть выраженіе воли, другая выраженіе уступчивости. Когда я стою на склонѣ, то могу или отдаться паденію и покатиться внизъ теряя ощущеніе сопротивленія и отдаваясь свободѣ движенія; или могу противостать тяжести и ощутить независимость въ побѣдѣ надъ нею. Свободная независимость духа можетъ проявляться среди крайняго повиновенія. Приведу изъ сочиненія Борка, на которое мы не разъ ссылались, слова способныя пояснить то что я хочу сказать. Боркъ говоритъ о исчезнувшемъ вѣкѣ рыцарства и замѣчаетъ:

„Никогда, никогда уже не увидимъ мы больше этого возвышеннаго прямодушія по отношенію къ званію и полу, этого гордаго подчиненія, этой благородной покорности, этого ловиновенія сердца, которое среди даже рабства раждало и поддерживало духъ пламенной свободы."

Авторъ. Эту самую мысль можно встрѣтить у Токвиля. Припомни что говоритъ онъ о старой французской привязанности къ королямъ. „Король, пишетъ онъ, внушалъ Французамъ чувства какія ни одинъ изъ самыхъ неограниченныхъ государей являвшихся послѣ не могъ породить, и которыя стали для насъ даже непонятны. Подчиняясь его самымъ произвольнымъ приказаніямъ, они поступали скорѣе по любви чѣмъ по принужденію, и имъ удавалось такимъ образомъ сохранить душу свободною, несмотря на крайнюю зависимость".

Пріятель. Не эта форма свободы господствовала во французскомъ обществѣ на революціонномъ скатѣ. Не въ томъ чтобы побороть препятствія, поднять тяжесть была забота, а въ томъ чтобы сбросить тяжесть съ плечъ, а отъ препятствій устраниться. „Всякія связи, по глубокому выраженію графа Сегюра въ его *Запискахъ*, казались цѣпями". Стремленіе къ свободѣ выражалось въ удаленіи на перебой всего что, казалось, давитъ, жметъ, стѣсняетъ, въ неудержимомъ желаніи развинтить всѣ винты, вынуть всѣ заклепы, въ увѣренности что безъ нихъ машина пойдетъ ходче и легче.

Довольно взглянуть на волнующуюся поверхность общественной жизни предреволюціонной Франціи чтобъ убѣдиться какой неспокойный и неустойчивый матеріалъ представляла эта ищущая новыхъ формъ масса, возбужденная до послѣдняго своего атома и способная породить нѣчто ни для кого неожиданное. Въ послѣднее время я перечиталъ много мемуаровъ относящихся къ этой эпохѣ, и образъ предреволюціонной Франціи довольно живо рисуется моему воображенію. Никогда общественная жизнь не достигала такого шумнаго развитія. Театры и всякія зрѣлища ломились отъ зрителей, жадныхъ до новизны и ловившихъ всякій намекъ на событія и лица текущей жизни, на общее положеніе дѣлъ. Въ Версалѣ вниманіе блестящаго, но крайне распущеннаго двора, съ молодою, чистою нравственно, но легкомысленною королевой во главѣ, было направлено къ устройству спектаклей и оригинальныхъ праздниковъ, а въ промежуткахъ между ними на интриги по части назначенія и смѣны министровъ. Возникли

новыя учрежденія, *клубы*, подъ безчисленными наименованіями и съ самыми разнообразными цѣлями, отъ Лицея съ публичными чтеніями до шахматнаго клуба и игорныхъ домовъ. Количество журнальныхъ листковъ и брошюръ удесятерилось противъ прежняго. Болтовня литературная и политическая изъ салоновъ распространилась въ кофейныя, клубы, театральные фойе, садъ Пале-Ройяля, гостиныя полусвѣта. Этотъ выходъ „общественнаго мнѣнія“ изъ аристократическихъ салоновъ на улицу одно изъ самыхъ характеристическихъ явленій эпохи. Когда одного путешественника нѣсколько лѣтъ отсутствовавшаго изъ Франціи спросили по возвращеніи какую нашелъ онъ перемѣну въ странѣ, онъ отвѣтилъ: „одну; то что̀ прежде говорилось въ салонахъ, теперь повторяется на улицахъ.“ Это была демократизація болтовни и вольнодумства. Аристократическое вольнодумство вращалось главнымъ образомъ въ области вопросовъ о религіозномъ авторитетѣ въ государственной и частной жизни, о свободѣ вѣрованій, христіанствѣ, деизмѣ и атеизмѣ; вопросовъ собственно политическихъ касалось въ весьма отвлеченной формѣ наилучшаго устройства общества на началахъ природы и разума. О практическомъ потрясеніи монархической формы и всего стараго порядка никто не думалъ. Либерализмъ останавливался на ступени *Велизарія* Мармонтеля. Политическимъ идеаломъ былъ великодушный король склоняющій ухо къ голосу правды откуда бы онъ ни выходилъ, изъ дворцовъ или изъ хижинъ, и пекущійся о благѣ народа по указанію философовъ.

Выйдя изъ салоновъ, „мнѣніе“ пріобрѣло тѣсно политическій, жгучій характеръ, практическую форму. Игра самоотрицанія смѣнилась ненавистью истребленія. Намѣтились новые классы и группы дѣятелей. Центръ тяжести перемѣстился. Прежде общество было отраженіемъ двора, теперь дворъ сталъ принаравливаться къ потоку общественной жизни. Вотъ небольшая иллюстрація новыхъ нравовъ. Королева любила посѣщать маскарады Парижской Оперы. Былъ случай что карета на дорогѣ сломалась — королева прибыла на балъ въ простомъ фіакрѣ, вдвоемъ со своею камеристкой, графинею Полиньякъ. А въ мартѣ 1778 года,—въ эпоху когда Парижъ съ энтузіазмомъ встрѣчалъ Вольтера, не могшаго впрочемъ вслѣдствіе отвращенія короля получить доступъ ко двору,—въ четвергъ на Масляницѣ на балѣ въ Оперѣ было, какъ разказываетъ Башомонъ (Bachaumont) въ своихъ

Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France (Londres 1779, T. XI, 115), такое происшествіе. Странная маска долго говорила съ королевой, подойдя къ ея ложѣ. „Маска была одѣта пуассардою (poisaarde) въ оборванномъ чепцѣ и соотвѣтственномъ костюмѣ. Какъ только королева вошла въ ложу, маска подошла къ барьеру и заговорила съ большою фамильярностью, называя королеву Антуанетою и выговаривая ей зачѣмъ не лежитъ со своимъ мужемъ который теперь хралитъ во всю мочь. Маска продолжала разговоръ, который всѣ слышали, въ томъ же тонѣ свободы и съ такою веселостью что ея величество чтобы лучше разговаривать совсѣмъ перекинулась за барьеръ ложи. Около получаса продолжалась бесѣда и королева удалилась, говоря что никогда такъ не смѣялась, а когда маска стала упрекать зачѣмъ уходитъ, обѣщала вернуться, что и исполнила. Второй разговоръ былъ столь же продолжителенъ какъ первый и маска кончила тѣмъ что поцѣловала руку королевы, чѣмъ королева не обидѣлась. Общій толкъ что подъ маской скрывался актеръ театра Французской Комедіи Газонъ, но какъ-то этому не вѣрится."

Корреспонденція Гримма (*Correspondence littéraire, philosophique, critique* etc, adressée à un sauverain d'Allemagne par le baron de Grimm et par Diderot. Paris, изданіе 1813), родъ журнала для немногихъ, заключаетъ въ себѣ за годы ближайшіе къ революціи не мало любопытныхъ указаній на тогдашнее состояніе французскаго общества. Вотъ, между прочимъ, нѣсколько отрывковъ относящихся къ маю 1786 года. Авторъ указываетъ на большую перемѣну въ нравахъ въ сторону распущенности. „Рѣдко можно теперь встрѣтить во Франціи людей которые были бы что называется одѣты. Женщины ходятъ въ блузахъ и шляпкахъ (sont en chemise et en chapeau), мущины во фракахъ (тогда фракъ не былъ парадньмъ костюмомъ) и жилетахъ. Такой способъ одѣваться конечно удобенъ, не лишенъ даже граціи, но имѣетъ ли онъ то благообразіе, то достоинство какія приличествуютъ націи столь долго служившей въ этомъ отношеніи образцомъ и примѣромъ для всѣхъ другихъ... Духъ общительности, знаменитой французской любезности исчезаетъ. Оказать безъ задней мысли вниманіе женщинѣ значило бы напомнить тонъ стараго двора, а этотъ тонъ, какъ всякому извѣстно, считается наихудшимъ въ мірѣ.... Мущины и дамы еще встрѣчаются иногда, но можно ли сказать чтобъ они видѣлись? Съ

тѣхъ поръ какъ устроились въ театрахъ *маленькія ложи* (les petites loges), только развѣ самые близкіе друзья могутъ быть увѣрены что найдутъ свѣтскую женщину дома. Если ложа на самомъ дѣлѣ и не занята, это все-таки предлогъ очень удобный и необидный закрыть свою дверь для общества, оставить ее отворенною только для друга нынѣшняго дня, или вчерашняго, или завтрашняго. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, говорила мнѣ Mlle Клеронъ (извѣстная актриса), женщина которая показалась бы болѣе двухъ или трехъ разъ въ мѣсяцъ въ спектаклѣ, аффишировала бы себя самымъ неприличнымъ образомъ. Благодаря изобрѣтенію *маленькихъ ложъ*, дамы нынѣ каждый день безнаказанно ѣздятъ въ театръ и ихъ можно найти дома только ко времени ужина. Потому къ нимъ пріѣзжаютъ не ранѣе десяти часовъ вечера. Въ домахъ гдѣ не играютъ сейчасъ же садятся за столъ. И при этомъ дамы бываютъ почти однѣ, большинство мущинъ даже молодые люди не ужинаютъ, остаются въ гостиной играя или разговаривая между собою. Какъ ужинать когда обѣдали по-англійски въ четыре или пять часовъ вечера? Часъ начала спектакля не передвинутъ позже какъ часъ обѣда, а страсть къ посѣщенію театра нынѣ распространена болѣе чѣмъ когда-либо. Оттого изъ дому гдѣ обѣдали выходятъ какъ изъ трактира прямо изъ-за стола. Не остается времени для бесѣды ни послѣ обѣда, ни послѣ ужина... Мущины привыкли жить между собою. Огромный успѣхъ имѣло учрежденіе клубовъ по англійскому образцу. Каждый день возникаютъ новые: клубы политическіе, военные, салонъ италіянской комедіи, салонъ искусства, шахматный клубъ, клубъ Американцевъ и т. д.

„Франція изящнаго разговора, знаменитой causerie française, смѣнилась Франціей болѣе грубой политической болтовни. Безцеремонность, отложеніе всякихъ стѣсненій, царствующія въ высшемъ обществѣ, внесли въ болѣе низкій кругъ духъ нелѣпой и неприличной фамильярности. Многія куртизанки поднялись, благодаря деньгамъ, на уровень свѣтскихъ женщинъ. Увеселенія, удовольствія, крайная свобода обращенія, всякій соблазнъ привлекаютъ къ нимъ людей лучшаго общества, и порядочныя женщины поставлены въ жестокую альтернативу или принять на себя роль этихъ опасныхъ соблазнительницъ, или увидѣть себя совсѣмъ оставленными.“

„Представительность, говоритъ въ свою очередь Монбаре (III, 161), сдѣлалась обузою. Лица высшаго званія и даже пожилые всю жизнь хлопотавшіе чтобы получить королевскіе

ордена какъ доказательства высшаго благоволенія, стали скрывать ихъ знаки подъ вульгарною одеждой позволявшею имъ лѣшкомъ сновать по улицамъ, смѣшиваясь съ толпой.“

„Никогда, пишетъ Сегюръ (I, 146), не замѣчалось столько контрастовъ во мнѣніяхъ, вкусахъ, нравахъ. Среди академій рукоплескали правиламъ филантропіи, выходкамъ противъ суетной славы, обѣтамъ вѣчнаго мира. По выходѣ волновались, интриговали, декламировали чтобъ увлечь правительство въ войну (за свободу Америки). Каждый старался затмить другаго роскошью, говоря въ то же время въ республиканскомъ духѣ и проповѣдуя равенство. При дворѣ никогда не было столько блеска, суетности и такъ мало власти. Дерзко пренебрегали версальскими властями и кланялись *Энциклопедіи*. Мы предпочитали слово похвалы Далабера или Дидро самому явному знаку расположенія короля или членовъ его семьи. Любезничанье, честолюбіе, философія все смѣшивалось и спутывалось. Прелаты покидали эпархіи чтобы добиваться министерствъ; аббаты писали неприличные стихи и сказки. При дворѣ рукоплескали республиканскимъ тирадамъ *Брута*; монарха склоняли принять сторону народа взбунтовавшагося противъ своего короля; въ лагеряхъ толковали о независимости, среди дворянъ о демократіи, на балахъ о философіи и о нравственности въ будуарахъ“....

Легкомысленное отношеніе ко всякому дѣлу шло сверху. Въ старой Франціи тонъ двора имѣлъ громадное вліяніе на тонъ всей общественной жизни. Съ юнымъ королемъ,—Людовикъ XVI вступилъ въ 1774 году двадцати лѣтъ отъ роду,— и столь же юною королевой при дворѣ, естественно, на первый планъ выступила молодежь, жадная до наслажденій, въ дѣлахъ неопытная, вращавшаяся въ тѣсномъ кругѣ придворныхъ интересовъ, смѣявшаяся надъ этикетомъ и игравшая его нарушеніями, весело смотря на надвигавшіяся вокругъ тучи, не понимая какую грозу несутъ онѣ съ собою. „Молодежь, говоритъ Монбаре (III, 161), давала тонъ двору и кончила тѣмъ что удалила людей зрѣлаго возраста и разсудительнаго характера. Они появлялись при дворѣ только когда побуждалъ къ тому долгъ или требовало того приличіе.“ Чтобы составить понятіе о распущенности господствовавшей при дворѣ, гдѣ вошло въ обычай исподтишка подсмѣиваться надъ королемъ и явно не исполнять его приказаній, достаточно привести слѣдующій фактъ.

„Я слышалъ, разказываетъ графъ Сегюръ (I, 151), какъ въ залѣ спектаклей въ Версалѣ весь дворъ съ энтузіазмомъ апплодировалъ трагедіи Вольтера *Брутъ* и въ особенности двумъ стихамъ:

Je suis fils de Brutus et je porte en mon coeur
La liberté gravée et les rois en horreur."

Такъ при дворѣ. Что же въ публикѣ, даже избранной? Играли, напримѣръ, въ театрѣ принца Орлеанскаго (въ Chaussée d'Antin) піесу Лефевра *Елизавета Французская*, въ присутствіи членовъ Академіи и избраннаго общества: зала была отдана принцемъ автору который и приглашалъ зрителей по усмотрѣнію. Избранная публика усиленно и „даже неприлично" апплодировала тому мѣсту піесы, гдѣ Филиппъ говоритъ королевѣ чтобъ она заботилась только о томъ чтобы нравиться, а ему предоставила бы заботы управленія (Grimm, II, 180).

Молодежь господствовала не при дворѣ только. Извѣстно какое громадное значеніе имѣла во Франціи магистратура. Борьба съ парламентами,—судебными учрежденіями получившими большое политическое значеніе вслѣдствіе присвоеннаго ими права вносить королевскіе указы въ списокъ законовъ или отказывать во внесеніи и дѣлать свои представленія, — одно изъ главнѣйшихъ событій царствованія Лудовика XV. Послѣ окончательнаго разгрома, возстановленные въ началѣ царствованія Лудовика XVI, они претерпѣли значительныя измѣненія въ личномъ составѣ. На первый планъ выдвинулась молодая магистратура, молодые совѣтники, горячія молодыя головы, какъ называетъ ихъ Мармонтель (IV, 6). Молодежь вступала въ жизнь неподготовленная. Серіозное ученіе, разстроенное съ изгнаніемъ іезуитовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ воспитаніе Франціи, и съ тѣхъ поръ не пришедшее въ порядокъ, упало въ странѣ. Молодые люди въ военной службѣ, въ судебномъ сословіи вступали дѣятелями въ возрастѣ когда слѣдовало бы учиться. „Въ восемнадцать лѣтъ, говоритъ Мерсье въ *Картинѣ Парижа* (T. VII, 91), Парижанинъ кончаетъ ученье. Думаетъ что все знаетъ, хотя не знаетъ ничего.... Въ двадцать лѣтъ какой-нибудь сынъ президента начинаетъ пустозвонить о матеріяхъ важныхъ; сыновья чиновныхъ людей быстро переходятъ отъ дѣтской робости къ замѣчательной наглости. И изъ этихъ юношей мечтаютъ сдѣлать ораторовъ, полковни-

ковъ, судей и будущихъ епископовъ.... Баловство женщинъ, нѣсколько словъ схваченныхъ на лету, придаютъ нынѣшней молодежи дерзкую самоувѣренность какой не имѣло прежнее поколѣніе. У ней слишкомъ много заемнаго ума основаннаго на ходячихъ фразахъ и который можетъ вести только къ пустоцвѣту. И замѣчательно, эти юноши отличаются какою-то серіозностью которую можно назвать грустною."

За то распространеніе поверхностныхъ знаній привлекало къ себѣ особое вниманіе. Вошли въ моду публичныя лекціи, устроилось цѣлое учрежденіе, Лицей, „родъ академіи для женщинъ и свѣтскихъ людей." Гриммъ хвалитъ это учрежденіе, находя его особенно полезнымъ „въ странѣ гдѣ молодые люди назначающіеся къ военной службѣ, къ магистратурѣ или къ придворной жизни кончаютъ ученье когда должны были бы его начинать." Гриммъ не скрываетъ что подобныя учрежденія способны служить только къ распространенію поверхностныхъ знаній, но ссылается на рѣчь маркиза Кондорсе (извѣстный математикъ, членъ Академіи наукъ, въ послѣдствіи видный дѣятель революціи) говорившаго при открытіи уроковъ математики: „знанія поверхностныя все же лучше невѣжества, только были бы очень распространены. Лишь въ случаѣ когда они рѣдки, они способны внушать гордую рѣшимость судить и рядить обо всемъ и чваниться скуднымъ запасомъ знанія."

Молодежь высшаго круга представляла оригинальнѣйшія явленія. О нихъ можно получить понятіе изъ *Записокъ* графа Сегюра, бывшаго однимъ изъ самыхъ видныхъ ея представителей. Самое щекотливое чувство сословной и военной чести, обусловливавшей вѣрность королю и монархическимъ началамъ, соединялось съ экзальтированнымъ свободолюбіемъ и республиканскими мечтаніями. Сегюръ, какъ и Лафайетъ, былъ изъ числа отправившихся воевать за свободу Американской республики. Сохранилось письмо писанное имъ въ 1782 году на пути на бортѣ корабля, именовавшагося *Славой*, и въ которомъ онъ набросалъ свои ощущенія. Вотъ что говоритъ онъ между прочимъ (*Mem.*, I, 270): „Въ нѣдрахъ неограниченной монархіи все жертвуется суетности, желанію почетной извѣстности, которое зовутъ любовью къ славѣ, но которое нельзя назвать любовью къ отечеству въ странѣ гдѣ только незначительное меньшинство, воспитываемое, благодаря случайности рожденія, для занятія, по волѣ главы го-

сударства, важнѣйшихъ должностей, имѣетъ участіе въ законодательствѣ и управленіи; въ странѣ гдѣ государственное дѣло есть частное дѣло, дворъ все, нація ничто. Любовь къ истинной славѣ не можетъ быть безъ философіи и общественныхъ нравовъ. Я юнъ, но прошелъ уже много испытаній и освободился отъ многихъ ошибокъ. Произвольная власть тяготитъ меня. Свобода за которую я иду драться внушаетъ мнѣ живѣйшій энтузіазмъ. Какъ желалъ бы я чтобы наслаждалась ею и моя страна, насколько это согласно съ нашей монархіей, нашимъ положеніемъ и нравами. У меня теперь одна страсть: заслужить одобреніе общественнаго мнѣнія не такого каково оно теперь, а какимъ оно должно быть, — мнѣнія, напримѣръ, свободнаго народа гдѣ мудрецъ былъ бы законодателемъ. Еслибы я былъ судьею, я отдалъ бы все время съ пяти часовъ суду дабы бороться съ несправедливостію; еслибъ я былъ министръ, я былъ бы готовъ подвергнуться ссылкѣ и печальному жребію какой правда испытываетъ при дворахъ, дабы защищать дѣло угнетенныхъ; воинъ, я оставляю родныхъ и семейный очагъ, все что дорого сердцу чтобы строго исполнить долгъ благороднѣйшій изъ всѣхъ если исполняется онъ для поддержанія справедливаго дѣла.“

Въ этомъ изображеніи рисуются чувства лучшей части аристократической молодежи. Оно поясняетъ какъ могли содѣйствовать успѣху революціи представители класса, которому прежде всего она грозила и который смела прежде всего, и не тѣ только чей кругозоръ ограничивался придворными интригами и узко понимаемыми сословными интересами, но и тѣ чьи сердца, казалось, были исполнены желанія блага родинѣ и всему человѣчеству. Отсутствовало одно— государственный смыслъ.

„Что касается насъ, молодаго французскаго дворянства, говоритъ Сегюръ (T. I, 3me ed., 25, 40), то мы, безъ сожалѣнія о прошломъ и безъ заботы о будущемъ, весело шли по ковру усѣянному цвѣтами, скрывавшему пропасть. Осмѣивая и нарушая старыя моды, смѣясь надъ феодальною гордостью нашихъ отцовъ и ихъ важнымъ этикетомъ, мы находили все старое стѣснительнымъ и заслуживающимъ только насмѣшки. Серіозная важность старыхъ ученій насъ тяготила. Смѣющаяся философія Вольтера насъ увлекала забавляя. Незнакомые съ ученіями болѣе глубокихъ и серіозныхъ писателей, мы дивились ей какъ исполненной мужественнаго сопротивленія произвольной власти. Насъ прельщали вошед-

шія въ обычай кабріолеты, фраки, простота англійскихъ нравовъ, позволявшіе укрыть отъ стѣснительнаго блеска нашу частную жизнь. Посвящая наше время праздникамъ, удовольствіямъ, нетруднымъ обязанностямъ придворной и гарнизонной жизни, мы беззаботно наслаждались и удобствами старыхъ учрежденій, и свободой новыхъ нравовъ. Одни льстили нашей суетности, другіе нашей страсти къ удовольствіямъ... Свобода, монархія, аристократія, демократія, предразсудки, разумъ, новизна, философія,—все соединилось чтобы дать намъ счастливые дни и никогда столь ужасному пробужденію не предшествовалъ сонъ столь сладкій и плѣнительный... Формы зданія оставались тѣ же; мы и не замѣчали какъ оно было подточено внутри. Мы смѣялись надъ безпокойствомъ стараго двора и духовенства, громившихъ противъ духа нововведеній... Для насъ это казалось битвами пера и слова, не могущими нанести ущерба высотѣ положенія которое мы занимали и которое благодаря вѣковому обладанію считали прочнымъ."

„Души наши, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Сегюръ (I, 61), были тогда въ какомъ-то опьяненіи отъ филантропіи, и мы старались изыскивать средства быть полезными человѣчеству и сдѣлать людей болѣе счастливыми. Чтобы ни говорили, не могу не пожалѣть что страсть эта исчезла. Самый излишекъ ея есть наиболѣе простительная изъ людскихъ ошибокъ. Передать не могу съ какимъ усердіемъ, съ какою добросовѣстностью, презирая насмѣшки, предавались мы ученію магнетизма, въ надеждѣ облегчить и исцѣлить страждущихъ. Никакой миссіонеръ не оказывалъ столько горячности и милосердія. Не могу безъ смѣха вспомнить что случилось съ однимъ изъ моихъ пріятелей, соединявшимъ съ добротою сердца горячность души и самое живое воображеніе... Ѣдучи въ Версаль на балъ королевы, встрѣчаетъ онъ на дорогѣ человѣка лежащаго на носилкахъ. Объятый желаніемъ помочь несчастному и можетъ-быть спасти его, онъ останавливаетъ свою карету и людей съ носилками. Дождь лилъ ливнемъ. Пріятель мой былъ въ легкомъ шелковомъ бальномъ костюмѣ. Но ничто не охлаждаетъ его ревности; онъ выпрыгнулъ изъ кареты и принялся распрашивать носильщиковъ: тѣ молчатъ въ изумленіи. Не дожидаясь отвѣта, онъ наклоняется надъ паціентомъ, беретъ его за руки, трогаетъ грудь и магнетизируетъ его съ величайшимъ усердіемъ, хотя и тщетно.

„Чѣмъ же боленъ этотъ несчастный?“ спрашиваетъ онъ.—„Боленъ?“ отвѣчаютъ съ изумленіемъ носильщики. „Онъ не боленъ, а уже три часа какъ умеръ.“ Смущенный пріятель мой печально вернулся въ карету и на другой день повѣрилъ мнѣ свою смѣшную ошибку, и я хранилъ ее въ тайнѣ.“

Сдѣлаю еще заимствованіе изъ *Записокъ* Сегюра. Онъ рисуетъ слѣдующую оригинальную и вмѣстѣ типическую фигуру графа Лораге (Lauraguais) „знаменитаго своимъ увлеченіемъ англійскими учрежденіями, нравами и обычаями, шумомъ своихъ любовныхъ похожденій, своею философіей, не много циническою, и роскошью поглотившею его состояніе. Невоздержностію рѣчей и оригинальною дерзостью писаній онъ навлекъ на себя не малое число *lettres de cachet* (королевскія распоряженія о ссылкѣ или заключеніи), которыя онъ называлъ „своею корреспонденціей съ королемъ“. „Я помню, разказываетъ Сегюръ, какъ однажды, зная что онъ въ ссылкѣ далеко отъ Парижа, я встрѣтилъ его спокойно гуляющимъ на скачкѣ, гдѣ по обыкновенію присутствовалъ весь дворъ. Я указалъ ему опасность его неблагоразумія. Онъ только засмѣялся. Выходка эта не могла остаться неизвѣстною, но не повлекла за собою никакихъ послѣдствій. Тогда произволъ болѣе терпѣлся чѣмъ уважался, и еслибы, вмѣсто того чтобы смотрѣть сквозь пальцы, вздумали показать строгость, то не знаю не придало ли бы общественное мнѣніе, въ его тогдашнемъ броженіи, этому дѣлу болѣе силы и значенія чѣмъ сколько оно заслуживало... Любя до изступества вихрь свѣтскихъ удовольствій, Лораге предался наукамъ и сдѣлалъ въ химіи какія-то открытія давшія ему доступъ въ Академію Наукъ. Онъ усовершенствовалъ фарфоръ, дѣлалъ опыты надъ эѳиромъ и его смѣшеніемъ съ водой, надъ алмазами. Послѣдніе опыты никакой пользы не принесли, но сильно содѣйствовали его разоренію. Оригинально увлекающійся въ своихъ вкусахъ, онъ потратилъ пропасть денегъ на покупку алмазовъ, изъ которыхъ часть обогатила неблагодарныхъ красавицъ, а другая расплавилась въ его фарфоровыхъ горнахъ... Долго видѣли его пышнымъ, блестящимъ, самымъ любезнымъ вельможей, но еще долѣе потомъ встрѣчали плохо одѣтымъ, непричесаннымъ, напустившимъ на себя простоту дунайскаго крестьянина. Помню, однажды пришелъ онъ ко мнѣ въ своемъ циническомъ костюмѣ, но съ лицомъ сіяющимъ отъ удовольствія.

„— Отчего у тебя такой радостный видъ? спросилъ я.

„— Другъ мой я счастливѣйшій человѣкъ: я совсѣмъ разорился.

„— Вотъ странное счастье, отъ котораго можно кажется было повѣситься!

„— Очень ошибаешься; пока состояніе было только въ разстройствѣ я заваленъ былъ дѣлами, преслѣдованіями, качался между страхомъ и надеждой. А теперь, какъ разорился, чувствую себя независимымъ, спокойнымъ, свободнымъ ото всякихъ безпокойствъ и заботъ.

„Лораге былъ изъ тѣхъ что первые сбросили, во вкусахъ, мнѣніяхъ, языкѣ и манерахъ, бремя налагавшееся правилами хорошаго тона и хорошаго общества (bon ton et bonne compagnie) и слѣдовалъ своимъ фантазіямъ, провозглашая самыя смѣлыя системы. Въ театрѣ онъ вывелъ обычай городскихъ и придворныхъ франтовъ садиться на скамьяхъ ставившихся за рампой предъ кулисами и мѣшавшихъ сценической иллюзіи. По его же совѣту, актеры и актрисы перестали, изображая Нерона, Брута, Тезея, Федру и Меропу, являться въ костюмахъ по тогдашнимъ французскимъ модамъ... Лораге былъ влюбленъ въ актрису Арну, за которой ухаживалъ тоже одинъ князь не особенно острый разумомъ. Лораге отправился ко врачу и серіознѣйше спрашивалъ можно ли умереть со скуки. Врачъ отвѣтилъ что конечно продолжительное скучанье можетъ разстроить организмъ и повести къ истощенію способному причинить смерть. Лораге попросилъ письменной консультаціи по этому вопросу и, получивъ таковую, отблагодарилъ врача. Отправился затѣмъ къ адвокату и спросилъ его, можно ли преслѣдовать судомъ человѣка который какимъ-либо способомъ хочетъ васъ уморить. Адвокатъ отвѣчалъ что безъ сомнѣнія и, по желанію графа, далъ письменное удостовѣреніе. Вооруженный этими двумя документами Лораге отправился въ судъ и подалъ уголовную жалобу на князя, который, говорилъ онъ, хочетъ уморить со скуки его и m-lle Арну... Въ ранней молодости, во время войны, онъ въ кровавой битвѣ обнаружилъ блестящее мужество. Когда кончилось дѣло, созвалъ офицеровъ и спросилъ: довольны ли они его поведеніемъ. Всѣ отвѣчали единодушною похвалой.

„— Очень радъ что вы довольны вашимъ полковникомъ, сказалъ онъ, но это вовсе не мое ремесло и я оставляю его.

„— Дѣйствительно, послѣ кампаніи онъ вышелъ въотставку. Онъ былъ и поэтъ, и финансистъ, смѣло разбиравшій финансо-

вый отчетъ Неккера и тѣмъ навлекшій на себя непріятности, увеличившія его „переписку съ королемъ.“ Онъ первый показалъ Парижанамъ скачки съ англійскими лошадьми съ жокеями; мечталъ о французскомъ парламентѣ гдѣ бы могъ играть роль Вальполя или Чатама. Одна изъ его любовницъ разказывала что онъ ломѣстилъ ее въ оранжереѣ и кормилъ почти исключительно ананасами и другими плодами тропическихъ странъ, а когда она стала жаловаться, отвѣтилъ: „какъ можешь ты, неблагодарная, жаловаться что не имѣешь необходимаго,— такой тривіальной вещи,—когда у тебя въ избыткѣ излишнее котораго такъ всѣ желаютъ“.

Вотъ на что̀ уходили таланты и силы! Молодежь, замѣчаетъ Монбаре, многое перенесла изъ Англіи; но не переняла того серіознаго образованія какимъ отличаются англійскіе государственные люди.

Спустимся ступенью ниже, къ буржуазіи. И тутъ встрѣтимъ явленія оригинальныя, вызванныя пресыщеніемъ, но далеко не въ привлекательныхъ формахъ. Гриммъ (II, 174) описываетъ какъ одинъ кулеческій сынокъ разослалъ приглашеніе на ужинъ въ формѣ похоронныхъ пригласительныхъ билетовъ. (Король для рѣдкости велѣлъ экземпляръ новаго приглашенія обдѣлать въ рамку.) „Такой-то, кавалеръ (écuyer), адвокатъ при парламентѣ, членъ Академіи Римскихъ Аркадъ, свободный сотрудникъ Парижскаго Музея, редакторъ драматической хроники *Нѣшательскаго Журнала*, проситъ васъ ложаловать на ужинъ, имѣющій быть въ его квартирѣ, на Елисейскихъ Поляхъ, въ приходѣ Магдалины. Будетъ сдѣлано все возможное чтобы принять васъ по заслугамъ; не осмѣливаясь льстить себя надеждой что вы будете вполнѣ удовлетворены, смѣемъ однако нынѣ же завѣрить что касательно масла и свинины останетесь довольны.... Просятъ усерднѣйше не приводить ни собакъ, ни лакеевъ; для прислугъ будутъ служанки ad hoc.“ Подборъ гостей былъ самый разнообразный—писатели, лортные, артисты, военные, судейскіе, аптекари, актеры и т. д. Приглашенныхъ продержали съ четверть часа въ полутемномъ ломѣщеніи и наконецъ ввели въ блестяще-освѣщенную залу. Предъ баллюстрадой окружавшей столъ стояли два савойяра, одѣтые древними герольдами. По четыремъ угламъ залы стояли мальчики-церковнослужители (enfants du choeur) съ кадильницами. „Когда родители мои даютъ обѣдъ, говорилъ хозяинъ, за столомъ всегда есть нѣсколько человѣкъ которые имъ кадятъ. Я хотѣлъ избавить

васъ, господа, отъ этого труда". Первое блюдо было свинина. „Мнѣ доставляетъ ее одинъ изъ моихъ родственниковъ, замѣтилъ амфитріонъ, рекомендую вамъ его магазинъ". Когда послѣ двадцати великолѣпныхъ блюдъ гости хотѣли удалиться, они нашли двери запертыми. Ихъ отпустили только въ семь часовъ утра. Мать оригинала, увѣрившаго родителей что даетъ ужинъ друзьямъ, появилась на минуту въ залѣ въ сопровожденіи друга дома, о которомъ ходили слухи что онъ за ней ухаживаетъ; почтительный сынъ встрѣтилъ ихъ стихомъ

Et ces deux grands débris se consolent entre eux.

Когда его спросили, почему онъ не купитъ должности совѣтника, а остается простымъ адвокатомъ, онъ отвѣтилъ: „тогда быть-можетъ пришлось бы въ качествѣ судьи приговорить моего отца къ висѣлицѣ, а теперь имѣю по крайней мѣрѣ право защищать его".

Однимъ изъ самыхъ характеристическихъ явленій общественной жизни въ предреволюціонной Франціи былъ никогда невиданный успѣхъ на сценѣ *Свадьбы Фигаро* Бомарше. Театръ тогда былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ гдѣ находили для себя исходъ общественныя настроенія. Въ театрѣ, напримѣръ, главнымъ образомъ выразился энтузіазмъ по случаю прибытія Вольтера въ Парижъ. Постановка *Свадьбы Фигаро* сдѣлалась важнымъ политическимъ событіемъ. Король прочтя піесу выразилъ что ни за что не дозволитъ ея представленія, но мало-по-малу уступилъ настояніямъ легкомысленнаго двора, увлеченнаго произведеніемъ геніальной веселости. Въ піесѣ нѣтъ ничего въ тѣсномъ смыслѣ революціоннаго, нѣтъ никакихъ намековъ на событія или лица; это не сатира общественныхъ нравовъ; ничего раздражающаго, жгучаго, ѣдкаго нѣтъ въ піесѣ: она вся исполнена веселаго добродушія и въ основѣ весьма добрыхъ чувствъ. *Тартюфъ* Мольера несравненно болѣе политическая піеса чѣмъ *Свадьба Фигаро*, выводящая на сцену игривый случай въ имѣніи испанскаго гранда. Тѣмъ не менѣе рѣдко насмѣшка являлась (быть-можетъ не являлась никогда) такою политическою силой какъ въ этой піесѣ игриваго содержанія, въ которой дѣйствующія лица какъ бы мимоходомъ бросаютъ искры геніальнаго остроумія во всѣ стороны жизни прошлаго вѣка. *Свадьба Фигаро*, это восьмнадцатый вѣкъ, самъ себя весело, легкомысленно и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно умно осмѣивающій; вѣкъ стоящій предъ серіозными въ высшей степени задачами, поня-

мающій эти задачи, но отлагающій ихъ разрѣшеніе и кончающій пѣсенкой. Послѣднія слова *Свадьбы Фигаро:*

Or Messieurs la comédie
Que l'on juge en cet instant
Sauf erreur, nous peint la vie
Du bon peuple qui l'entend.
Qu'on l'opprime, il peste, il crie,
Il s'agite en cent façons:
Tout finit par des chansons!

Свадьба Фигаро на сценѣ была торжествомъ свободы въ упомянутомъ мною выше смыслѣ. Не забудемъ что въ эпоху ея представленія на французской сценѣ еще строго соблюдались условныя приличія, господствовала даже нѣкоторая чопорность. Требованія *bon ton* и *bonne compagnie*, о которыхъ говоритъ Бомарше въ предисловіи къ своей піесѣ, соблюдались съ нѣкоторою строгостію. Нравственная распущенность уже господствовала въ маленькихъ театрахъ на бульварахъ; игривая неприличность проникла въ салоны, гдѣ были въ модѣ сцены и пословицы, слушая которыя дамы закрывались вѣеромъ (Mercier, *Tableau de Paris*), что не мѣшало имъ въ тѣхъ же роляхъ самимъ выступать на любительскихъ сценахъ. При дворѣ требованія конечно были строже. Дѣло ограничивалось представленіемъ *Севильскаго цирюльника* Бомарше съ королевой въ роли Розины. И вотъ на чопорной королевской сценѣ Французской Комедіи появляется піеса съ такимъ игриво-циническимъ, сильно дѣйствующимъ на чувственность содержаніемъ какъ *Свадьба Фигаро*, которой сюжетъ вертится на извѣстномъ феодальномъ правѣ господина (droit du seigneur), въ которой бойкая, не дающая зрителю очнуться интрига между типически живыми лицами, прикрытая наброшенною дымкой поэзіи, незамѣтно прерывается уроками легкой житейской философіи; комедіи, которая блещетъ мѣткими, на вѣки оставшимися выраженіями, воплощающими въ себѣ геній насмѣшливаго самосознанія предреволюціонной Франціи. Наиболѣе, въ тѣсномъ смыслѣ, „политическое“ мѣсто въ піесѣ знаменитый монологъ Фигаро въ пятомъ дѣйствіи, гдѣ онъ говоритъ о графѣ Альмавива: „вы такъ гордитесь знатностью, богатствомъ, титулами, мѣстами. Да что же вы сдѣлали чтобъ имѣть всѣ эти блага? Вы потрудились родиться и болѣе ничего. Въ остальномъ вы самый обыкновенный человѣкъ. Тогда какъ мнѣ затерянному въ темной

толпѣ, чтобы только существовать, надо было употребить болѣе знанія и соображенія чѣмъ сколько потрачено во сто лѣтъ чтобы управлять всѣми Испаніями.“ Въ эпоху когда градомъ сыпались памфлеты и мелкія политическія брошюры, тогда какъ на бумагѣ и книги и журналы находились подъ самою строгою цензурой, электрическое дѣйствіе производили на зрителей слова Фигаро: „только маленькіе люди боятся маленькихъ брошюръ“ (il n'y a que les petits hommes qui redoutent les petits écrits) и разказъ Фигаро какъ онъ сдѣлался журналистомъ: „мнѣ сказали что въ Мадридѣ введена система свободной продажи продуктовъ, въ томъ числѣ и произведеній печати; и что если я въ писаніяхъ моихъ не буду говорить ни о власти, ни о религіи, ни о политикѣ, ни о нравственности, ни о высокопоставленныхъ лицахъ, ни о корпораціяхъ имѣющихъ силу, ни объ операхъ и прочихъ спектакляхъ, ни о комъ къ чему-нибудь приставленномъ (ni de personne qui tienne à quelque chose),—то я могу все свободно печатать подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензоровъ.“ „Хотѣли, продолжалъ Фигаро, дать мнѣ мѣсто; къ несчастію я былъ для него годенъ: требовался счетчикъ (calculateur)—мѣсто отдали танцору.“

Піеса, представленная на Французскомъ Театрѣ въ мартѣ 1784 года, имѣла успѣхъ какого до нея не достигала на французской сценѣ ни одна піеса. Въ первое представленіе герцогини платили огромныя деньги чтобы получить мѣсто чуть не въ райкѣ. „Было нѣчто болѣе сумашедшее чѣмъ моя піеса, говорилъ Бомарше,—это ея успѣхъ“. Весь Парижъ отъ высшихъ слоевъ до рыночныхъ торговокъ перебывалъ въ театрѣ. Пріѣзжали изъ окрестностей столицы даже духовныя лица. „Въ послѣдніе дни“, пишетъ Метра (Тэнъ, I, 415), былъ обѣдъ сорока лицъ изъ деревенскаго духовенства у священника въ Оранжисѣ, въ пяти льё отъ Парижа. За дессертомъ, въ откровенности вина, всѣ сознались что прибыли въ Парижъ поглядѣть *Свадьбу Фигаро*“. Только король былъ удивленъ ея успѣхомъ. Когда одинъ изъ придворныхъ отправлялся на первое представленіе, король спросилъ думаетъ ли онъ что піеса будетъ имѣть успѣхъ. „Полагаю, государь, что она падетъ.“ — „Я самъ того же мнѣнія“, отвѣчалъ король. Какъ бы въ отместку за успѣхъ *Фигаро* король оказалъ особое вниманіе Піейру (Pieyre), автору піесы нравственнаго содержанія, *École des pères*, поставленной къ концу того же года

на Французскомъ Театрѣ. Авторъ получилъ почетную шпагу (Grimm, IV, 434). Не помѣшало это тому чтобы Бомарше былъ приглашенъ королевой къ представленію въ Тріанонѣ *Севильскаго Цирюльника* съ Маріею-Антуанетой въ главной роли. Не помѣшало и тому что Бомарше послѣ полусотни представленій *Свадьбы Фигаро* былъ арестованъ на нѣсколько дней за рѣзкую статью противъ одного изъ принцевъ, что вызвало новую овацію поэту со стороны парижскаго общества.

Жажда ощущеній, неспокойная экзальтація настроенія высказывались во всемъ, даже по поводу научныхъ открытій. Изобрѣтеніе воздушныхъ шаровъ было принято съ небывалымъ энтузіазмомъ. „Вотъ уже мѣсяцъ, говоритъ Гриммъ (II, 240; августъ 1783), всюду, въ городѣ и при дворѣ, въ собраніяхъ, на ужинахъ, при туалетахъ хорошенькихъ женщинъ только и рѣчи что объ опытахъ, объ атмосферномъ воздухѣ, горючемъ газѣ, летающихъ колесницахъ, воздушныхъ путешествіяхъ... Я слышалъ какъ наши политики въ кофейняхъ съ патріотической грустью вычисляютъ увеличеніе издержекъ какія необходимо причинитъ устройство воздушнаго флота... Разсуждаютъ что для церемоніальныхъ воздушныхъ выѣздовъ при дворѣ приличнѣе всего будетъ хорошая запряжка изъ орловъ. Павлинъ, птица Юноны, будетъ въ упряжкѣ королевы, раздѣляя иногда честь съ голубями Венеры, чтобы не было имъ завидно.“

Каждый день ждали новыхъ чудесъ и въ мірѣ научныхъ изобрѣтеній, и изъ міра тайныхъ знаній. „Говорящая голова“ аббата Миколя, издававшая звуки голоса отъ давленія пальцевъ на клавиши, позволитъ * сохранить для будущихъ вѣковъ акцентъ и произношеніе живаго языка (тѣ же надежды какія недавно возлагались на фонографъ Эдисона). Увѣряли что придумано средство сохранять на многія лѣта черты лица безъ измѣненія и слѣдовательно вѣчно казаться молодымъ (письмо Мте Неккеръ, Grimm, II, 327). Въ *Парижскомъ Журналѣ* (*Journal de Paris*) появилось объявленіе что одинъ часовщикъ въ Ліонѣ изобрѣлъ эластическія калоши, помощью которыхъ онъ можетъ рикошетомъ переходить рѣку по пятидесяти разъ въ часъ, и вотъ была открыта подписка на сумму двухъ сотъ луидоровъ, для выдачи изобрѣтателю послѣ удачнаго опыта

* Такъ увѣрялъ Ривароль, авторъ брошюры *Письма къ президенту о аэростатѣ, говорящихъ головахъ и о состояніи общественнаго мнѣнія въ Парижѣ* (Grimm, II, 275).

на Сенѣ. Королева, старшій братъ короля (Monsieur), немедленно приняли участіе въ подпискѣ и прислали сорокъ пять луидоровъ. Сумма быстро пополнилась, на Сенѣ была выстроена ограда. Но объявленіе оказалось шуткой: одинъ изъ жителей Ліона хотѣлъ испытать легковѣріе публики. Король очень смѣялся происшествію.

„И въ то время, говоритъ Сегюръ (I, 145), когда господствовало невѣріе, всякія связи казались цѣпями, философія звала предразсудкомъ всѣ старыя вѣрованія и старые нравы; значительная часть юныхъ и новыхъ мудрецовъ впадали въ манію иллюминатовъ, въ ученіе Сведенборга, Сенъ-Мартена, о возможности сообщенія человѣка съ небесными духами; другіе толпились около магнитнаго чана Месмера, вѣрили всеобщности силы магнетизма, были убѣждены въ непогрѣшимости приговоровъ сомнамбулъ и не подозрѣвали что нѣтъ большой разницы между магическимъ чаномъ внушавшимъ имъ энтузіазмъ и чудесною могилой дьякона Париса, надъ которою они такъ смѣялись."

Ученіе мартинистовъ имѣетъ не мало пунктовъ прикосновенія съ нынѣшнимъ спиритизмомъ. Согласно этому ученію (Mercier, *Tableau de Paris*, VI, 137) „насъ окружаетъ невидимый міръ, міръ духовъ. Вокругъ насъ невидимо живутъ разумныя существа одаренныя разнообразными качествами. Они постоянные спутники нашихъ дѣяній, свидѣтели нашихъ мыслей. Человѣкъ могъ бы сообщаться съ ними и чрезъ такое сношеніе расширять сферу своихъ знаній, еслибы злоба и пороки не привели его къ утратѣ этой важной тайны... Чтобы коснуться высшихъ истинъ, надо отнестись къ тѣмъ что̀ выше людей, вступить въ бесѣду съ духами. Всѣ науки занимающія наши академіи тщетны, всѣ наблюдатели удалившіеся отъ принципа лишь блуждали въ человѣческихъ открытіяхъ. Послѣдній житель идеальнаго міра знаетъ больше чѣмъ Бекон, Бургавъ и всѣ мнимые геніи которыми гордится земля."

Араго (*Ouevr.*, *Notices biogr.* Т. II, 290) разказываетъ какъ знаменитаго химика Бертоле яростные поклонники Месмера чуть не задушили въ Пале-Роялѣ, когда онъ позволилъ себѣ сказать что видѣнные имъ опыты животнаго магнетизма не считаетъ достаточно доказательными. Это слышалъ Араго отъ самого Бертоле.

Успѣхъ грубаго шарлатанства Каліостро, вотъ яркое свидѣтельство до чего доходило легковѣріе этого пресыщеннаго лег-

комысленнаго общества. Чародѣй, таинственно распускавшій слухи будто онъ живетъ уже вѣка, владѣетъ секретомъ быть заразъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и становиться невидимымъ, прибылъ въ Парижъ съ женою или подругой, Итальянкой замѣчательной красоты, и къ семидесяти двумъ франъ-масонскимъ ложамъ разсѣяннымъ въ столицѣ, прибавя ложу египетскаго масонства, обѣщалъ „братьевъ“ посвятить въ таинства Изиды и Анубиса, а въ тѣсныхъ кружкахъ приверженцевъ вызывалъ мертвыхъ, заставляя ихъ ужинать съ живыми. Не удивительно что шарлатанъ овладѣлъ умомъ недальняго кардинала де-Рогана; но онъ имѣлъ почитателей и между молодыми совѣтниками парижскаго парламента: одинъ изъ главныхъ политическихъ дѣятелей его, Эпремениль, былъ его ревностнымъ приверженцемъ. Эпремениля въ публикѣ приписывали участіе въ составленіи мемуара поданнаго Каліостро въ судъ по дѣлу объ ожерельѣ королевы и столь жадно расхватаннаго толпой что къ квартирѣ Каліостро пришлось приставить стражу (*Louis XVI* par Amedée Renée, Paris, 1858, стр. 296). Въ дѣловомъ документѣ (*Mémoire pour le comte de Cagliostro*, Paris 1786) Каліостро не выставляетъ себя, конечно, чародѣемъ, но и того что̀ заключается въ мемуарѣ достаточно чтобы судить на какую степень легковѣрія разчитывалъ его авторъ. Каліостро повѣствуетъ какъ онъ, таинственный сынъ неизвѣстныхъ, чуть ли не царственныхъ родителей, провелъ первое дѣтство въ Мединѣ, пользуясь уроками какого-то мудраго Альтотаса, научившаго его большей части языковъ Востока; какъ посѣтилъ потомъ въ юности египетскія пирамиды и былъ посвященъ египетскими жрецами въ великія таинства ихъ знаній; какъ странствовалъ по Европѣ, въ Петербургѣ былъ въ сношеніяхъ съ „prince Potenchin, M. Nariscin, le général Gelacin, le général des Cosaques, le général Medicino“; какъ всюду благодѣтельствовалъ бѣднымъ и, благодаря своимъ познаніямъ, исцѣлялъ недужныхъ. Не утверждая, Каліостро и не отрицалъ что владѣетъ философскимъ камнемъ и даромъ пророчества. Если такъ говорилось въ документѣ предъявленномъ суду, то можно повѣрить что дѣйствительно происходило то что̀ разказывается въ брошюрѣ *Mémoires authentiques pour servir à l'histoire du comte Cagliostro*, упоминаемой въ *Корреспонденціи* Гримма (III, 351), о таинствахъ въ какія посвящала дамъ жена Каліостро. Каждая участница вносила сто луидоровъ, въ теченіе десяти дней воздерживалась ото всякаго сношенія съ людьми

(de tout commerce humain) и клялась исполнять все приказываемое. Посвящаемыя, сбросивъ всѣ одѣянія, облекались въ балахоны (lévite), вводились въ ярко-освѣщенную залу, гдѣ на тронѣ возсѣдала жена Каліостро, имѣя за собою двѣ высокія фигуры въ бѣломъ, „тѣни ли, мущины ли, женщины ли, неизвѣстно“. Затѣмъ въ залѣ дѣлалось темно. Слышались приказанія обнажить лѣвую ногу и поднять правую руку. Являлись двѣ женщины связывавшія снурками дамъ ло ногамъ и ло рукамъ, въ знакъ зависимости въ какой мущины держатъ женщинъ. Освобожденныя дамы раздѣлялись на группы и отправлялись въ особыя помѣщенія, гдѣ ихъ встрѣчали мущины употреблявшіе всѣ средства соблазна. Посвященныя обязаны были устоять и, какъ пишетъ авторъ брошюры, всѣ вернулись въ залъ не нарушивъ обѣта. „Дщери земли, провозглашала жрица, сбросьте ваши одѣянія, и если хотите слышать истину, покажитесь какъ она“. Поцѣлуй дружбы оканчивалъ посвященіе.

Что могло противопоставить это женски нервное, экзальтированное, легковѣрное и легкомысленное общество революціонному потоку поднимавшемуся роковымъ образомъ?

Авторъ. Но откуда же взялся и въ чемъ состоялъ этотъ потокъ?

Пріятель. Когда люди живутъ не разсудкомъ, а чувствомъ и воображеніемъ, нѣтъ химеры которая не могла бы ихъ увлечь. Я называю предреволюціонное общество легкомысленнымъ прежде всего въ смыслѣ легкомыслія политическаго. Общество шло къ политическому крушенію, того не замѣчая; катилось, какъ я сказалъ, съ горы, весело тѣшась быстротой движенія отъ котораго замирало сердце, не видя пропасти и не желая заглянуть впередъ. Нѣтъ ничего несправедливѣе какъ воображать себѣ предреволюціонную Францію, изнемогающею подъ гнетомъ деспотизма, страждущею отъ злоупотребленій власти и оскорбительныхъ притѣсненій со стороны высшихъ классовъ, лишенною свободы слова и совѣсти, доведенною до разоренія, безъ денегъ и хлѣба, ищущею выхода изъ отчаяннаго положенія въ революціонномъ кризисѣ. Въ послѣднее время я много вчитывался въ мемуары относящіеся къ этой эпохѣ, и менѣе всего вынесъ впечатлѣніе мрачной картины. Страданія были въ низшихъ слояхъ, въ народѣ, но и тутъ они были гораздо умѣреннѣе чѣмъ въ прежнія эпохи. Голодъ ознаменовав-

шій послѣдніе годы предъ революціей не былъ какимъ-либо необычайнымъ явленіемъ. Голодные годы много разъ бывали и прежде, принося еще болѣе страданій, но не вызывая тѣхъ дѣяній широкой благотворительности, и правительственной и частной, какимъ ознаменовалось время предъ революціей. Разница въ томъ что голодъ прежде не эксплуатировался съ политическою цѣлью. (При Тюрго былъ впрочемъ случай, въ 1775 году, когда булочныя въ Парижѣ были разграблены подученною чернію съ цѣлью подорвать кредитъ мѣръ введенныхъ этимъ министромъ, и когда начальникъ парижской полиціи Ленуаръ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ устроителями мятежа.) Благоденствіе народа несомнѣнно возвышалось. Громадная часть земли перешла въ собственность крестьянъ. Въ обществѣ преобладала жажда наслажденій, и хотя всякій жаловался, — въ высшихъ и среднихъ классахъ никогда не жилось такъ легко какъ предъ революціонною грозой. Болѣе снисходительное правительство, какъ тогдашнее, трудно себѣ представить. Среди строгихъ формъ и суровыхъ законовъ на дѣлѣ практиковалась свобода въ смыслѣ самой широкой безнаказанности и распущенности. Суровость оставалась на бумагѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ никогда декламаціи о тиранствѣ правителей не пользовались такимъ успѣхомъ какъ именно въ эту эпоху. „Ребенокъ, говоритъ Монбаре (III, 95), лепеталъ уже сарказмы противъ власти, еще и не понимая что̀ такое власть“. Паѳосъ Мирабо въ его трактатѣ *Des lettres de cachet et des prisons d'état* (Oeuvres choisies, Paris, 1820, стр. 57, 71) казался неотразимымъ. „Темный гражданинъ, восклицалъ будущій громоносный ораторъ, если и не вѣритъ въ Бога-мстителя, знаетъ по крайней мѣрѣ что не ускользнетъ отъ строгости законовъ... Но грабить и угнетать цѣлый народъ, не высшее ли это преступленіе чѣмъ обворовать частнаго человѣка? Убить тысячи людей содержа на жалованіи сто тысячъ соучастниковъ этого убійства, и убить одного—какое преступленіе сильнѣе? А таковы именно дѣянія тѣхъ въ чьей волѣ и судьи, и охранители общественнаго порядка!... Всякая власть исходитъ непосредственно отъ Бога, говорите вы. Заключаете ли вы отсюда, спрашиваю я, что все человѣчество создано чтобы быть игрушкою нѣсколькихъ индувидуумовъ, и что фантазія одного человѣка священнѣе интересовъ цѣлаго народа? Скажете ли вы да? Все можно сказать и все говорится. Не буду терять времени чтобы раздражаться.

Чувствую что вы чудовище, но чувство не доказательство. Докажу только что вы безумецъ... Всякая власть отъ Бога—принимаю; она священна—согласенъ; абсолютна—пускай; неодолима—ссылаюсь на вседневный опытъ; нелобѣдима—вотъ тутъ-то я васъ и ждалъ. Что сдѣлаете вы если всѣ мы скажемъ *нѣтъ* когда вы говорите *да?* Вы сдадитесь конечно или будете сломлены! Значитъ вы зависимы и неотразимо подчинены закону. Вотъ этотъ законъ: вы царствуете надъ нами лишь въ силу соединенія нашей воли съ вашею; чтобы вы сохранили власть необходимо чтобы мы считали себя заинтересованными въ ея сохраненіи, считали ее для себя полезною."

Между тѣмъ сердца были наполнены снисходительностію, любовью къ меньшей братіи. „Не было преступника (Montbarey, III, 96), который не нашелъ бы защитниковъ представлявшихъ его какъ невинную жертву той части королевской власти какая ввѣрена судьямъ его осудившимъ. Обычнымъ припѣвомъ этихъ защитниковъ было обращеніе къ естественному человѣческому равенству и ссылка на злоупотребленія административныхъ формъ монархическаго государства."

Въ запискахъ Вебера (чиновника при королевѣ, прибывшаго съ нею изъ Вѣны) читаемъ (I, 131): „Послѣ того какъ судомъ было осуждено на сожженіе сочиненіе Бонсерфа противъ феодальныхъ правъ, вліятельные члены судебнаго вѣдомства составили между собою лигу рѣшать во всѣхъ процессахъ крестьянъ противъ помѣщиковъ (des vassaux contre les seigneurs) въ пользу первыхъ".

Ты смѣешься?

А в т о р ъ. Наши критики навѣрное укажутъ что мы нарочно стараемся подбирать черты сходства съ тѣмъ что дѣлается у насъ.

П р і я т е л ь. О, еслибъ ихъ искать, то можно бы найти множество! Вотъ, мимоходомъ, напримѣръ, фактъ увеличенія самоубійствъ въ годы предъ революціей, на который указываетъ Мерсье въ *Tableau de Paris* (III, 117). Настроеніе нашего общества въ его поверхностномъ слоѣ носитъ несомнѣнно не мало признаковъ предреволюціоннаго состоянія. Это заслуживаетъ вниманія, и сознаніе этого факта было бы хорошимъ шагомъ къ исцѣленію. Но есть и громадная разница между предреволюціонною Франціей и на-

шимъ нынѣшнимъ состояніемъ. Настроеніе во Франціи было естественное и искреннее, наше—искусственное, насильственное, навязываемое чуть не по приказу. Обманъ лежитъ въ основѣ всего дѣла и никогда ложь не пріобрѣтала такихъ размѣровъ, не имѣла такой проклятой силы какъ у насъ въ нынѣшнее время. Французская революція была сдѣлана Французами, была явленіемъ національнымъ, вытекавшимъ изъ исторіи народа. Наше революціонное движеніе по существу противо-національное. Оно вышло изъ идей космополитизма, отчужденія отъ своего народа, скитальчества, породившихъ направленіе въ свое время называвшееся западническимъ, изъ котораго какъ крайній продуктъ выдѣлился кружокъ примыкавшій къ Герцену и *Колоколу*. Это было еще впрочемъ невинное революціонное направленіе, призывавшее на родину то что казалось политическими благами цивилизаціи. Оно стало дѣйствительно революціоннымъ съ той поры какъ имъ овладѣла политическая интрига и „польская справа“. Отсюда, какъ доказано съ очевидностію, пошла та вакханалія фальшиваго либерализма какою ознаменовалась эпоха предшествовавшая Польскому возстанію 1863 года и возвратить насъ къ которой такъ стараются нынѣ наши враги и ихъ сознательныя и безсознательныя орудія. Вотъ гдѣ истокъ темной полосы которая идетъ чрезъ все прошлое царствованіе, полосы заговоровъ, развращенія молодежи, разстройства высшихъ учебныхъ заведеній, разврата печати, проникновенія въ администрацію, суды, школы противогосударственныхъ и противообщественныхъ элементовъ, наконецъ полосы пожаровъ, политическихъ убійства и покушеній на главу государства. Движеніе не встрѣтившее къ сожалѣнію въ правительствѣ надлежащаго противодѣйствія, успѣвшее отуманить много головъ въ обществѣ. Прибавлю что во французскомъ предреволюціонномъ обществѣ было не мало дѣйствительно привлекательнаго. Сегюръ былъ правъ говоря: „Одно было въ этой эпохѣ чего нельзя не пожалѣть и что никогда не вернется: среди столкновенія столь противорѣчивыхъ мнѣній, системъ, вопросовъ, обѣтовъ, господствовали въ обществѣ мягкость, терпимость самыя привлекательныя.“ Не много привлекательнаго представляетъ намъ старающійся овладѣть положеніемъ нашъ гнилой, измѣнническій либерализмъ...

РАЗГОВОРЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Авторъ. Вернемся къ поставленному мною вопросу: откуда взялся революціонный потокъ и въ чемъ онъ состоялъ. Ты набросалъ, на мой взглядъ, довольно живую картину возбужденнаго и вмѣстѣ легкомысленнаго общества, лишеннаго въ высшихъ его представителяхъ государственнаго смысла и политической мудрости. Въ этомъ лихорадочномъ неспокойномъ состояніи умовъ ты, если не ошибаюсь, видишь главную причину революціоннаго духа объявшаго страну и приведшаго къ революціонной бурѣ. Скажу на это что не общественныя настроенія, какъ ни велико ихъ значеніе, дѣлаютъ революціи, и не въ нихъ главная опасность положенія въ переходныя эпохи. Общественное настроеніе, по существу своему измѣнчивое, само есть послѣдствіе болѣе глубокихъ причинъ. Не въ немъ суть революціоннаго дѣла. Первенствующее значеніе имѣетъ настроеніе правительства и его образъ дѣйствій. Что такое революція? Революція есть насильственное перемѣщеніе власти. Ослабленіе, паденіе власти есть потому первое условіе революціоннаго успѣха. Рѣдко условіе это было исполнено съ такою полнотой какъ наканунѣ французской революціи. Ты обратилъ вниманіе на состояніе общества; еще важнѣе состояніе правительства. Правительство не только облегчило успѣхъ революціи, оно само ее подготовило, оно само ее сдѣлало.

Когда историческое событіе совершилось и историкъ разбираетъ его причины, то оно необходимо является роковымъ послѣдствіемъ условій ему предшествовавшихъ. При наличности данныхъ причинъ, слѣдствіе можетъ быть только одно, именно то какое было въ дѣйствительности. Но отсюда еще далеко до историческаго фатализма. Была ли французская революція необходимымъ событіемъ французской исторіи, независимо отъ лицъ игравшихъ роли въ этой исторической драмѣ? Можно ли было предупредить роковое событіе, измѣнить его путь, или былъ этотъ путь необходимо намѣченъ исторіей? По отношеніямъ къ прошедшему теперь это праздный вопросъ: свершившагося не передѣлаешь. Но нѣтъ сомнѣнія что при другихъ условіяхъ, опре-

дѣлявшихся не историческою необходимостью, а слѣпою случайностью, характеромъ лицъ, на которыхъ выпалъ жребій участвовать въ дѣйствіи, ходъ событій могъ быть иной. Случайности и свободная воля такъ или иначе направленная играютъ великую роль въ исторіи. И разборъ вліянія какое эти факторы оказываютъ на событія не менѣе поучителенъ какъ и разборъ историческихъ теченій охватывающихъ людей помимо ихъ сознательной воли и независимо отъ ихъ случайныхъ личныхъ качествъ. Въ смыслѣ уроковъ исторіи этотъ разборъ особенно поучителенъ.

Появленіе на французскомъ престолѣ въ трудную историческую минуту, по смерти Людовика XV, юнаго короля съ характеромъ Людовика XVI, есть историческая случайность, но какая роковая случайность! Ничтожество Людовика XVI какъ правителя, отсутствіе въ немъ государственнаго смысла, имѣли неисчислимыя послѣдствія. Предшествовавшая исторія вела къ возвеличенію королевской власти. Все сводилось къ монарху какъ центру. Всѣ нити управленія, какъ показалъ Токвиль, обнаружившій что французская централизація не есть дѣло революціи, а создана старымъ порядкомъ вещей, шли отъ центральнаго правительства. Ты приводилъ слова Токвиля о томъ обаяніи какое въ старой Франціи имѣлъ король. Въ запискахъ либеральнаго Мармонтеля я встрѣтилъ черту подтверждающую изображеніе Токвиля. Мармонтелю удалось, чрезъ покровительство гжи Помпадуръ, удостоиться чести лично представить Людовику XV одно изъ своихъ сочиненій. „Утромъ, пишетъ Мармонтель, я былъ введенъ герцогомъ Дюра. Это было при вставаніи короля. Никогда не видалъ я его столь прекраснымъ. Онъ принялъ мое почтительное приношеніе съ чарующимъ взоромъ. На какой высотѣ радости былъ бы я еслибъ онъ сказалъ мнѣ хоть одно слово. Но глаза его говорили за него.“ Такъ восторженно пишетъ о развратномъ королѣ, не удостоившемъ проронить слова, человѣкъ либеральнаго по своему времени образа мыслей, говоритъ въ мемуарахъ написанныхъ весьма искренно для наставленія своихъ дѣтей и изданныхъ по смерти автора. Позорное царствованіе Людовика XV, особенно въ послѣдніе его годы, причинило сильный ущербъ этому благоговѣнію предъ особой короля. Людовику XVI, вступившему на престолъ въ 1774 году, когда ему было лишь двадцать лѣтъ отъ роду,

предстояла трудная задача. Требовалось поддержать пошатнувшееся значеніе власти, и нравственное, и политическое, ознаменовать ее дѣйствіями достойными той высоты на какую внесла ее предшествовавшая исторія; уничтожить противорѣчіе между возвышенною идеей монарха, еще имѣвшею великую силу въ умахъ, и скандальнымъ осуществленіемъ этой идеи въ дѣяніяхъ послѣдняго царствованія. Требовалась сильная и разумная энергія власти чтобы спасти ея значеніе. Подростало новое поколѣніе, въ которомъ идея авторитета и въ духовной, и въ свѣтской области была уже сильнѣйшимъ образомъ поколеблена и въ умахъ котораго представленіе о скандалахъ власти было живѣе исчезавшаго преданія о ея величіи. Пока политическое свободомысліе было принадлежностью высшихъ общественныхъ слоевъ и философы бесѣдовали съ маркизами и дюшессами, оно въ кругу аристократіи уживалось съ преданностію королю, считавшеюся дѣломъ дворянской чести, такъ щекотливо развитой въ ту эпоху, и съ вѣрностью монархическимъ началамъ, какъ обязательному завѣту прошлаго. Оно приняло иной характеръ, когда распространилось въ слой ниже лежащій. Большой толчокъ на пути къ практическому примѣненію началъ политической свободы дало знакомство, правда, поверхностное, съ англійскими порядками и учрежденіями. Съ эпохи когда Вольтеръ открылъ Англію Французамъ, Монтескьэ ознакомилъ съ англійскою конституціей, подражаніе внѣшнимъ формамъ англійской жизни постепенно вошло въ моду. А участіе монархической Франціи, увлеченной общественнымъ мнѣніемъ страны, въ Американской войнѣ за свободу подданныхъ возставшихъ противъ своего государя, сильно содѣйствовало къ укрѣпленію сознанія въ неясныхъ еще очертаніяхъ представлявшагося права народа на участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Являлась новая сила готовящаяся къ дѣйствію. Она не выступила еще наружу. Но все ее призывало. Весь вопросъ былъ: въ какой формѣ она появится. Эта сила,—*нація* съ ея правами. Когда, во время суда надъ морскими офицерами послѣ одной неудачной битвы, въ Американскую войну, судьи объявили оправданныхъ офицеровъ достойными уваженія націи, выраженіе это поражало новизною. (Веберъ въ *Мемуар.*, I, 128.) Затѣмъ ссылки на націю стали употребляться чаще и чаще. Задача государственной мудрости состояла въ томъ чтобы не поста-

вить эту новую силу какъ нѣчто противное власти, а достичь ея сліянія со властью, что въ свою очередь обусловливалось энергіей власти. Своею пассивностію власть обращала себя въ косную массу лежащую на дорогѣ новой силы, устулающую, пока наконецъ не сброшена съ дороги. При такихъ условіяхъ нуль на престолѣ былъ роковою исторической случайностью, истиннымъ несчастіемъ для Франціи.

Пріятель. Ты говоришь о недѣятельности власти. Не одностороненъ ли такой взглядъ? Правительство Людовика XVI, напротивъ, отличалось самою широкою реформаторскою дѣятельностью. Никогда во французскомъ правительствѣ не возникало столько преобразовательныхъ плановъ какъ при министрахъ несчастнаго короля. Вина ли правительства что множество полезнѣйшихъ замысловъ разбивалось о своекорыстіе и эгоизмъ сословій и корпорацій желавшихъ сохранить свои привилегіи. Гранье де-Кассаньякъ, въ сочиненіи *Исторія причинъ французской революціи* (*Histoire des causes de la révolution française*, Paris, 1856), все происхожденіе революціи сводитъ къ „слѣпой и эгоистической борьбѣ привилегированныхъ классовъ противъ правительства болѣе либеральнаго чѣмъ страна“ (I, 24). Никогда правительство не обращалось столь довѣрчиво и либерально къ содѣйствію общества какъ именно при Людовикѣ XVI. Одинъ изъ первыхъ его министровъ, знаменитый Тюрго, ввелъ дотолѣ не существовавшій обычай сопровождать королевскіе декреты изложеніемъ мотивовъ выдаваемаго распоряженія, и Вольтеръ, желавшій при свиданіи съ Тюрго поцѣловать руку благодѣющую Франціи, восторженно привѣтствовалъ это нововведеніе. „Королевскіе указы, говоритъ онъ (*Oeuvres*, издан. 1827, Г. XL, 259), предложенные и скрѣпленные Тюрго, суть памятники великодушія и высшей мудрости. Дотолѣ не было еще указовъ въ которыхъ государь великодушно поучалъ бы свой народъ, разсуждалъ бы съ нимъ, разъяснялъ бы ему его интересы, убѣждалъ бы прежде чѣмъ повелѣвать“. Популярный Неккеръ въ своихъ отчетахъ раскрылъ предъ французскимъ обществомъ тайны финансоваго управленія страны, и сдѣлалъ предметомъ общаго обсужденія то что прежде хранилось въ великомъ секретѣ. Наконецъ, послѣдовало прямое обращеніе къ содѣйствію общества въ формѣ образованія провинціальныхъ собраній. Вина ли правительства что его благія на-

чинанія разбились о близорукое сопротивленіе привилегированныхъ классовъ и погибли среди волнъ расшатаннаго, революціонно настроеннаго общества?

Какая въ самомъ дѣлѣ иронія исторіи! Трудно было бы придумать короля который бы въ такой мѣрѣ какъ Людовикъ XVI подходилъ подъ требованія современнаго ему идеала правителя, насколько идеалъ этотъ выражался въ либеральныхъ декламаціяхъ эпохи. Ни тѣни деспотизма, сознаніе своей власти единственно въ смыслѣ силы благотворящей. Какъ государь, Людовикъ XVI не заявилъ и не имѣлъ другаго желанія какъ то чтобы были всѣ довольны и любили его. Для того чтобы были всѣ довольны, онъ готовъ былъ на всякія уступки. Онъ какъ будто принялъ всѣ сентиментальные уроки правителямъ вложенные Мармонтелемъ, въ его сладкомъ произведеніи *Велизарій*, въ уста слѣпому старцу „который былъ для Готѳовъ, Вандаловъ грозою, враговъ отечества разилъ, но самъ сраженъ былъ клеветою“. Онъ мечталъ, какъ и выражено въ регламентѣ по случаю выборовъ въ Собраніе сословій и составленія тетрадей жалобъ,—чтобы правда доходила къ нему со всѣхъ концовъ страны, отъ послѣдняго шалаша. Онъ мечталъ о бережливости, самъ отчасти подавалъ примѣръ. Кассаньякъ отыскалъ въ документахъ эпохи (*Histoire des causes de la révolution*, I, 93) что король пилъ вино въ 22 су бутылка. Семейная жизнь короля отличалась чистотой, поразительною послѣ разврата его предшественника. Снисходительность Людовика XVI не знала границъ. Случалось ли воспретить придворному пріѣздъ ко двору,—тотъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ являться въ Версаль и добрый король сквозь пальцы смотритъ на нарушеніе своего приказанія. Такъ было съ герцогомъ д'Эгильйонъ. „Нѣкоторые вельможи, замѣчаетъ Дрозъ, полагали тогда самолюбіе свое въ томъ чтобы нарушать приказанія короля“ (Droz, *Histoire du règne de Louis XVI*, Bruxelles, 1839, p. 50). Какого, казалось, могли бы желать тогдашніе Французы лучшаго правителя какъ этотъ столь согласный съ требованіями вѣка? Что же между тѣмъ вышло на дѣлѣ? Никогда декламація о тираніи, деспотизмѣ, произволѣ одного не достигала такихъ высокихъ нотъ какъ при этомъ столь мало деспотическомъ королѣ. Никогда оппозиціонныя движенія всякаго рода не находили столько сочувствія въ общественной массѣ. Всѣ либеральные замыслы и усилія разбивались о сопротивленія самаго разнороднаго характера и въ

рядахъ привилегированныхъ сословій, и въ неспокойной массѣ приверженцевъ новизны. Попытки бережливости, старанія внести порядокъ въ финансы никѣмъ не оцѣнены; лугало *дефицита* съ преувеличенными кликами выставлялось какъ главный аргументъ негодности всего существующаго порядка управленія; а объ устрашающемъ значеніи этого грознаго слова потомъ, когда власть перемѣстилась въ иныя руки и финансы пришли въ сильнѣйшее разстройство, забыли и думать. И чистоту жизни не пощадила клевета. Мерзкія книжонки позорили королеву и не разъ случалось выкупать ихъ изъ обращенія. Процессъ съ ожерельемъ королевы, въ которомъ фигурировали вельможа, герцогъ и кардиналъ де-Роганъ, скандально оправданный, и искательница приключеній Де-Ламоттъ, приговоренная къ тѣлесному наказанію и ссылкѣ, дали обильную пищу толкамъ неблагопріятнымъ для двора и королевы. Если былъ кто-либо невиненъ предъ націей, поднявшейся въ революціонномъ вооруженіи, то конечно король. Это не спасло его и королеву отъ жестокой казни....

Авторъ. Да, никто такъ усердно, хоть и безсознательно не послужилъ дѣлу революціи, какъ этотъ несчастный король. Ты указываешь на либеральные планы, замыслы, предпріятія короля и его министровъ для блага страны. Не въ планахъ, замыслахъ и предпріятіяхъ суть дѣла, а въ надлежащемъ исполненіи этихъ плановъ. Все падало какъ воздушные замки по одной главной причинѣ, на которой, кажется мнѣ, прежде всего надлежитъ сосредоточить вниманіе, такъ какъ ею освѣщаются всѣ событія. Причина эта глубокое, во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ нервахъ, потрясеніе принципа власти.

Тэнъ превосходно изобразилъ первую эпоху революціи какъ картину внезапнаго, на всѣхъ путяхъ, проявленія анархіи—*anarchie spontanée*, какъ озаглавливаетъ онъ первую книгу своего описанія революціи. Почему обнаружились эти поразительныя явленія безвластія? Они обусловливались именно паденіемъ власти и въ принципѣ, и на практикѣ.

Въ государственной машинѣ стараго порядка упоромъ, на какомъ стояла и вращалась вся ось механизма была королевская власть. Понятно къ какимъ качаніямъ по волѣ вѣтра и къ какому наконецъ разрушенію должно было вести разслабленіе этой точки опоры одновременно съ расшатаніемъ всѣхъ сдерживающихъ винтовъ механизма.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, съ 1774 до 1789 года, всѣ дѣйствія правительства направлялись къ ослабленію и униженію королевской власти и воспитанію революціоннаго духа въ обществѣ. Людовикъ XVI, котораго, въ бытность его дофиномъ, Дюбарри называла „толстымъ мальчишкой дурно воспитаннымъ“ (le gros garçon mal élevé, Droz, 43), вступилъ на престолъ дурно подготовленный къ трудной задачѣ управленія. Онъ не былъ лишенъ образованія, зналъ по-латыни, по-англійски, чрезвычайно любилъ географію (самъ составилъ планъ путешествія для Лаперуза), но былъ совершенно лишенъ государственнаго смысла. Лѣнивый по природѣ, нерѣшительный, уступчивый, онъ былъ не способенъ къ борьбѣ, лишенъ духа инціативы, и занятіе государственными дѣлами было для него величайшею тягостью. Онъ готовъ былъ разрѣшать, уступать, но вполнѣ лишенъ способности повелѣвать. Сохранился дневникъ Людовика XVI, который вводитъ въ тайникъ души слабаго короля, имѣвшаго кажется одну серіозную страсть, страсть къ охотѣ. Вотъ отрывки изъ дневника, какъ онъ приведенъ въ книгѣ Гранье де-Кассаньяка (II, 68; отрывокъ есть также у Тэна, I, 45):

„*Суббота* 11 (іюля 1789). Ничего. Отъѣздъ Неккера.

„*Вторникъ* 14. Ничего.

Не забудемъ что это былъ день возмущенія Парижа и взятія Бастиліи.

А вотъ что̀ записано въ страшные дни 5 и 6 октября 1789 и въ роковые дни 21 и 26 іюня 1791.

„*Понедѣльникъ* 5 (октября). Стрѣлялъ у Шатильйонской заставы (à la porte de Châtillon). Убилъ 81 штуку. Прерванъ событіями. И туда и назадъ на лошади.

„*Вторникъ* 6. Отъѣздъ въ Парижъ; въ половинѣ перваго посѣщеніе Думы. Ужиналъ и спалъ въ Тюильри.

„*Вторникъ* 21 (іюня 1791). Отъѣздъ въ полночь изъ Парижа. Пріѣхалъ въ Варенн въ Аргонѣ и остановился въ одиннадцать часовъ вечера.

„*Воскресенье.* 26. Рѣшительно ничего. Обѣдня въ галлереѣ. Конференція съ коммиссарами Собранія.

„Это *рѣшительно ничего* 26 іюня 1791, замѣчаетъ Кассаньякъ, есть постановленное декретомъ Собранія лишеніе Людовика XVI всякой власти. Конференція съ коммиссарами Собранія есть допросъ короля и королевы объ обстоятельствахъ ихъ бѣгства.“

Была еще страсть у короля, кромѣ охоты—занятіе кузнечнымъ ремесломъ. Какъ только находилъ досугъ, онъ слѣшилъ ло маленькой лѣстницѣ въ особо устроенную домашнюю кузницу подъ руководство слесаря обращавшагося съ нимъ весьма фамиліарно. Когда онъ являлся затѣмъ среди блестящаго двора, толстый, красный, неуклюжій, былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ изподтишка со стороны придворной молодежи, называвшей его при королевѣ, какъ прекрасной Венерѣ, ея Вулканомъ. Насмѣшки возбуждалъ сильный аппетитъ короля, его привычка подлѣвать во время богослуженія фальшивымъ басомъ. Отсутствіе величія соединялось въ немъ съ удивительною добротой и чистотой души, но вмѣстѣ и съ какою-то прирожденною грубостію вкуса. Когда все въ Парижѣ и при дворѣ было увлечено Америкой и ея мудрымъ посланникомъ, sage de l'Amérique, король велѣлъ на Севрскомъ заводѣ изобразить медальйонъ Франклина на днѣ ночнаго сосуда и послалъ этотъ подарокъ графинѣ Діанѣ Полиньякъ (*Mém. de M-me Campan*, 177). Но смерть слабый король встрѣтилъ съ величіемъ. Когда его судили, было не мало людей готовыхъ принять отчаянныя мѣры на его освобожденіе. Онъ передалъ имъ чрезъ великодушнаго защитника своего Малерба: „скажите что я не простилъ бы имъ если хоть капля крови была пролита за меня. Я не хотѣлъ проливать ее когда можетъ-быть она сохранила бы мнѣ тронъ и жизнь. И не раскаиваюсь. Я почти всю жизнь мою обдумывалъ роковую исторію Карла I и никакъ не могъ привыкнуть къ идеѣ короля обращающаго оружіе противъ подданныхъ". Доброму королю не входило въ мысль что иногда нѣсколько капель крови могутъ предотвратить ея потоки.

Правители не особыхъ личныхъ дарованій, но обладающіе яснымъ государственнымъ смысломъ, не разъ оставляли по себѣ самую почетную историческую память, умѣя довѣриться какому-либо великому государственному уму способному направлять ходъ государственнаго корабля. Людовикъ XVI былъ слишкомъ безсиленъ и для такой роли. Кто и каковы были его министры? Двадцатилѣтній король нуждался въ руководителѣ. Семейнымъ совѣтомъ былъ призванъ находившійся въ продолжительномъ удаленіи отъ двора бывшій министръ Людовика XV, Морепа (Maurepas), умный старикъ, тонкій придворный, смотрѣвшій на государственныя дѣла

со скептицизмомъ человѣка имѣющаго единственною цѣлью удержаться во власти, извлекая изъ нея все что̀ можетъ она дать пріятнаго. „Это былъ, говоритъ Мармонтель (Mém., III, 283), человѣкъ чрезвычайной любезности, занятый самимъ собой, министръ-куртизанъ... Никакой энергіи ни для добра, ни для зла; слабость безъ доброты, злость безъ мрачности, злопамятность безъ гнѣва, беззаботность о будущемъ, какъ ему не принадлежащемъ; можетъ-быть даже искреннее желаніе общественнаго блага, когда можно что-либо сдѣлать безъ риска для себя; воля тотчасъ охлаждающаяся какъ только предстоитъ опасность кредиту или покою: таковъ былъ до конца старикъ котораго дали въ руководители и совѣтники молодому королю.“

Пріятель. Большое вліяніе на короля имѣла королева. Блестящая, красивая, о которой говорили что она „лучше всѣхъ умѣла ходить во Франціи“, легкомысленная, никогда ничего серіознаго не читавшая: гжа Кампанъ говоритъ что „не бывало принцессы которая имѣла бы такое отвращеніе отъ всякаго серіознаго чтенія какъ Марія Антуанета“; вся въ чаду удовольствій: то въ минуты рѣдкаго снѣга въ легкихъ санкахъ въ сопрожденіи придворной молодежи пролетающая по Парижу, то пѣшкомъ съ палочкой отправляющаяся въ Тріанонъ, то переодѣвающаяся молочницей, лодочницей, то играющая Розину, то бѣгающая, какъ свидѣтельствуетъ маркизъ Мирабо (Louis XVI par A. Renée), „въ костюмѣ крестьянки, въ фартукѣ, одна, безъ свиты и лакей по дворцу и террасамъ, спрашивая у перваго встрѣчнаго во фракѣ дать ей руку чтобы довести до конца лѣстницы“; пылкая въ гнѣвѣ, королева легко овладѣвала медленнымъ умомъ короля, и не рѣдко диктовала рѣшенія не слишкомъ конечно согласныя съ совѣтами политической мудрости. Морепа, удаленный при Людовикѣ XV отъ двора чрезъ женщину, гжу Помпадуръ, чувствовалъ особый страхъ предъ королевой и болѣе всего боялся ея вліянія.

Въ *Мемуарахъ* барона Безанваля (Berville et Barrière *Collect. des mémoires relatifs à la révolution: Mém. de baron de Bezenval*, Paris, 1821, т. II, 83) есть любопытный разказъ какими извилистыми путями, проходя между вліяніями Морепа и королевы, приходилось при дворѣ Людовика XVI достигать министерства даже достойнымъ людямъ. Баронъ Безанваль, пользовавшійся значительнымъ кредитомъ, желалъ доставить

военное министерство своему другу графу де-Сегюру, человѣку замѣчательной храбрости, твердаго и благороднаго характера. Онъ рѣшилъ, не сообщая о томъ своему другу, дѣйствовать на гжу Полиньякъ, расположеніемъ которой пользовался и которая была въ свою очередь чрезвычайно близка съ королевой. Военное министерство было въ это время въ рукахъ князя Монбаре, управленіемъ котораго были недовольны, такъ какъ благодаря его слабости „вольничанье, анархія и хаосъ“ въ войскѣ достигли крайнихъ предѣловъ. Безанваль много разъ говорилъ гжѣ Полиньякъ о дурномъ управленіи Монбаре и внушалъ что дѣло могло бы поправиться съ назначеніемъ Сегюра. Внушенія не произвели дѣйствія, и Безанваль былъ непріятно удивленъ когда, заговоривъ однажды вновь о Монбаре, услышалъ отъ гжи Полиньякъ что дѣйствительно управленіе этого министра никуда не годится и слѣдовало бы подумать кѣмъ замѣнить его, какъ будто о Сегюрѣ не было и рѣчи. Безанваль скрылъ смущеніе и спросилъ, кого же она имѣетъ въ виду. „Одного изъ вашихъ друзей, графа Сегюра.“ Оказалось что лицо чрезвычайно близкое къ гжѣ Полиньякъ, г. д'Адемаръ, изъ собственныхъ соображеній, явился предъ нею, помимо Безанваля, ходатаемъ за Сегюра. Безанваль догадался что гжа Полиньякъ и забыла о его съ нею разговорахъ; но не подалъ виду и, какъ бы подумавъ минуту, со своей стороны сталъ одобрять выборъ. Гжа Полиньякъ говорила съ королевой и склонила ее въ пользу замѣщенія Монбаре Сегюромъ. Но на пути лежало значительное препятствіе. Жена могущественнаго Морепа была покровительницей Монбарея и побуждала мужа поддерживать неспособнаго министра. Оставалась, говоритъ Безанваль, одна надежда что окончательное разстройство военной администраціи понудитъ, наконецъ, удалить Монбаре. Между тѣмъ Сегюръ ничего не зналъ о предпринятыхъ въ его пользу хлопотахъ и очень удивился услышавъ о нихъ отъ Безанваля, но мало-по-малу сдружился съ мыслію о министерствѣ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вліяніе королевы и ея торжество надъ Морепа выразилось удаленіемъ Сартина и замѣщеніемъ его въ качествѣ морскаго министра г. де-Кастри. Это затрудняло возможность второй побѣды какою было бы назначеніе Сегюра. Примѣшалось еще обстоятельство: Сегюръ самъ испортилъ было свое дѣло. „При дворѣ, говоритъ Безанваль, иногда самыя ничтож-

ныя обстоятельства ведутъ къ важнымъ слѣдствіямъ.“ Сегюръ только-что оправившійся послѣ сильнаго приладка подагры явился въ Версаль и имѣлъ весьма болѣзненный видъ. Когда королева рѣшилась заговорить о смѣнѣ военнаго министра и чтобы маскировать свое желаніе назвала Сегюра вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, Лудовикъ XVI отвѣтилъ что о Сегюрѣ нечего и думать: его здоровье слишкомъ разстроено. Разговоръ не остался тайной для Морепа, и хотя онъ лично не имѣлъ ничего противъ Сегюра, но обиженный тѣмъ что обойденъ, не желая новаго усиленія вліянія королевы, а отчасти и подчиняясь женѣ покровительствовавшей Менбарею, онъ сталъ усиленно поддерживать этого министра, вполнѣ сознавая его негодность. Морепа успѣлъ даже перемѣнить мнѣніе королевы, увѣрить ее что она обманута и возбудить ее противъ гжи де-Полиньякъ. Произошла бурная сцена. Замѣчу что бурныя сцены были въ характерѣ королевы. Такая сцена была разъ съ Монбареемъ, не исполнившимъ желанія королевы о переводѣ какого-то полковника. Королева разразилась упреками и хлопнула дверью такъ что отлетѣлъ косякъ. Когда Монбарей началъ разказывать о томъ королю, тотъ сказалъ только: „никто лучше меня не знаетъ какъ произошла сцена съ вами.“ (*Louis XVI* par A. Renée, 251).

Королева рѣзко упрекала свою наперсницу. Оскорбленная Полиньякъ объявила что не останется долѣе при дворѣ. Это подѣйствовало, королева смягчилась, но Полиньякъ оставалась непреклонною въ рѣшеніи. Королева разрыдалась, бросилась къ ногамъ гжи Полиньякъ (finit par se jeter aux genoux de madame de Polignac) и умоляла ее остаться. Примиреніе состоялось. Королева снова взялась хлопотать о Сегюрѣ. Наканунѣ новаго 1781 года, на собраніи во дворцѣ, королева шепнула гжѣ де-Полиньякъ что отставка военнаго министра рѣшена, и на мѣсто его назначается Пюисегюръ. Это разстраивало всѣ планы; гжа Полиньякъ послѣшила къ себѣ и, по совѣту г. д'Адемара, настойчиво, для своихъ цѣлей, ходатайствовавшаго за графа Сегюра, написала королевѣ прося немедленнаго свиданія. Въ одиннадцать часовъ вечера королева явилась къ гжѣ Полиньякъ. Та представила ей какъ унизительно будетъ для достоинства королевы если Морепа возьметъ верхъ. Уже при дворѣ всѣ толкуютъ о предстоящемъ замѣщеніи и спрашиваютъ себя кто болѣе имѣетъ вліянія на короля, королева или Морепа. Возбужденная бесѣдой, королева утромъ въ семь часовъ от-

правилась къ королю. Послали за Морепа и королева въ его присутствіи настойчиво изложила права Сегюра къ занятію мѣста военнаго министра. Застигнутый врасплохъ Морепа сдѣлалъ нѣсколько возраженій которыя легко были опровергнуты королевой. Король склонился на ея сторону, и она поспѣшила сказать Морепа: „Вы слышите волю короля; поспѣшите послать за Сегюромъ и сообщите ему ее“. Для самолюбія Морепа это былъ, какъ самъ онъ потомъ говорилъ одному изъ близкихъ ему лицъ, самый чувствительный ударъ. Но оставалось только повиноваться. Вотъ какъ графъ Сегюръ сдѣлался военнымъ министромъ! Подобное сплетеніе интригъ сопровождало большинство назначеній. По смерти Морепа, королева, внушаемая близкими къ ней придворными, была лицомъ наиболѣе вліявшимъ на короля.

Авторъ. Министровъ Лудовика XVI можно раздѣлить на два разряда—министры придворныхъ интригъ и министры популярности. Огромное большинство принадлежитъ къ первому разряду; путь придворной интриги былъ почти единственный для достиженія министерскихъ мѣстъ и соединенной съ ними власти. Со способностями и знаніями не справлялись. Выраженіе Фигаро: „нуженъ былъ счетчикъ, назначили танцора“, какъ нельзя болѣе метко. Сартинъ, хорошій оберъ-полицеймейстеръ, попалъ въ морскіе министры. Неккеръ, навѣстивъ его чрезъ нѣсколько дней послѣ назначенія, засталъ его предъ большою стѣнною картой. „Посмотрите, сказалъ онъ, какіе я сдѣлалъ успѣхи. Могу зажмурясь показать рукою четыре части свѣта.“ *(Oeuvres de Mme de Staël*, Paris 1820, T. XII, 103). Къ министрамъ популярности надлежитъ причислить Тюрго и Неккера.

Пріятель. Я не совсѣмъ согласенъ съ тобою относительно Тюрго. Правда, онъ былъ приглашенъ въ министерство Морепа благодаря своей извѣстности, но не забудь что онъ долгое время былъ интендантомъ и въ этомъ высокомъ званіи пользовался репутаціей отличнаго администратора. Популярность его ограничивалась не обширнымъ кругомъ. Въ дѣятельности своей этотъ замѣчательный человѣкъ, правда доктринеръ, не всегда считавшійся съ дѣйствительностію, но во всякомъ случаѣ правитель честный, искавшій блага страны, о которомъ король однажды не безъ основанія сказалъ: „кажется только я и Тюрго любимъ народъ“,—чистъ и отъ упрека въ исканіи популярности и въ про-

искахъ предъ властію. Въ раздраженной бесѣдѣ онъ имѣлъ смѣлость сказать Людовику XVI: „слабому королю два исхода: или мушкетъ Карла IX или эшафотъ Карла I.“ Тюрго сдѣлалъ что̀ могъ и принесъ много пользы странѣ. Не его вина что въ безхарактерномъ королѣ нельзя было найти прочной опоры.

Авторъ. Уступаю тебѣ Тюрго. Истинный типъ министра популярности есть Некеръ. Его дочь гжа Сталь, благоговѣющая предъ отцемъ, говоритъ что популярность была для него все. „Послѣ религіозныхъ обязанностей, пишетъ она (*Oeuvr.* T. XII, 106), его всего болѣе озабочивало общественное мнѣніе. Состояніе, почести, все чего добиваются честолюбцы, онъ приносилъ въ жертву уваженію націи; и этотъ голосъ народа имѣлъ для него нѣчто божественное.“ Заслужить и сохранить репутацію безукоризненной честности было одною изъ главныхъ его задачъ. Честный Некеръ сдѣлался нарицательнымъ наименованіемъ. Но честность эта, какъ и Лафайета, соединялась съ сильною дозой разчета. Враги подмѣтили эту черту и не безъ остроумія говорили указывая на женевское происхожденіе Некера: если Женевецъ бросится въ окно, бросайтесь за нимъ смѣло, не расшибетесь. Для Некера истиннымъ государемъ былъ не Людовикъ XVI, а популярность. „Мнѣніе“ посадило въ правительство своего министра. Некеръ понималъ что силы его въ томъ что онъ въ самомъ правительствѣ являлся представителемъ требованій „мнѣнія“, хотя бы направленными къ разрушенію этого правительства. Спастись можно только уступками. Выразителемъ того какія требуются уступки былъ Некеръ. Являясь примирителемъ націи и короны, онъ въ сущности былъ, во второе по крайней мѣрѣ свое министерство, министръ революціи помогавшій ей руками самого правительства сдѣлать свое дѣло. Король инстинктивно чувствовалъ фальшь, смутно понималъ что въ министрѣ своемъ имѣетъ посла какой-то чужой державы, отъ имени которой ведутся переговоры; тѣмъ не менѣе въ трудную минуту вручаетъ ему спасеніе короны. Я далекъ отъ мысли приписывать Некеру революціонные планы. Его двуличность была искреннею, какъ ни странно можетъ показаться соединеніе этихъ двухъ качествъ, повидимому исключающихъ одно другое. Но люди себя обманывающіе встрѣчаются еще чаще чѣмъ обманывающіе другихъ. Тѣмъ

не менѣе, для Франціи стараго порядка Неккеръ былъ роковой человѣкъ.

Не стану перечислять министровъ интриги. Для нихъ славною задачей было сохранить мѣсто; дѣло, естественно, стояло на второмъ планѣ. Обезпечивъ свое положеніе, въ вѣдомствѣ своемъ можно было дѣйствовать весьма произвольно. Единства въ правительствѣ не было. Монбаре говоритъ что министерства, при государственномъ порядкѣ строго, казалось, монархическомъ, представляли собою совершенныя республики. Каждое дѣйствовало на свой образецъ. Между министрами попадались способные, но мало честные; бывали и честные, но мало способные. Послѣ Флёри, преемника Неккера, министромъ финансовъ былъ назначенъ Д'Ормессонъ. При дворѣ сложили остроту: „у меня новый ловаръ".—„Хорошо готовитъ?"—„Нѣтъ, но честнѣйшій человѣкъ".

Пріятель. Наиболѣе способный былъ безъ сомнѣнія привлекательный Калонъ (Calonne), отличавшійся удивительною легкостью въ работѣ и потому отдававшій почти все время свѣтской жизни, умѣвшій въ минуты смущенія представить положеніе разстроенныхъ финансовъ въ блестящемъ видѣ, сылавшій государственными деньгами, говорившій королевѣ: „если то что̀ желаете ваше величество возможно, оно уже сдѣлано; если невозможно, будетъ сдѣлано"; самоувѣренно доводившій легкомысліе и рискъ до увлекавшей наглости, ни на минуту не задумавшійся предъ бурей и безъ кормчаго распустить всѣ паруса государственнаго корабля.

Авторъ. Морепа внушилъ молодому королю систему какъ нельзя болѣе пришедшуюся по характеру Лудовика XVI: не принимать на себя инициативы правительственныхъ рѣшеній чтобы не нести за нихъ нравственной отвѣтственности, а предоставить ихъ вполнѣ собранію министровъ соглашаясь съ мнѣніемъ большинства. При случайности состава корпуса министровъ, при частой ихъ смѣнѣ, понятно къ какой политической непослѣдовательности, къ какимъ противорѣчіямъ должна была вести такая система. Царствовать, но не управлять, передавъ управленіе группѣ людей составившейся чрезъ тысячи случайностей, значило потрясти монархическое неограниченное правленіе, какимъ было правленіе во Франціи, въ самомъ его принципѣ. Лудовикъ XVI не имѣлъ правительственнаго генія Екатерины или Фридриха II; на несчастіе Франціи онъ не имѣлъ достаточно государственнаго

смысла чтобы найти совѣтника обладающаго дѣйствительнымъ государственнымъ умомъ и довѣриться ему. Принятая система укрѣпила въ умахъ отдѣленіе короля отъ правительства. Въ высшей степени замѣчательно что самъ король, въ головѣ котораго роились тѣ же мысли при которыхъ слагались легкомысленныя политическія сужденія въ обществѣ, самъ отдѣлялъ себя отъ своего правительства. „Я окруженъ, пишетъ онъ Малербу (Malesherbes) въ апрѣлѣ 1776 года *Lettres de Louis XVI*, par Chauvelot, Paris 1862, стр. 63), людьми имѣющими интересъ вводить меня въ заблужденіе, мѣшать тому чтобъ общественное мнѣніе доходило до меня... Вы, мудрый Морепа и неустрашимый Тюрго, имѣете наиболѣе правъ на мое довѣріе.“ Мудрый Морепа, дѣйствительно, управлялъ дѣлами; неустрашимый Тюрго не нашелъ поддержки въ королѣ, Малербъ имѣлъ мало вліянія. „Вы имѣете, пишетъ далѣе въ томъ же письмѣ юный царственный либералъ, душу *гражданина*, вы передали ее и завѣдуемой вами Палатѣ (Cour des aides). Сужу объ этомъ по мощному краснорѣчію представленій какія вы ей диктуете и которыя я помѣстилъ въ избранной библіотекѣ моей съ рѣчами Цицерона противъ Катилины и Филиппиками Демосѳена. Я еще не увѣренъ полезно ли сѣять столь философскія начала среди монархическаго строя, который столько недовольныхъ хотятъ потрясти. Но представленія ваши исполнены желанія общественнаго блага. Они просвѣщали меня относительно безпорядковъ которые дворъ и *мои министры* сговаривались отъ меня скрывать.“ Трудно конечно рѣшить самъ ли король писалъ это письмо или при чьемъ-либо участіи. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ тотъ же король писалъ тому же Малербу: „Тюрго, любезный Малербъ, не годится болѣе для мѣста которое занимаетъ. Онъ слишкомъ цѣленъ даже въ добрѣ которое хочетъ сдѣлать. Деспотизмъ, какъ я вижу, ни въ чемъ не годенъ, даже когда хочетъ заставить великій народъ быть счастливымъ. Парламентъ, дворянство, особенно Морепа, искренно меня любящій, просятъ его отставки и я только что подписалъ ее.“ Изъ тѣхъ же писемъ узнаемъ что король увлекался вначалѣ сочиненіями Вольтера. Руссо, Дидро, но потомъ пришелъ къ опасенію „не смутили бы они молодежь и не приготовили бы смуту поколѣнію которое имъ покровительствуетъ“. (Письмо отъ 13 декабря 1786 года.)

По преимуществу, уполномоченнымъ органомъ націи въ предреволюціонную эпоху считали себя парламенты. Парламен-

ты въ Парижѣ и въ провинціяхъ были по происхожденію и назначенію своему учрежденія судебныя, при правительствахъ сильныхъ не выходившіе изъ круга своихъ обязанностей. Мало-по-малу они расширили свое значеніе, воспользовавшись правомъ внесенія новыхъ законовъ въ общій сводъ (enregistrement des lois). Внесеніе это первоначально имѣло цѣлью принятіе парламентами къ свѣдѣнію тѣхъ законовъ по какимъ они должны были судить и на которыхъ должны были мотивировать свои заключенія. Парламенты обратили этотъ актъ въ право дѣлать представленія и возраженія правительству прежде чѣмъ внести законъ въ общій сводъ. Захвативъ это право, они съ настойчивостію и значительнымъ искусствомъ обратили его какъ бы въ право охраны народныхъ интересовъ и сдѣлали изъ своихъ представленій и возраженій, по выраженію Монбаре, „публичные уроки независимости почти всегда звучавшіе какъ набатъ возстанія.“ Они явились главными противниками правительства. Министры весьма не рѣдко, или для того чтобы поддержать свой авторитетъ и личное преобладаніе, или изъ ревности къ своимъ соперникамъ, старались вліять на тотъ или другой парламентъ въ своихъ интересахъ и тѣмъ придавали имъ силы въ борьбѣ съ правительствомъ (Монбарей, III, 97). Борьба съ парламентами проходитъ чрезъ все царствованіе Людовика XV. Они побѣдили іезуитовъ, но затѣмъ сами пали въ борьбѣ съ королевскою властью. Канцлеръ Молу, самъ бывшій президентомъ одного изъ парламентовъ и чрезъ то близко знакомый со всѣми пружинами этихъ учрежденій, коснулся ихъ сильною рукой и настоялъ на судебной реформѣ замѣнившей старые парламенты новыми учрежденіями, которыя пришлось по необходимости наполнить новыми лицами безъ особенно строгаго выбора. Людовикъ XVI вступивъ на престолъ засталъ старые парламенты распущенными. Канцлеръ Молу, какъ лицо крайне не популярное, былъ скоро удаленъ; руководителемъ короля сталъ Морепа. Борьба старыхъ парламентовъ съ короной сдѣлала ихъ популярными въ общественномъ мнѣніи. Возвращеніе казалось мѣрою либеральною, которою можно угодить общественному требованію. Морепа высказался въ пользу возвращенія. Это разнеслось, и въ Парижѣ на представленьѣ въ Опера онъ былъ привѣтствованъ рукоплесканіями зрителей (Веберъ, I, 118). Либеральный, но проницательный Тюрго былъ про-

тивъ возстановленія учрежденія только-что побѣжденнаго съ значительнымъ трудомъ и понималъ что возстановленіе его равносильно пораженію наносимому правительствомъ самому себѣ. Дѣйствія правительства обнаружили его слабость и неспособность. Учрежденія смѣнившія распущенные парламенты были составлены съ большими трудностями. Члены ихъ, не популярные въ обществѣ, нуждались въ поддержкѣ правительства, и которое устами новаго короля только-что выразило имъ: „можете надѣяться на мое покровительство!“ То же правительство однако немедленно ихъ бросило, давая свидѣтельство что друзей оно не поддержитъ и выдастъ, а предъ врагами преклонится. Они жаловались на свое положеніе, говоря что толпа имъ свищетъ на улицахъ когда они отправляются въ засѣданія, Морепа отвѣтилъ: „ходите туда въ домино“. Въ королевскомъ засѣданіи 12 ноября 1774 (lit de justice) Людовикъ XVI возстановилъ суды уничтоженные его предшественникомъ и уничтожилъ тѣ которые учредилъ Людовикъ XV. Возстановленіе было объявлено какъ бы въ формѣ прощенія. Король говорилъ: „король мой предокъ вынужденный вашимъ неоднократнымъ сопротивленіемъ его повелѣніямъ сдѣлалъ то чего требовала отъ его мудрости обязанность поддержать авторитетъ власти и вмѣстѣ съ тѣмъ дать судъ и правду его народамъ. Нынѣ призываю васъ вновь къ вашимъ обязанностямъ которыя вы никогда бы не должны были оставлять. Чувствуйте всю цѣну моей доброты и никогда о томъ не забывайте.“

Тюрго предупреждалъ короля что „нѣтъ ничего труднѣе какъ урезонить духъ корпораціи; корпорація безъ малѣйшаго зазрѣнія окажетъ себя неблагодарною, ибо состоитъ изъ неотвѣтственныхъ элементовъ“.

Въ Парижѣ, описываетъ Веберъ, „первымъ дѣйствіемъ новаго парламента было, на другой же день послѣ возстановленія, протестовать противъ эдикта которымъ онъ былъ возстановленъ и противъ формъ королевскаго засѣданія, даровавшаго ему жизнь.... Ученіе проводимое парламентомъ состояло въ томъ что онъ не прекращалъ своего существованія хотя члены его были смѣщены и разсѣяны; что не отъ эдикта о возстановленіи зависитъ существованіе парламента, и эдиктъ этотъ только оскорбляетъ его права.“ Парламенты возвратились побѣдителями, правительству оставалось только уступить; вновь явились силою противоборствующею правитель-

ству, такъ какъ именно въ этомъ противоборствѣ заключалось ихъ значеніе. Противодѣйствіе вызывали даже мѣры направленныя ко благу народа.

Пріятель. Припомнимъ что и популярный Неккеръ былъ противъ парламентовъ. Одною изъ любимыхъ мыслей Неккера было введеніе провинціальныхъ собраній. Противодѣйствіе парламентовъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ побудило его такъ высказаться въ секретномъ докладѣ королю (Lavergne, *Revue des deux Mondes*, juillet 1861, p. 46 статья О провинціальныхъ собраніяхъ во Франціи"). „Общество, ловинуясь направленію какое приняли умы, нынѣ зорко всюду высматриваетъ злоупотребленія и неудобства. Отсюда безпокойное и смутное критикованіе дающее постоянную пищу стремленію парламентовъ вмѣшиваться въ дѣла управленія. Стремленіе это обнаруживается съ ихъ стороны все сильнѣе и сильнѣе. Какъ всѣ корпораціи ищущія власти, они выступаютъ какъ бы отъ имени народа, именуя себя защитниками правъ націи. Не сильные ни образованіемъ ни чистотою любви къ государственному благу, они, безъ сомнѣнія, будутъ и продолжать такъ дѣйствовать, пока будутъ разчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія. Надо слѣдовательно или отнять у нихъ эту поддержку или быть готовымъ на постоянное возобновленіе борьбы, которая возмутитъ покой царствованія вашего величества и приведетъ или къ уничтоженію власти, или къ крайнимъ мѣрамъ, послѣдствія которыхъ нельзя съ точностію и измѣрить. Единственное средство предотвратить эти столкновенія—возвратить парламенты къ ихъ почетнымъ и спокойнымъ обязанностямъ судебнымъ и удалить отъ ихъ глазъ предметы управленія." Донесеніе сдѣлалось какъ-то извѣстнымъ. Паденіе Неккера было его послѣдствіемъ.

Авторъ. Министръ Калонъ, готовый на всякія рискованныя предпріятія, именно съ цѣлью побороть парламенты склонилъ короля къ собранію нотаблей, поставившему Францію на склонъ по которому она въ два года пришла къ революціи. Началомъ революціи принято считать 1789 годъ. Но уже годы 1787 и 1788 былъ вполнѣ революціонные. Надѣюсь мы остановимся на нихъ потомъ съ нѣкоторою подробностію. Въ эти годы правительство само устраивало революцію чтобы потомъ революція могла обойтись безъ правительства.

Какъ фактивна была сила парламентовъ, обусловившаяся тѣмъ что они были въ борьбѣ съ правительствомъ, доказы-

вается тѣмъ съ какою быстротой исчезла громадная популярность пріобрѣтенная было ими въ разгарѣ этой борьбы въ 1788 году. Едва прошелъ годъ, и учрежденія на защиту которыхъ волновалось общество, поднимались народныя массы, были сметены нѣсколькими словами презрительнаго декрета Національнаго Собранія отъ 3 ноября 1789 года. По предложенію Александра Ламета (Lameth) было постановлено: „въ ожиданіи не въ далекомъ будущемъ обсужденія Собраніемъ новой организаціи судебной власти, всѣ парламенты государства имѣютъ продолжать свою вакацію, а тѣ которые вернулись къ занятіямъ имѣютъ возвратиться къ состоянію вакаціи.“ „Теперь, замѣтилъ Мирабо, у парламентовъ вакація. Пусть никогда изъ нея и не выходятъ. Возвращаться имъ не придется, прямо перейдутъ отъ агоніи къ смерти.“ Въ ноябрѣ 1790 году состоялся декретъ объ окончательномъ уничтоженіи парламентовъ. Парламентъ въ Тулузѣ пробовалъ сопротивляться. Главные члены его затѣмъ погибли на эшафотѣ.

А общественное мнѣніе такъ поддерживавшее парламенты въ борьбѣ съ правительствомъ? Въ журналѣ Прюдома *Révolutions de Paris* (N. XVII, 27) читаемъ: „Вся Франція ждала рѣшенія Національнаго Собранія относительно парламентовъ. Вся Франція съ огорченіемъ видѣла что Мартиновъ день приближается, а еще ничего не рѣшено. Вдругъ по всему городу разнесся слухъ о рѣшеніи Собранія на неопредѣленный срокъ продолжить парламентскую вакацію, а тѣ парламенты которые уже вернулись возвратить въ состояніе вакаціи. Если дѣло о имуществахъ духовенства и могло оставить нѣкоторыя сомнѣнія вполнѣ ли уничтожена пагубная коалиція стремившаяся погубить государство, то теперь, послѣ новаго декрета или, лучше сказать, новаго благодѣянія законодательнаго корпуса, нѣтъ болѣе мѣста сомнѣнію. Членъ сдѣлавшій предложеніе, тѣ кто поддерживали его, всѣ признали что существованіе парламентовъ *не согласно* съ нынѣшнею нашею конституціей. Систематическіе притѣснители народа, открытые враги королевской власти, они, что бы ни дѣлали, имѣли одну цѣль—все согнуть подъ свой деспотизмъ. *Я тебя повѣшу*, была любимая угроза нашихъ господъ членовъ парламента и нерѣдко такою любезностію отдѣлывались они отъ кредиторовъ. Народъ думающій что господа эти не безъ вины въ нынѣшнемъ го-

лодѣ съ живѣйшею радостію услышалъ въ пятницу обнародованіе этого декрета, утвержденнаго королемъ.“ Вотъ какъ преходяща популярность!

Борьба съ парламентами обнаружила великую слабость власти. Ясно были что она вывалилась изъ рукъ правительства. Поднимался вопросъ въ чьи руки она перейдетъ. Въ странѣ были три сословія съ государственнымъ значеніемъ: духовенство, дворянство и средній классъ, thiers état. Какое изъ нихъ имѣло достаточно энергіи чтобъ явиться политически преобладающимъ? Обыкновенный отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ что наибольшій запасъ жизненной силы былъ въ этомъ третьемъ классѣ, являвшемся какъ бы по праву представителемъ націи. Когда предъ призывомъ государственныхъ сословій (états généraux) главнымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго такъ много зависѣло въ будущемъ, былъ вопросъ о двойномъ числѣ представителей со стороны третьяго сословія, страна была „наводнена брошюрами“ (*Introduct. au Moniteur* per Thuau Granville) касавшимися этого предмета, отношеній между сословіями и вообще политическихъ предметовъ. Достойно замѣчанія что эта литература популяризовавшая ученія Руссо, Мабли, Рейналя и энциклопедистовъ, была вызвана самимъ правительствомъ. Королевскій декретъ 5 іюля 1788 года обращался къ ученымъ обществамъ и всѣмъ свѣдущимъ людямъ съ приглашеніемъ составлять записки и собирать историческія свѣдѣнія по вопросу о составѣ собраній государственныхъ чиновъ въ прежнее время. Писателямъ была предоставлена свобода слова. Въ брошюрѣ наиболѣе надѣлавшей шума аббатъ Сіесъ ставилъ три вопроса. „Что такое среднее сословіе?—Все.—Чѣмъ было оно до сихъ поръ въ политическомъ строѣ? — Ничѣмъ. — Чего проситъ оно?—Сдѣлаться чѣмъ-нибудь.“ Что такое въ самомъ дѣлѣ было это третье сословіе желавшее стать чѣмъ-нибудь, тогда какъ оно было *все* и о которомъ Черутти (Cerutti) въ свою очередь писалъ: „трудность не въ томъ только чтобы собрать третье сословіе, а чтобы найти истинно таковое во Франціи: всякій горитъ желаніемъ изъ него выйти“ (*Mém. pour le peuple français*, Gr. de Cassagnac I, 90). Какіе элементы его составляли? Конечно, не народъ въ тѣсномъ смыслѣ. Французское крестьянство, много уступавшее да и нынѣ уступающее въ политическомъ смыслѣ и тактѣ нашему здравому народу, могло быть тамъ и самъ возбужде-

но къ бунту, давало изъ себя то отребье черни которое за деньги готово на всякія неистовства, могло служить орудіемъ революціи, но само по себѣ политической силы въ странѣ не составляло и о революціи не думало. Купцы, промышленники, мѣщане въ обширномъ смыслѣ, въ свою очередь, составляли классъ спокойной буржуазіи дорожившей порядкомъ и внутреннимъ миромъ, менѣе всего имѣвшій претензію быть всѣмъ въ государствѣ. Молодое поколѣніе этого класса, обнаруживавшаго въ столицѣ и главныхъ городахъ, какъ свидѣтельствуетъ между прочимъ Мерсье въ *Картинѣ Парижа*, стремленіе отдавать дѣтей въ коллежи и такимъ путемъ выводить ихъ, сказать по нашему, въ чиновный классъ, доставило, правда, не мало людей вышедшихъ изъ своего сословія, не приставшихъ къ высшему общественному слою, недовольныхъ своимъ положеніемъ; но люди этого разряда, не имѣя общественнаго значенія, могли только пристать къ революціонной арміи, но не могли образовать изъ себя какую-нибудь силу.

Если обратимся къ классу ученыхъ и первоклассныхъ писателей, многочисленному и почетному во Франціи, то по отношенію къ нему надлежитъ повторить слова Біо, на которыя мы разъ ссылались: „Большинство ученыхъ остались простыми зрителями подготовляемыхъ событій; ни одинъ открыто не выступилъ противъ революціи, нѣкоторые приняли ея сторону; именно тѣ кого волновали обширные взгляды и кто видѣли въ общественномъ обновленіи средство приложить и осуществить свои теоріи.“ Извѣстные ученые и литераторы находили доступъ въ высшій кругъ, были необходимою принадлежностію салоновъ. Эта аристократія ума, интеллигенція высшаго разряда, оставалась зрительницей событій, — въ Національное Собраніе не попало, исключая Бальи и еще немногихъ, почти ни одного изъ извѣстныхъ писателей и ученыхъ,—со значительнымъ запасомъ сочувствія къ ожидаемой новой государственной жизни. Это понятно. Самое появленіе ихъ въ аристократическомъ кругу, большинство котораго было еще исполнено кастовыхъ предубѣжденій, было переходомъ къ новому порядку. Какъ ни чествовали ихъ герцоги и маркизы желавшіе стоять на высотѣ вѣка, многое давало имъ чувствовать что они пришельцы въ знатномъ кругу. Даламберъ былъ (Тэнъ, I, 419) въ салонѣ гжи дю-Деффанъ; входитъ домовый врачъ. „Сударыня, имѣю

честь принести вамъ мое глубочайшее почтеніе, говоритъ онъ обращаясь къ хозяйкѣ. — Господинъ президентъ, вашъ покорный слуга, обращается онъ къ находившемуся въ салонѣ президенту Гено. — Здраствуйте г. Даламберъ, киваетъ онъ знаменитому ученому. Анекдотъ разказанъ Шамфоромъ, въ сердцѣ котораго кипѣла зависть и котораго замѣчательный разговоръ съ Мармонтелемъ мы привели выше. Во всякомъ случаѣ интеллигенція, какъ я назвалъ, высшаго порядка не была дѣятельною революціонною силой.

Міръ педагогическій не принадлежалъ къ третьему сословію такъ какъ воспитаніе и по изгнаніи іезуитовъ оставалось почти исключительно въ рукахъ духовенства.

Дѣятельною революціонною силой въ рядахъ средняго сословія была интеллигенція, такъ сказать, втораго порядка. Она-то собственно разумѣла себя подъ именемъ третьяго сословія имѣющаго быть всѣмъ. Она выступила какъ бы воплощая въ себѣ силу милліоновъ людей средняго и низшаго классовъ, самихъ по себѣ нисколько не революціонныхъ. Выступила въ началѣ самозванно. Правительство своими мѣрами сдѣлало ее дѣйствительною представительницей стоявшихъ за нею темныхъ милліоновъ. Изъ ея среды было составлено главнымъ образомъ Національное Собраніе, рѣшившее судьбу Франціи.

Біо говоритъ: „тогда казалось одни ораторы могутъ служить дѣлу свободы, и эта ошибка была отчасти причиною нашихъ золъ.“ Болѣе чѣмъ отчасти: можно сказать главною причиной. Герои общественныхъ говорилень, расплодившихся въ обиліи, сдѣлались, благодаря мѣрамъ правительства, политическою силой. Обратившись къ націи, правительство организовало свой призывъ, такъ что большинство созваннаго собранія составили представители этой безсословной интеллигенціи низшаго порядка; говорю безсословной, ибо одною изъ главныхъ темъ ея было поглощеніе прежняго сословнаго строя въ безразличіи классовъ.

Скажу ближе кого я разумѣю въ рядахъ этой интеллигенціи. Прежде всего судейскій міръ на его среднихъ и низшихъ ступеняхъ—адвокатовъ, нотаріусовъ, судей низшихъ инстанцій и т. под. Членовъ парламента нельзя причислять къ среднему классу; парламенты были особою силою, четвертымъ сословіемъ; мы о нихъ говорили. На преобладающее участіе упоминаемаго класса, какъ въ составленіи „тетрадей жалобъ“

(cahiers de doléances), такъ и въ выборахъ, образовавшихъ изъ нихъ большинство въ Національномъ Собраніи, указываютъ многіе современники событій. Бальи упоминаетъ что адвокаты были главными дѣятелями революціоннаго переворота. Монбаре (III, 209 и 173) съ раздраженіемъ говоритъ: „Министры Людовика XVI разчитывали, допустивъ двойное представительство средняго сословія, купить расположеніе толпы, унизить дворянство и высшее духовенство, а съ другой стороны впустить въ число представителей средняго сословія какъ можно болѣе адвокатовъ и судейскихъ (d'avocats et de gens de loi)—продажный классъ почти всегда безъ принциповъ, привыкшій звонкую фразу ставить на мѣсто дѣла и ловкій въ искусствѣ скрывать истину... Классъ адвокатовъ былъ во всемъ королевствѣ пропитанъ принципами сочиненій Руссо и его послѣдователей. Таланты этого класса, вмѣсто того чтобы служить на защиту частныхъ лицъ и для объясненія законовъ, направились на пагубу правительства."

Другую составную часть разсматриваемой интеллигенціи составляли журналисты, авторы брошюръ и памфлетовъ и вообще люди владѣвшіе перомъ, которое могли отдавать или продавать на службу партіямъ и лицамъ. Эти люди группировались по преимуществу около знатныхъ особъ въ качествѣ секретарей, чиновниковъ и находили поддержку въ классѣ, также заслуживающемъ большаго вниманія, — классѣ банкировъ и подобныхъ капиталистовъ.

Этотъ классъ поднялся параллельно со значительнымъ обѣдненіемъ дворянства. Многочисленные браки дворянъ съ дочерьми представителей финансоваго міра не послужили впрочемъ къ сліянію обоихъ классовъ. „Жадность къ деньгамъ, говоритъ Монбаре (III, 156), заглушила чувство гордости отличавшее дворянство въ прежнее время. Браки съ дочерьми представителей финансоваго міра не мало тому содѣйствовали. Но богатство этимъ путемъ достигнутое не удовлетворяло получившихъ его и только увеличивало жажду наслажденій. Мало-по-малу неразборчивость средствъ для ихъ достиженія развратила сердца. Перемѣна эта была ощутительна при дворѣ. Линія раздѣла между званіями, прежде столь рѣзкая, почти исчезла. Осталась разница только въ степеняхъ богатства. Дочери капиталистовъ воспитывались въ принципахъ равенства, преподаваемыхъ въ философскихъ сочиненіяхъ Вольтера, Руссо и ихъ учениковъ. Эти принци-

лы какъ нельзя болѣе льстили гордости этихъ особъ и подымали ихъ на уровень высшихъ классовъ, существованіе которыхъ уязвляло ихъ самолюбіе.“ Изъ нихъ вышли руководительницы политическихъ салоновъ.

Боркъ указываетъ на замѣчательный, какъ онъ выражается, союзъ капиталистовъ съ классомъ политическихъ писателей. „Писатели, говоритъ онъ, когда дѣйствуютъ цѣлымъ корпусомъ, въ одномъ и томъ же направленіи, получаютъ огромное вліяніе на общественное мнѣніе. Вотъ почему союзъ публицистовъ съ капиталистами произвелъ большое дѣйствіе уменьшивъ ненависть и зависть народа къ этой формѣ богатства. Писатели эти, подобно всѣмъ новаторамъ, показывали большое усердіе по отношенію къ бѣдному и низшему классу общества, а въ то же время въ своихъ сатирахъ силою преувеличенія навлекали сильнѣйшую ненависть къ ошибкамъ двора, дворянства, духовенства. Они сдѣлались демагогами особаго рода: служили соединительнымъ звеномъ для направленныхъ противъ того же предмета враждебныхъ расположеній богатства съ одной стороны и бурливаго отчаянія бѣдности съ другой... Соединенною политикой двухъ этихъ классовъ, капиталистовъ и публицистовъ, объясняется почему, въ то время какъ всякаго рода земельная собственность и учрежденія находившіяся во владѣніи духовенства, сдѣлались предметомъ яростнѣйшихъ нападеній, капиталъ былъ взятъ подъ особую защиту. Зависть преслѣдующая богатство и власть была искусно отклонена отъ другихъ формъ богатства.“

Интеллигенція, о которой говорю, не съ разу могла явиться преобладающею революціонною партіей и захватить власть. Истинное царство ея, хотя и не очень благодѣтельное, наступило въ эпоху владычества Робеспьера, ея типическаго представителя. Къ ея господству требовался переходный мостъ. Мостомъ этимъ послужили тѣ честолюбцы изъ высшаго класса, которые приняли въ свои руки дѣло средняго сословія, направленное къ разрушенію высшихъ классовъ, стали во главѣ революціоннаго движенія, имѣя въ средѣ своей члена королевскаго семейства, герцога Орлеанскаго, деньгами котораго пользовались. Переходъ отъ монархіи къ республикѣ Робеспьера долженъ былъ свершиться чрезъ Мирабо.

Во имя какихъ политическихъ идей дѣйствовали эти ораторы общественныхъ говорилень, вызванные правительствомъ къ высказыванью якобы народныхъ нуждъ и желаній?

Политическое ученіе которое можно усмотрѣть въ основѣ революціоннаго движенія 1789 года есть ученіе энциклопедистовъ и *Общественнаго Контракта* Руссо. Революція есть политическій опытъ этой системы на живыхъ людяхъ. Знаменитая статья *Энциклопедіи*, * *Autorité*, уже заключаетъ въ себѣ это ученіе въ самомъ популярномъ изложеніи. Статья въ свое время надѣлала шуму, вызвала преслѣдованіе. Нѣкоторые утверждали что она заимствована изъ одной англійской книги. Отъ обвиненія въ томъ что статья разрушаетъ ученіе о происхожденіи власти законнаго государя отъ Бога авторъ оправдывался тѣмъ что имѣлъ въ виду только различить власть законнаго государя отъ власти похитителя короны, которому народъ все-таки обязанъ повиноваться, и утверждалъ что статья есть не болѣе какъ развитіе одного мѣста изъ сочиненія изданнаго при Лудовикѣ XIV. Вотъ что̀ читаемъ въ статьѣ *Авторитетъ*: „Ни одинъ человѣкъ не получилъ отъ природы права повелѣвать другими. Свобода есть даръ неба и каждый индивидуумъ человѣческаго рода имѣетъ право пользоваться ею какъ только пользуется разумомъ. Если природа установила какой авторитетъ, то это родительская власть... Всякая другая власть происходитъ не отъ природы, а изъ другихъ источниковъ. При внимательномъ разсмотрѣніи, каждая власть приводится къ одному изъ двухъ источниковъ: или сила и насиліе овладѣвшаго властію, или согласіе между подчиняющимися и тѣмъ кому вручена ими власть на основаніи договора дѣйствительнаго или *предполагаемаго* (contrat fait ou supposé entre eux)“. Эта идея договора, на нарушеніе котораго некуда впрочемъ жаловаться, развита Руссо въ его тяжеловѣсномъ трактатѣ *Contrat Social*. На мой взглядъ Прудонъ правъ въ своей критикѣ этой теоріи. „Къ стыду, говоритъ онъ (*Oeuvr. Compl.* X, 125, Paris 1868), восемнадцатаго и нашего столѣтія *Общественный Контрактъ* Руссо, высшій образецъ ораторскаго жонглерства, возбуждалъ удивленіе, превозносился до облаковъ, разсматривался какъ скрижаль общественныхъ вольностей. Члены Конститюанты, жирондисты, якобинцы, кордельеры признали его оракуломъ. Онъ послу-

* Первый томъ *Энциклопедіи* появился въ 1751 году (*Esprit rév. avant la révol.* par. Felix Roquain). 1878, 146). На слѣдующій годъ этотъ томъ и второй появившійся были присуждены къ уничтоженію (arrêt du Conseil d'Etat, 7 февраля 1752 года).

жилъ текстомъ для конституціи 1793 года, объявленной нелѣпою ея собственными творцами. И нынѣ еще книга эта вдохновляетъ ревностнѣйшихъ реформаторовъ соціальной и политической науки.“ Теорія привлекала своею простотой и доступностью, казалась необходимою какъ скоро, съ паденіемъ духовнаго авторитета, устранена идея божественнаго происхожденія власти и обязательности историческаго преемства.

Что такое принципъ власти? Принципъ власти выражается въ подчиненіи лица опредѣленному требованію независимо отъ того оправдывается ли это требованіе сознаніемъ подчиняющагося лица и согласно ли оно съ его собственною волею. Подчиненіе должно быть даже если требованіе противно желанію лица и несогласно съ указаніемъ его сознанія. Но, возникаетъ вопросъ: должно ли быть подчиненіе этого рода и не есть ли это нелѣпость? Въ силу чего долженъ я дѣлать то что для воли моей непріятно, для сознанія моего несообразно съ требованіями разума? Не есть ли мое прирожденное, естественное право дѣлать лишь то къ чему есть у меня охота и что согласно съ моимъ убѣжденіемъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ, принужденіе какъ нѣчто извнѣ налагаемое необходимо есть нѣкоторая искусственная рамка. Явилась привлекательная идея естественнаго состоянія какъ состояніе непринужденныхъ дѣйствій. Приближеніе къ природѣ чувствительно рисовалось какъ приближеніе къ естественной свободѣ. Удалимъ принужденіе на всѣхъ путяхъ, и настанетъ торжество свободы которая есть именно устраненіе принужденія. Отсюда развязываньe узловъ и развинчиваньe какъ первое дѣйствіе къ достиженію свободы, дѣйствіе притомъ крайне легкое какъ всякое разрушеніе; отсюда неспокойство и броженіе умовъ выискивающихъ что бы устранить и потому находящихся въ состояніи недовольства и неудовлетворенности тѣмъ что есть, ищущихъ чтобы было по новому, хотя и неизвѣстно какъ же именно.

Однако мысль предоставить каждому абсолютный произволъ дѣйствій слишкомъ нелѣпа въ своихъ слѣдствіяхъ чтобы стать основою какого-либо политическаго ученія. Приходится вернуть изгоняемое принужденіе, но подъ другою формой. Принужденіе должно основаться на свободномъ подчиненіи. Но такъ какъ свобода подчиненія не можетъ быть предоставлена отдѣльному лицу, ибо это былъ бы тотъ про-

изволъ личныхъ дѣйствій котораго требуется избѣжать, то въ сущность дѣла вводится фальшь. Свобода является только обманчивымъ утѣшеніемъ. Люди де свободно согласились между собою, дали взаимныя обязательства, заключили контрактъ, постановленія котораго и сдѣлались обязательнымъ закономъ. Принуждаемаго къ повиновенію утѣшаютъ тѣмъ что за него кто-то гдѣ-то согласился. И мало-по-малу въ систему входятъ въ фальшивыхъ одеждахъ старые знакомые: подчиненіе, власть, произволъ, деспотизмъ,—но уже безпощадные, ибо не умѣряются ничѣмъ высшимъ, повинуясь только якобы „разуму“, которому заключенія его диктуютъ страсти. Возникаетъ идея коллективной воли, безпощаднѣйшаго изъ тирановъ. Выборъ является единственною формой вручения власти, по теоріи имѣющею вручить власть достойнѣйшимъ, на практикѣ легко обращающеюся въ форму общественнаго обмана. Верховнымъ закономъ становится воля большинства, мѣняющагося, выходящаго изъ междуусобицъ, подтасованнаго, творящаго велѣнія скрывающихся за нимъ безотвѣтственныхъ агитаторовъ. Приходимъ къ Конвенту...

Философскій камень для всецѣлаго примиренія свободы и власти еще не найденъ. Ищущіе его мало обращаются къ практикѣ, дающей не безполезныя указанія. Въ какихъ условіяхъ оказывается наибольшее согласіе этихъ началъ? Не трудно усмотрѣть что оно оказывается когда подчиняющіеся дорожатъ и чувствуютъ себя удовлетворенными тѣми учрежденіями въ рамкахъ которыхъ поставлена ихъ дѣятельность. Тогда подчиненіе становится дѣйствительно свободнымъ. Когда и верхніе слои и темный народный фундаментъ проходитъ сознаніе что существующій государственный строй есть дорого купленный и подлежащій самому бережному охраненію результатъ тяжелой исторической работы, поднявшей страну, тогда будетъ ли страна демократическою республикой или неограниченною монархіей, она чувствуетъ себя свободною. Когда это сознаніе мутится или его мутятъ, власть подвергается опасности, начинается революціонная эра. Не стоящая на высотѣ задачи власть падаетъ, но не для того чтобы смѣниться царствомъ свободы, но чтобы перейти въ другія руки. Во Франціи вотъ уже сто почти лѣтъ она переходитъ такимъ образомъ....

Наиболѣе логическій изъ революціонеровъ Прудонъ иначе рѣшаетъ задачу революціи. Согласно его ученію есть два основ-

ныя начала: начало власти или авторитета и начало свободы. Задача революціи есть упраздненіе перваго начала и всецѣлая замѣна его вторымъ. Уничтоженіе всякаго правительства, упраздненіе церкви, администраціи, полиціи, войска, вообще разложеніе политическаго государства и замѣна всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній между отношеніями экономическаго характера. Это по крайней мѣрѣ послѣдовательно и безъ обмана. Такъ далеко не шли революціонныя идеи конца прошлаго вѣка и Прудонъ считаетъ первую революцію не свершившею и половины дѣла.

Послѣдніе два года предъ революціей особенно любопытны по тѣмъ правительственнымъ мѣрамъ которыя въ этотъ краткій срокъ быстро подготовили торжество революціи. Судьба правительства рѣшилась призывомъ націи въ той формѣ какъ онъ былъ имъ сдѣланъ. Роковой министръ, самоувѣренный и вмѣстѣ легкомысленный двигатель рискованныхъ предпріятій, пустилъ государственный корабль на всѣхъ парусахъ и самъ былъ немедленно выброшенъ за бортъ. Въ краткій срокъ послѣдовало собраніе нотаблей, повсемѣстное устройство провинціальныхъ собраній, и наконецъ рѣшено созваніе государственныхъ сословій. Но остановлюсь на этомъ. Поучительная исторія правительственныхъ дѣйствій съ эпохи созванія нотаблей заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія...